

Дипломатическая академия МИД России

ЯЗЫК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

**Актуальные вопросы, методы исследования
и проблемы преподавания**

Сборник научных статей

Москва
Квант Медиа
2022

Рецензенты:

С.Н. Халевина – кандидат филологических наук, доцент Департамента английского языка и профессиональной коммуникации Финансового университета при Правительстве РФ;

В.Л. Соколова – кандидат экономических наук, доцент кафедры стилистики английского языка факультета английского языка МГЛУ, Москва

Члены редколлегии:

И.Е. Коптелова – кандидат философских наук, заведующая кафедрой английского языка факультета МО и МП, ДА МИД России

М.В. Басинская – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка факультета МО и МП, ДА МИД России

Ф.Р. Мирзоева, – кандидат педагогических наук, доцент кафедры английского языка факультета МЭ, ДА МИД России

Е.И. Панёвкина – старший преподаватель кафедры английского языка факультета МО и МП, ДА МИД России

Ответственный редактор:

И.Е. Коптелова

Язык. Культура. Общество. Актуальные вопросы, методы исследования и проблемы преподавания: сб. науч. ст. / отв. ред. И.Е. Коптелова; Дипломатическая академия МИД России. — М.: Квант Медиа, 2022. – 246 с.

ISBN 978-5-6048374-7-4

Вниманию читателя представлен сборник статей преподавателей кафедр русского и иностранных языков Дипломатической академии МИД России. Он содержит разнообразный материал, посвященный исследованию актуальных проблем развития и функционирования иностранных языков. В сборнике нашли отражение вопросы развития культуры и общества стран изучаемых языков. В материалах сборника уделяется также внимание профессионально-ориентированному обучению иностранным языкам.

Для специалистов, работающих или занимающихся исследованиями в соответствующих областях.

УДК 372.881.1
ББК 81.2-9

ISBN 978-5-6048374-7-4

© Коллектив авторов, 2022
© Дипломатическая академия
МИД России, 2022
© Оформление.
ООО «Квант Медиа», 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
Раздел 1. ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИИ И ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКА	7
Бурлак Т.А. ИНАВГУРАЦИОННАЯ РЕЧЬ Г. БОРИЧА	7
Волкова М.С. ПРИМЕНЕНИЕ МНЕМОТЕХНИК В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ НА ПРИМЕРЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА.	14
Ивашенко А.Б. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МОБИЛЬНЫХ УСТРОЙСТВ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ БАКАЛАВРОВ НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ «МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ».	20
Казанцев С.В. К ПЕРЕВОДУ ТЕРМИНА «РАЙОН», РОССИЙСКОЙ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЕДИНИЦЫ ВТОРОГО ПОРЯДКА	31
Косоплечева Т.А., Коротеева К.Е. РИТОРИКА НЕНАВИСТИ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АУТЕНТИЧНЫХ ИНФОРМАЦИОННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ ПРИ ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ НАПРАВЛЕНИЯ «МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ» В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ	38
Ликунова И.Ф. ИЗУЧЕНИЕ СТИЛИСТИКИ В ПОРТУГАЛЬСКОМ И БРАЗИЛЬСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ	51
Лукина Ю.В. НОВЫЕ ПОСЛОВИЦЫ И ИЗРЕЧЕНИЯ ЛЮДЕЙ В РАЗНЫХ СТРАНАХ, ПОЯВИВШИЕСЯ ВО ВРЕМЕНА ПАНДЕМИИ	57
Мирзоева Ф.Р. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЭВФЕМИЗМОВ В ЯЗЫКЕ РЕКЛАМЫ	67
Мочалова Т.С. ДИДАКТИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД НА УРОКЕ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА	75
Покровская Л.Ю. НЕКОТОРЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗДЕЛА ПОЛИТИКИ ГАЗЕТЫ ФРАНКФУРТЕР АЛЬГЕМАЙНЕ ЦАЙТУНГ (FAZ).	84
Рубцова Б.Я. ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЯЗЫКОВ В МОЗГЕ БИЛИНГВА	92
Синицын А.Ю. О ЧЕМ ПОЕТ «ФИРМА»?	102

Степанова С. Ю. ВАРИАНТЫ НОРМАТИВНОГО БРИТАНСКОГО ПРОИЗНОШЕНИЯ	111
Сыркова И. А. МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ РЕЧЕВОМУ ЭТИКЕТУ БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ. ЧЕШСКИЙ РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ В ЗЕРКАЛЕ РУССКОГО	119
Фаустова Н. А. ОВЛАДЕНИЕ СИСТЕМОЙ НОРМ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В РАМКАХ КУРСА «СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК И КУЛЬТУРА РЕЧИ»	128
Щербакова О. Ю. МУЛЬТИМЕДИЙНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ	135
Раздел 2. ВОПРОСЫ КУЛЬТУРОЛОГИИ, СОЦИОЛИНГВИСТИКИ И СТРАНОВЕДЕНИЯ	139
Андроненко И. Ф. ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ ИСПАНИИ, МАРОККО И АЛЖИРА В КОНТЕКСТЕ ВОПРОСА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ЗАПАДНОЙ САХАРЫ	139
Грейдина Н. Л. МЕДИАОБРАЗ И НАЦБРЕНДИНГ РОССИИ В ПРЕССЕ США: ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ	149
Коптелова И. Е. HUNGARIKUM — ЭТО О ВЕНГРИИ	160
Лобанова О. Н. СТАНОВЛЕНИЕ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИСПАНО-ЕВРЕЙСКОГО СУБЭТНОСА И СЕФАРДСКОГО ЯЗЫКА	170
Погодина Т. Ю. ЭНТОНИ ТРОЛЛОП: ДВОЙНАЯ ЖИЗНЬ ПОЧТОВОГО ЧИНОВНИКА	181
Потапов Ю. Б. О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ КУЛЬТУРНОЙ ДИПЛОМАТИИ ИРАНА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ.	191
Семенов А. В., Огер О. В. СЧАСТЬЕ В ПОНИМАНИИ ЕВРОПЫ, РОССИИ И КИТАЯ	202
Царькова Е. А. «ПОРТРЕТ» ПРЕПОДАВАТЕЛЯ КАК СУБЪЕКТА ЗАТРУДНЕННОГО ОБЩЕНИЯ.	216
Раздел 3. ГОСТЬ СБОРНИКА	225
Gholam reza Matali Parsa. HISTORY OF DEVELOPMENT OF THE STANDART PERSIAN LANGUAGE FROM THE BEGINNING TO THE PRESENT.	225

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник «Язык. Культура. Общество» включает в себя исследовательские и научно-методические статьи профессорско-преподавательского состава кафедр иностранных языков Дипломатической академии МИД России.

Сборник состоит из трех разделов: первый — вопросы филологии и преподавания языков и второй — вопросы культурологии, социолингвистики и страноведения. В первом разделе представлены статьи, рассматривающие различные процессы развития и изменения, происходящие в языках, проблемы перевода или преподавания иностранных языков. Так, например, в статье Мирзоевой Ф. Р. исследуется эффемизация языка, работы Бурлак Т. А. и Покровской Л. Ю. посвящены политическому и медийному дискурсу в испанском и немецком языках, а работа Степановой С. Ю. — проблеме нормативного британского произношения. В статьях Волковой М. С., Мочаловой Т. С., Фаустовой Н. А. и некоторых других авторов излагаются методические приемы обучения тому или иному языку в Дипломатической академии. В своих статьях Щербакова О. Ю. и Иващенко А. Б. обращаются к проблеме использования современных информационных технологий в обучении языкам.

Во втором разделе представлены статьи, касающиеся широкого круга вопросов, относящихся к культуре и обществу стран изучаемых языков.

Так, учитывая специфику обучения в Академии, в статье Потапова Ю. Б. исследуется фактор культурной дипломатии Ирана на современном этапе, статья Коптеловой И. Е. посвящена вопросам особенностей формирования образа страны. Статья Семенова А. В. и Огер О. В. исследует различия в понятии «счастье» с точки зрения китайцев, русских и европейцев. В статье Царьковой Е. А. обобщаются результаты исследования «портрета» преподавателя в рамках социальной психологии.

В третьем разделе сборника читателям предлагается статья Голама резы Матали Парса о развитии нормативного персидского языка.

Сборник может представлять интерес для преподавателей, научных работников и аспирантов, а также широкого круга лиц, интересующихся вопросами филологии, педагогики, культурологии и социолингвистики.

Раздел 1. ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИИ И ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКА

Бурлак Т. А.
Burlak T. A.

ИНАУГУРАЦИОННАЯ РЕЧЬ Г. БОРИЧА

G. BORIC'S INAUGURAL SPEECH

Аннотация: В данной статье анализируется инаугурационная речь нового президента Чили Г. Борича, вступившего в должность главы государства в марте 2022 года. Анализ производится как в отношении контента, так и в рамках лексико-стилистического разбора речи.

Ключевые слова: Чили; президент Г. Борич; дворец Ла-Монедра; инаугурационная речь

Abstract: This article analyzes the inaugural speech of the new President of Chile, G. Boric, who took office as head of state in March 2022. The analysis is carried out both as to the content and within the framework of the lexical and stylistic analysis of speech.

Key words: Chile; President G. Boric; Palace of La Moneda; inaugural speech

В конце 2021 года в Чили проходили очередные президентские выборы. Кандидатом на пост главы государства от коалиции «Одобряю достоинство», объединившей представителей различных левых сил страны, был молодой чилийский политик Габриэль Борич. В первом туре, состоявшемся в ноябре 2021 года, он набрал 25,82% голосов, выйдя на второе место. Во втором туре Г. Борич набрал уже 55,87% голосов, одержав убедительную победу над своими более опытными соперниками. Мировые СМИ сразу же начали писать о «феномене Борича», поскольку этот 36-летний политический деятель стал самым молодым президентом не только за всю историю Чили, но и за всю мировую политическую историю.

Г. Борич действительно для своих лет сделал стремительную политическую карьеру. В большую политику он пришёл,

будучи общественным деятелем. В 2011 году он был одним из лидеров общенационального студенческого движения, выступавшего против платного высшего образования в стране. В 2013 году уже был избран в нижнюю палату парламента страны в качестве независимого депутата. Затем стал инициатором создания политического движения «Широкий фронт». В 2018 году Г. Борич стоял у истоков создания партии «Социальная конвергенция», которая в 2019 году вошла в состав «Широкого фронта». В октябре 2019 года, когда по стране прокатилась волна массовых протестов, причиной которых было недовольство растущим в стране экономическим и социальным неравенством, Г. Борич, юрист по образованию, был среди инициаторов проведения референдума по принятию в Чили новой конституции, который состоялся в 2020 году. Победа на президентских выборах 2021 года стала своеобразной кульминацией его политической карьеры [1].

По устоявшейся традиции, спустя несколько месяцев после проведения президентских выборов победивший кандидат официально вступает в должность президента страны. Как правило, в здании Национального конгресса проходит торжественная церемония инаугурации нового главы государства. Однако, в отличие от многих своих латиноамериканских коллег Г. Борич не стал выступать в конгрессе с программной речью. 11 марта 2022 года, после завершения церемонии вступления в должность президента страны он ограничился лишь кратким заявлением для прессы. Свое выступление в качестве лидера Чили Г. Борич сделал в тот же день в столице страны г. Сантьяго-де-Чили. С балкона президентского дворца Ла Монеда перед многотысячной толпой сторонников он произнес свою первую речь в статусе главы государства [2].

На что сразу обращаешь внимание при знакомстве с его речью?

Во-первых, по сравнению с выступлениями предыдущих лидеров Чили и других глав латиноамериканских государств инаугурационная речь Г. Борича является довольно короткой: она длится не более 40 минут.

Во-вторых, с точки зрения контента она не содержит глубокого анализа ни экономического, ни внутривнутриполитического, ни международного положения страны. С этой точки

зрения, она безусловно проигрывает инаугурационной речи президента Аргентины А. Фернандеса (2019 г.), содержавшей серьёзный анализ внутреннего положения этой страны, тогдашней международной обстановки и места Аргентины в современном мире [3].

В-третьих, данное выступление молодого лидера Чили не отличается особыми или интересными творческими подходами. В этом смысле оно довольно стандартно и шаблонно. Как не вспомнить в связи с этим произнесённую на площади Сокало в Мехико инаугурационную речь его более старшего и опытного мексиканского коллеги, президента А.М. Лопеса Обрадора, запомнившуюся своим лаконичным, но насыщенным содержанием, яркой формой и не менее эмоциональным характером [4].

В-четвёртых, инаугурационная речь Г. Борича носит сугубо популистский характер, и основной акцент в ней сделан на эмоциональное воздействие на аудиторию, прежде всего, на собравшихся на площади людей, представленных в основном молодёжью и его сторонниками. Стоит подробнее проанализировать его выступление.

С точки зрения содержания речи можно выделить следующее.

Президент почти не говорит о том, какую страну он получил в наследство от предшественника, не даёт подробного анализа современного состояния страны. Г. Борич заявляет, что «сегодня мы начинаем этап, полный огромных вызовов и требующий колоссальной ответственности». Он обозначает эти вызовы: изменение климата, миграционные процессы, глобализация экономики, энергетический кризис, т.д. Президент предупреждает сограждан, что предстоит серьёзная, требующая ответственного подхода, работа [2]. Эту же мысль он повторяет и в середине выступления: «... выполнение наших целей будет нелёгким, мы столкнёмся с внешними и внутренними кризисами, будем делать ошибки» [2].

Какую же страну хочет построить Г. Борич? Его выступление даёт ответ на этот вопрос. По мнению Г. Борича, целью всего чилийского общества должно быть построение достойной и справедливой страны. Новый президент рисует образ идеальной страны, «которая будет нас защищать, принимать,

беречь, которая будет гарантировать соблюдение прав и справедливо воздавать за вклад и жертвенность, которые каждый из вас, жителей нашей родины, вносит в дело развития нашего общества» [2].

Кто будет участниками этого строительства? По мнению Г. Борича, в создании лучшей и справедливой страны должны участвовать не только её правительство, не только члены правящей коалиции «Одобряю достоинство», не только члены его Прогрессивной партии. В этом строительстве должен принять участие каждый житель Чили, поэтому президент призывает всех граждан присоединиться к осуществлению этой благородной цели.

Каким образом можно будет достичь поставленной цели? В этом вопросе натываемся на первый камень преткновения, поскольку пути, механизмы достижения этой конечной цели новый лидер или не озвучивает, или не раскрывает. Например, Г. Борич заявляет о необходимости перераспределения национальных богатств в пользу большинства населения, но с помощью какого механизма будет осуществлена эта задача (путём реформирования налоговой системы или национализации этих богатств?) он не объясняет. Президент говорит о необходимости восстановления чилийской экономики, обеспечения её устойчивого развития, но не поясняет, какими путями и методами он собирается достичь этой цели. Подробно он говорит лишь о необходимости принятия новой Конституции (примеч.: в Чили до сих пор не принята новая конституция, отражающая сегодняшние политические и правовые реалии государства) — «конституции для настоящего и будущего..., конституции демократической, паритетной, при участии всех», которую нужно будет принять путем проведения общенационального референдума [2].

Новый лидер Чили предупреждает сограждан о темпах достижения конечной цели: «Мы движемся медленно, потому что идём далеко» [2].

Обозначив внутренние цели и задачи, которые предстоит решать чилийскому народу, президент в своей речи почти не касается международного положения и места Чили в мировых делах. Он лишь мимоходом напоминает, что «ко всем трудностям добавляется еще международный контекст, отме-

ченный насилием, происходящим во многих частях мира, а сегодня — еще и войной» [2]. Лидер Чили практически ничего не сообщает о внешнеполитическом курсе новой администрации, о первоочередных задачах чилийской дипломатии. Г. Борич ограничивается в этом фрагменте выступления общими фразами, заявляя, что «Чили всегда будет придерживаться принципа уважения прав человека, независимо от того, какой ориентации придерживается правительство, которое их нарушает», заверяя, что его команда будет соблюдать принцип «политической независимости на международном уровне, не подчиняясь никогда никакой державе, и будет всегда придерживаться политики сотрудничества между народами» [2].

Середина выступления Г. Борича посвящена Латинской Америке, где подчёркивается, что «мы являемся стопроцентными латиноамериканцами и хватит смотреть свысока на страны, являющиеся нашими соседями». Передавая привет «братским народам», он заявляет: «Мы должны работать вместе с нашими братьями. Никогда больше не относиться друг к другу отрицательно, с недоверием. Давайте в Латинской Америке работать сообща, чтобы вместе идти дальше» [2].

Положительным моментом его выступления является заявление о том, что проживающие на юге страны индейцы племени мапуче имеют полное право на проживание на этих землях и что возникший там конфликт является конфликтом не только этого коренного народа, а конфликтом между мапуче и чилийским государством. По его мнению, представители коренных народов Чили также должны принимать участие в разработке и принятии новой конституции.

Анализируя выступление Г. Борича с точки зрения стилистических и лексических особенностей, следует выделить те методы, которые он использует.

Методом *разъяснения* он практически не пользуется, поскольку какой-либо существенный анализ в его речи отсутствует. Лишь говоря о необходимости принятия новой конституции, президент поясняет, каким должен быть основной закон страны (см. выше).

Акцент Г. Борич делает на метод *убеждения*, особенно в той её части, где призывает сограждан принять активное участие в строительстве нового общества.

К методу упоминания имён известных политических деятелей Чили президент прибегает лишь в начале выступления, вспоминая экс-президентов страны, таких как Э. Фрей, П. Эйлвин, М. Бачелет. Из исторических деятелей в ходе выступления дважды вспоминает легендарного чилийского президента Сальвадора Альенде, погибшего в 1973 году в результате военного переворота.

Методом цитирования Г. Борич пользуется мало. Лишь в конце речи он приводит слова одного чилийского поэта (не упоминая при этом его имени) о том, что «слово, которое не вдохновляет к жизни, убивает» [2]. Заканчивая речь, вспоминает слова С. Альенде о том, что «мы, патриоты, как и предсказывал почти 50 лет назад С. Альенде, снова прокладываем пути, по которым пойдут свободные мужчины и женщины для того, чтобы построить лучшее общество» [2].

Образные сравнения отсутствуют в его выступлении. Зато президент активно пользуется методом эмоционального воздействия на аудиторию, временами им злоупотребляя. Г. Борич с этой целью часто употребляет такие местоимения как «Мы» и «Наш (и): «мы должны», «мы пойдём», «мы продолжим», «мы будем работать», «мы сможем», «мы будем применять», «мы знаем»; «наша страна», «наша земля», «наше общество», «наши задачи», «наши соседи», «наша Латинская Америка», т. д. Для достижения наибольшего эффекта по степени воздействия на слушателей он неоднократно использует наречие «вместе»: «работать вместе», «идти вместе», «строить вместе», «продолжить вместе», «продвигаться вперед вместе».

Надо отметить, что арсенал его лексических средств нельзя назвать однообразным. Г. Борич использует такие актуальные общественные термины, как «вызовы», «устойчивое развитие», «глобализация», «пандемия», «вакцинация», «изменение климата», «миграционные процессы», «гражданское общество», «гендер». Обращает на себя внимание активное употребление выражений с прилагательным «социальный»: «социальные права», «социальная защищённость», «социальный взрыв», «социальное неравенство». Президент широко пользуется словами, имеющими более общие значения как, например, «справедливость», «достоинство», «равноправие», «свобода», «ответственность», «правда», «единство».

Довольно много в речи Г. Борича встречается *политической лексики*: «президентский мандат», «правительство», «власти», «государство», «государственные институты», «оппозиция», «политические партии», «демократия», «диктатура», «республика», «демократизация», т. д. Он включает и ряд *юридических терминов*, таких как «конституция», «закон», «конституционный процесс», «права человека», «права женщин», «плебисцит». *Экономическая лексика* встречается в его выступлении редко, т. к. об экономике президент говорит крайне мало: «энергетический кризис», «малый и средний бизнес», «рост», «распределение», «перераспределение», «восстанавливать экономику».

Однако, отсутствие чётко выстроенной структуры, наличие смысловых повторов, явный уклон в сторону воздействия на чувства и эмоции целевой аудитории не позволяют в полной мере оценить данную речь с точки зрения её содержания, воспринимать как цельное, логично построенное выступление. Если в инаугурационных речах президента А. Фернандеса (Аргентина) и А. М. Лопеса Обрадора (Мексика) баланс между содержанием и формой, количеством и качеством соблюден, то в данном случае говорить о сбалансированном выступлении не приходится. Налицо очевидное увлечение популистскими приёмами воздействия на слушателей. Видимо, сказывается отсутствие у Г. Борича солидного политического опыта, а также опыта серьёзных публичных выступлений. Тем не менее, инаугурационная речь молодого президента Чили заслуживает внимания, так как она является его первым выступлением в качестве главы государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дабагян Э. С. Чили предстоит пройти между Альенде и Пиночетом [электронный ресурс] Режим доступа: https://www.ng.ru/ideas/2022-03-28/7_8402_chile.html. (Дата обращения 23.09.2022)
2. Primer discurso en el Palacio de La Moneda del Presidente Gabriel Boric Font 11 MAR 2022: URL: <https://prensa.presidencia.cl/discurso.aspx?id=188237>. (Дата обращения 23.09.2022)
3. Бурлак Т. А. Инаугурационная речь президента Аргентины А. Фернандеса как образец выступления зрелого политического деятеля // Новый мир. Новый язык. Новое мышление. Сборник материалов конференции. ДА МИД РФ. С. 17—23.

4. Бурлак Т.А. Отличительные черты первого выступления А.М. Лопеса Обрадора в качестве главы государства//Язык. Культура. Общество. Актуальные вопросы, методы исследования и проблемы преподавания. Сборник научных статей. Москва. Квант Медиа. 2021. С. 24—34.

5. Las siete grandes líneas del primer discurso de Boric como presidente: URL: <https://www.efe.com/efe/america/politica/las-siete-grandes-lineas-del-primer-discurso-de-boric-como-presidente/20000035—4759330>. (Дата обращения 23.09.2022)

6. Primer discurso de Boric como presidente de Chile: “No estaríamos aquí sin las movilizaciones”. URL: <http://www.losandes.com.ar/mundo/primer-discurso-de-boric-como-presidente-de-chile-no-estariamos-aqui-sin-las-movilizaciones/>. (Дата обращения 23.09.2022)

Волкова М. С.
Volkova M. S.

ПРИМЕНЕНИЕ МНЕМОТЕХНИК В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ НА ПРИМЕРЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

MNEMONIC TECHNIQUES IN FOREIGN LANGUAGE TEACHING USING FRENCH LANGUAGE AS EXAMPLE

Аннотация: В современных реалиях и эпоху мультилингвальности знание иностранных языков является необходимым и ключевым для большого количества специалистов. С течением времени, перед преподавателем стоит непростая задача — не просто обучить слушателей новому материалу, но и сделать это максимально качественно в кратчайшие сроки. Так, автор данной статьи рассматривает эффективность мнемотехник в преподавании иностранных языков, поскольку именно данные методики преподавания видятся автору особенно эффективными для запоминания лексики и грамматики, а также, как отличный способ внести разнообразие в учебный процесс.

Ключевые слова: типы памяти; мнемотехники; французский язык; методики преподавания

Abstract: In modern realities and the time of multilingualism, knowledge of foreign languages is essential and key for a large number of specialists. Over time, a teacher faces a difficult task — not just to teach students new material, but to do it as efficiently as possible in the shortest time. Thus, the author of this article considers the effectiveness of mnemonics in teaching foreign languages, since it is these teaching methods that the author sees as particularly effective for memorizing vocabulary and grammar, as well as an excellent way to diversify learning process.

Key words: types of memory; mnemonic technique; French language; teaching methods

Целью данного исследования является анализ некоторых существующих видов мнемотехник и рассмотрение их применения на практике при изучении французского языка.

Для достижения этой цели ставятся следующие задачи:

- рассмотреть типы памяти и способы запоминания информации;
- рассмотреть понятие мнемотехники и их виды;
- проанализировать эффективность различных мнемотехник в преподавании иностранных языков на примере французского языка.

Предметом настоящего исследования являются мнемотехники в преподавании французского языка. Объектом исследования являются методики преподавания иностранных языков.

В своем исследовании автор использует описательный метод, приводя примеры различных видов мнемотехник, и объясняя, как можно использовать их в преподавании французского языка.

В эпоху глобализации и мультилингвальности знание иностранного языка считается обязательным требованием к специалисту в практически любой сфере деятельности. Однако, владение одним иностранным языком уже не вызывает восторга, а, скорее, принимается как данность, так как, к примеру, английский язык входит в обязательную образовательную программу всех школ и высших учебных заведений. Все чаще появляется потребность в специалистах, владеющих двумя иностранными языками, во многих ВУЗах студенты изучают два языка, а многие дополнительно осваивают третий.

Не стоит забывать, что изучение иностранного языка — длительный и трудозатратный процесс, требующий от обучающегося колоссальных усилий, выдержки, времени и, естественно, ресурсов памяти. На преподавателя, в свою очередь, возлагается нелегкая задача тоже — передать студенту большой объем информации, при этом стараясь делать это так, чтобы учебный процесс был максимально эффективен, и вместе с этим, полезен и интересен для слушателя.

Так, быстрое и эффективное обучение непосредственно связано с ресурсами памяти и её развитием.

Согласно модели Ричарда Аткинсона и Ричарда Шиффрина [6, с. 342.], существует три структуры памяти:

1. **Сенсорное хранилище, или сенсорная память**, содержит информацию, поступающую из сенсорной системы и хранится в течение небольшого периода времени;

2. **Кратковременное хранилище** сохраняет ограниченный объем информации на более длительное время, в нем происходят процессы, которые регулируют обмен информацией с долговременной памятью;

3. **Долговременная память**, способная сохранить наибольший объем информации в течение продолжительного периода.

В хранилище долговременной памяти чаще поступает информация, которая закрепляется человеком несколько раз различными способами. Однако, если в течение пяти дней подкрепление памяти не происходит, полученная информация забывается. С целью закрепления знаний многие преподаватели прибегают к многократному повторению пройденного материала путем выполнения однотипных грамматических упражнений. Данный подход, бесспорно, эффективен, однако, процесс вызывает у обучающегося скуку и потерю мотивации.

С целью повышения эффективности в преподавании многие педагоги прибегают к использованию мнемотехник.

Мнемотехника, или мнемоника, — это метод эффективного запоминания информации, основанный на построении ассоциаций, увеличивающих объем памяти и облегчающих воспоминание.

Анализ психологической, научно-педагогической и методической литературы подтверждает, что проблеме развития памяти и поиску эффективных способов запоминания информации посвящено значительное количество работ. Исследованиями данной проблемы занимались зарубежные ученые — Р. Аткинсон, Г. Мюллер, Г. Эббингауз [10] и др.; российские — Б.Г. Ананьев, Л.С. Выготский [1, с. 381—395.], М.А. Зиганов, П.И. Зинченко [2], и другие [5]. Рассматривалась она и преподавателями нашей кафедры [3; 4]. Но, несмотря на то, что данному вопросу посвящено немало научных трудов, он продолжает оставаться актуальным, особенно в условиях со-

временной реальности, когда поток информации увеличивается с каждым днем.

Стоит отметить, что существует множество различных классификаций мнемотехник, но в данной статье мы рассмотрим лишь некоторые из них, на наш взгляд, особенно эффективных в изучении иностранного языка.

1. Метод ассоциаций

Ассоциации — крайне эффективный метод запоминания информации для «визуалов», т.е. личностей, у которых хорошо развита зрительная память. Так, изучение лексики и грамматики можно подкреплять картинками, содержащими в себе нужную информацию.

Например, порядок местоимений-дополнений во фразе может помочь освоить подобная картинка с гусеницей, где слева-направо расположены эти самые местоимения, а «во главе» фразы стоит глагол.

Рис. 1

2. Метод историй

Данный метод заключается в том, что для более эффективного запоминания большого количества лексики, студент не учит все лексические единицы подряд, а в качестве домашнего задания составляет историю, включающую целевые слова, и на занятии рассказывает её. Данная методика особо результативна, поскольку в процессе написания истории у студента работает воображение, он сам работает с лексикой, включая её в свой рассказ. Чем история абсурднее и фанта-

стичнее, тем больше интереса это вызывает у обучающегося, а слова запоминаются особенно хорошо, так как он пропустил их через себя и выдал самостоятельно созданный продукт.

3. Создание квазислов

Квазислова — это ненастоящие, выдуманные слова, которых не существует в языке. Так, посредством создания из суффиксов существительных мужского и женского рода слов, можно лучше запомнить их, нежели чем просто их заучить:

Наиболее употребительные суффиксы мужского рода: **-age, -eau, -ment, -isme, -ier, -teur.**

Наиболее употребительные суффиксы женского рода: **-ance, -ence, -aison, -ison, -sion, -tion, -ure, -ture, -tude, -ade, -ée, -esse.**

Рис. 2

Age-eau-isme-ier-men-teur — Ageauismier est menteur! (Ажюисмье лжец)

Также эти суффиксы можно разбить на отдельные слова, и получить: *âge* — *возраст*, *eau* — *вода*, *menteur* — *лжец*.

Данный метод можно применить для создания фразы. Так, например, сочинительные союзы французского языка *mais, où, et, donc, or, ni, car* объединить в единую фразу: “*Mais où est donc Ornicar?*” — Где же Орникар?, где союзы *or, ni, car* превратились в имя собственное.

Рис. 3

4. Изучение лексики через коллокации

Коллокация определяется В. В. Виноградовым как словосочетание, имеющее признаки синтаксически и семантически целостной единицы, в котором выбор одного из компонентов осуществляется по смыслу, а выбор второго зависит от выбора первого [8, с. 246].

Слова, часто встречающиеся в речи, обычно образуют определенного рода клише. Мы замечаем, например, что глагол *poser* и существительное *question* обычно сочетаются друг с другом, и всякий раз, когда мы слышим *la question* или видим, что он написан на бумаге, естественно, что мы должны предвосхищать слово “*poser*”. Итак, можно сделать вывод, что *poser la question* представляет собой привычную группу слов, своего рода клише.

Таким образом, можно заключить, что мнемотехники являются эффективным способом усвоения и запоминания информации, привносят в учебный процесс элемент творчества и делают его более продуктивным. Все вышеперечисленные методики преподаватель может применять на занятиях по иностранным языкам, а слушателю, в свою очередь, открывается много разнообразных возможностей запоминания новой информации, прибегая в это время к творчеству и активизируя работу воображения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Выготский Л. С. Собрание сочинений: В 6 т. — Т. 2. — М., 1982 (Память и ее развитие в детском возрасте: с. 381—395.)
2. Зиганов М. А., Козаренко В. А., Семин А. М. Техника запоминания иностранных слов (запоминание на основе визуального эффекта). — М.: Образование, 2002. — 144 с.
3. Полежаева Е. А., Митрофанова О. А. Интеллект-карты на уроке иностранного языка//Язык. Культура. Общество. Актуальные вопросы, методы исследования и проблемы преподавания. Москва. Квант Медиа. 2020. С. 170—189.
4. Полежаева Е. А., Митрофанова О. А. Ментальные карты и иностранный язык//Новый мир. Новый язык. Новое мышление. Сб. материалов конференции. ДА МИР РФ. Москва. 2021. С. 360—366.
5. Ревина Е. В. Использование мнемотехники при изучении иностранного языка//Вестн. Сам. гос. техн. ун-та. Сер. Психолого-педагогич. науки. 2017. № 2 (34).

6. Рита Л. Аткинсон, Ричард С. Аткинсон, Эдвард Е. Смит. Введение в психологию. — 13-е изд. — 2000. — 700 с.

7. Рошупкина Е. А. Краткий справочник по грамматике французского языка, 1990, 240 с.

8. Сокуренок Е. Дворцы памяти: основы мнемотехники/Е. Сокуренок//Библиополе. — 2014. — № 8. — С. 68—71.

9. Языкознание: большой энциклопедический словарь/под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Большая российская энциклопедия, 1998. 685 с.

10. Ebbinghaus H. Über erklärende und beschreibende Psychologie//Zschr. für Psychologie. 1896. Bd. 9.

Ивашченко А. Б.
Ivashchenko A. B.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МОБИЛЬНЫХ УСТРОЙСТВ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ БАКАЛАВРОВ НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ «МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»

USE OF MOBILE DEVICES WHEN TEACHING FOREIGN
LANGUAGE AT BACHELOR-LEVEL PROGRAMME
("INTERNATIONAL RELATIONS")

Аннотация: В статье рассматриваются возможности использования мобильных устройств на занятиях по иностранному языку в современном высшем учебном заведении. Автор подчеркивает, что при построении образовательного процесса необходимо учитывать особенности современных студентов. Автор приходит к выводу, что в современном информационном обществе следует активно использовать мобильные устройства при обучении иностранным языкам.

Ключевые слова: мобильные устройства, программа, приложение, Интернет, mind-map, интеллект-карта, игра, геймификация, викторина.

Abstract: The article discusses the possibilities of using mobile devices at foreign language classes in a higher educational institution. The author emphasizes that when developing the educational process, it is necessary to take into account the characteristics of modern students. The author comes to the conclusion that in today's information society, mobile devices should be actively used in foreign languages' teaching.

Key words: mobile devices, program, application, Internet, mind-map, game, gamification, quiz.

В XXI веке технологии развиваются очень быстро, и сегодня невозможно представить жизнь современного человека без мобильных цифровых устройств. К достоинствам этих устройств относятся мобильность, доступность, а также наличие таких инструментов, как микрофон и доступ в сеть. Это позволяет использовать мобильные устройства на занятиях, но не для развлечения, а для участия в образовательном процессе. Актуальность статьи связана со значительным распространением использования мобильных устройств при обучении, в частности на занятиях по иностранному языку. В том числе и потому, что практически еженедельно в открытом доступе появляются новые приложения для мобильных устройств, которые можно использовать для изучения иностранных языков. Следует отметить, что на данный момент мобильные приложения еще не предлагаются в качестве учебно-методического комплекта. Предметом исследования данной статьи является использование некоторых приложений для смартфонов и планшетов в учебном процессе по иностранному языку в вузе. Целью данной статьи является выявление эффективности использования мобильных устройств в вузе как на аудиторных занятиях, так и для самостоятельной внеаудиторной работы. Материалом исследования послужили занятия по иностранному языку, проводимые автором в вузе.

Применение мобильных устройств при преподавании в высшей школе обусловлено в первую очередь особенностями современных студентов, распространением мобильных устройств среди студентов и преподавателей вузов, а также широкими техническими возможностями, которые предоставляют эти мобильные устройства. Под мобильными устройствами понимаются легко перемещаемые портативные устройства, содержащие дисплей и клавиатуру и имеющие подключение к Интернету. Мобильные устройства с возможностями беспроводной коммуникации, такие как ноутбуки, смартфоны и планшеты являются неотъемлемой частью студенческой повседневности. Подавляющее большинство студентов имеет и использует несколько мобильных устройств. Многие студенты используют их как минимум для чтения текстов или учебников на планшете или смартфоне. Смартфоны формируют в значительной мере коммуникативную

среду студентов, а также практику получения информации. Постоянно растущий тренд в использовании мобильного интернета вносит свой вклад в развитие различных вариантов обучения в вузе. Мобильные устройства изменяют и дополняют традиционные практики обучения в высшей школе [3].

Под мобильными приложениями, используемыми на занятиях по иностранному языку, понимается программное обеспечение, предназначенное для работы на смартфонах, планшетах и других мобильных устройствах, наиболее оптимальные для использования при изучении иностранного языка.

Современные студенты значительно отличаются от студентов, обучавшихся в вузах 10—20 лет назад. Современные студенты — это представители поколения Z, также их называют центениалами. Представители этого поколения родились в период с 2004 года по настоящее время. Они не знают мира без Интернета, гаджетов, социальных сетей, они неразрывно связаны с технологиями прямо с рождения. Это поколение выросло, что называется, в сети, и поэтому, по данным аналитиков Сбербанка и исследовательской компании Validata, количество цифровых зависимых превышает количество у предыдущего поколения Y на 25 %. Более 40 % центениалов считают себя неразрывно связанными с цифровыми устройствами (URL: <https://www.adindex.ru/publication/analytics/search/2017/05/18/159832.phtml>). Для современных студентов онлайн — это ведущее измерение реальности. Поэтому использование в процессе обучения смартфонов и планшетов удобно и привычно для них, и многие преподаватели успешно используют на своих занятиях мобильные устройства [7].

Опытное обучение иностранному языку с использованием мобильных устройств проводилось в течение трех последних лет в группах студентов I, II, III курсов бакалавриата и I курса магистратуры, изучавших немецкий язык как второй, а также со студентами III курса бакалавриата, изучавших немецкий как основной язык. Общим для этих студентов является достаточно честолобивое отношение к учебе, желание успеха и похвалы, свойственное центениалам, а появление соцсетей сильно изменило восприятие информации детьми, подростками и молодежью: на первое место вышел аудиовизуальный

контент. При работе в аудитории мобильные устройства применяются достаточно часто, чтобы показать студентам, что изучение иностранного языка может быть интересным, занимательным, чтобы увлечь их языком и учебным процессом.

На сегодняшний день существуют различные мобильные приложения, которые ориентированы на разные аспекты преподавания иностранного языка. Нельзя сказать, что их можно четко разделить на определенные категории, так как, как правило, мобильные приложения не ограничены рамками работы над каким-либо конкретным навыком.

Для введения нового лексического материала при работе с новой темой может использоваться технология Mind-map, также известный как интеллект-карта или ассоциативная карта. Этот метод применяется для структурирования информации и в настоящее время широко используется для развития навыков разговорной речи преподавателями иностранных языков. Метод Mind-map могут использовать студенты с любым уровнем владения иностранным языком. На сегодняшний день существует множество приложений, которые позволяют создавать интеллект-карты онлайн — как со стационарного компьютера, так и со смартфонов и планшетов. К наиболее популярным относятся: mindmeister (URL: <https://www.mindmeister.com/ru>), coggle (URL: <https://www.coggle.it>), xmind (URL: <https://www.xmind.net>), mindnode (URL: <https://www.mindnode.com>) и многие другие. Практически у всех сервисов есть бесплатный тариф, который позволяет создавать определенное минимальное количество интеллект-карт, достаточно регистрации в этом сервисе. Приложения mindmeister и coggle использовались наиболее часто, так как у них интуитивно понятный интерфейс и они представляются наиболее удобными. Работу с интеллект-картами рекомендуется выполнять как в аудитории, так и в виде домашнего задания, составить интеллект-карту по пройденной, например, теме, или по нескольким темам. В условиях аудиторной работы преподаватель создает новую интеллект-карту, задает тему в ядре карты, например, «Визиты», дает доступ к этой карте студентам, и студенты на своих смартфонах или планшетах дополняют эту интеллект-карту своими ассоциациями на немецком языке — предлагают варианты слов и словосочетаний,

с которыми может сочетаться данная тема [4]. Оптимальной представляется возможность синхронизировать мобильное устройство преподавателя с большим экраном или интерактивной доской, но пока, к сожалению, не все вузы обладают подобными возможностями.

Для студентов Дипломатической академии одним из важнейших аспектов обучения является развитие разговорных навыков, на основе определенных профессиональных тем, проблем. Поэтому в работе как на основном, так и на втором иностранном языке обязательным является прослушивание аудиоматериалов, так как это нужно специалистам в области международных отношений. Таким образом, начиная с I курса, большое внимание уделяется развитию умения аудирования. На I—II курсах бакалавриата для этой цели используются тексты начального уровня, страноведческие тексты, а на III курсе бакалавриата для аудирования берутся новости «Немецкой волны» («Deutsche Welle»). С развитием Интернета работать с «Немецкой волной» стало проще, так как новости можно прослушивать в аудитории на мобильных устройствах и не зависеть от отдела технического обеспечения. На сайте «Немецкой волны» есть возможность прослушивать новости на замедленной скорости («Langsam gesprochene Nachrichten»). Большинство преподавателей это не практикуется, потому что темп речи очень медленный, и как это ни странно, но и студентам ее сложнее воспринимать, при этом они могут к концу предложения забыть его начало. Поэтому преподавателю следует выбирать новости от конкретной даты с оригинальной скоростью («Nachrichten im Originaltempo»). Сборник новостей за день состоит, как правило, из пяти-шести новостей, длительностью в среднем от 45 секунд до 1 минуты 10 секунд. Далее преподаватель предъявляет студентам последовательно каждую новость к прослушиванию дважды. Затем студент пересказывает содержание прослушанного или, если новость является сложной, сначала отвечает на вопросы преподавателя. Заметим, что в тех группах, кому аудирование дается особенно тяжело, например, в группах, изучающих немецкий как второй язык, имеется возможность предъявлять распечатанный текст, который также представлен редакцией на сайте «Немецкой волны». В этом случае по-

сле двукратного предъявления студентам аудиозаписи к прослушиванию, преподаватель раздает студентам текст, который может служить наглядной опорой для прослушиваемого материала. Также рекомендуется обсудить незнакомые или вызывающие особые затруднения у студентов слова или словосочетания. Хотелось бы отметить, что дистанционная работа во время карантина не стала препятствием для формирования навыков и развития умений аудирования у студентов [2]. И новости «Немецкой волны» во время онлайн-занятий предъявлялись студентам к прослушиванию при помощи функции «Демонстрация экрана» в тех технических программах, в которых преподаватель работал с той или иной группой (Skype, Zoom и др.). В этом же разделе «Новости» имеется «Список слов из новостей» («Nachrichtenvokabular»), составленный редакцией «Немецкой волны» в алфавитном порядке. Слова даются в этом списке без перевода, а их объяснение дается только на немецком языке, и далее приводится пример употребления. Какое еще преимущество имеет использование мобильного устройства по сравнению с использованием магнитофона с целью развития умений аудирования? Первым преимуществом является чистота звука. Пленки и компакт-диски при использовании магнитофона зачастую создают помехи в звуке, шумы, шорохи, которые отвлекают студентов от восприятия содержания звукозаписи. Вторым преимуществом работы с мобильным устройством является возможность перемотки записи в любую сторону на нужное количество секунд, что на магнитофонах зачастую бывает затруднительно.

Поколение Z, к которому относятся сегодняшние студенты, всегда готово к игре, значит, следует игровифицировать или геймифицировать процесс обучения. Что такое геймификация? Это применение игровых механик вне игровых контекстов, которое позволяет превратить учебу из нудной рутины в увлекательную учебную игру. Речь идет о мотивировании и поддержке мотивации у студентов к учебе. В вузе можно использовать элементы геймификации для вовлечения студентов в образовательный процесс. Самыми распространенными формами геймификации являются викторины, настольные игры (например, при изучении лексики); при этом важно

многообразие контента, а также то, что их проведение позволяет не снижать заданный темп урока. Соревноваться можно в языковой группе студентов, также можно устроить соревнование между двумя параллельными группами, по предварительной договоренности с преподавателем другой учебной группы студентов.

Чтобы успешно применять геймификацию на практике, необходимо определить цели обучения, которые планируется достигнуть на занятиях по иностранному языку. Геймификация — не панацея, это определенный инструмент, который надо продумать и подготовить к уроку и которым следует управлять на уроке. Также нужно изучить свою аудиторию, т. е. студентов, понимать и учитывать их личностные особенности. Геймификация — это процесс. Понимание игровых механик и мотивации студентов и использование элементов игры в учебном контексте позволяет адаптировать учебный процесс к особенностям современной молодежи и может привести к более эффективным образовательным результатам. Как уже было отмечено выше, для современного поколения студентов очень важен положительный результат, успех, похвала и положительное подкрепление преподавателем их успехов, поэтому полученный позитивный результат в ходе изучения иностранного языка в вузе может явиться стимулом для них к дальнейшему изучению языка, в нашем случае немецкого.

Рассмотрим использование викторин на уроках: возьмем тему, посвященную какой-либо памятной дате, например «Объединение Германии». Данная тема проходит не за один урок, а в ряде уроков, цикле занятий. В процессе занятий по данной теме используется сразу несколько немецкоязычных текстов из разных источников. Для создания викторин хорошо подходят приложения: QuizMaker (URL: <https://www.quiz-maker.com>), iSpringquiz-maker (URL: <https://www.ispringsolutions.com/ispring-quizmaker>), OnlineQuizCreator (URL: <https://www.onlinequizcreator.com>), PlayBuzz (URL: <https://www.playbuzz.com>), Flexiquiz (URL: <https://www.flexiquiz.com>) и другие.

В настоящий момент при планировании занятий наиболее часто используется сервис QuizMaker. В нем есть бесплатная версия, а также различные платные тарифы. Готовясь к уроку, преподаватель сам создает викторины, дает название, напри-

мер «Объединение Германии», далее выбирает тип вопросов, которые будут использоваться в викторины. Например, многократный выбор, картинки, дата рождения, описание и др. Вместо ответов на вопросы буквами или цифрами можно выбрать картинку или фотографию. Например, если нужно, чтобы студенты определили того или иного политического деятеля, то можно не писать их имена в ответах, а разместить фотографии. Целями викторины являются усвоение тематической лексики, систематизация страноведческих знаний, а также упорядочение новых сведений о стране изучаемого языка. В настройках преподаватель может выбрать визуальные темы для викторины, выставить время прохождения, а также различные варианты демонстрации результатов. Викторины такого рода можно готовить по любой пройденной теме и использовать для закрепления лексического материала, а также контроля его усвоения [8].

Для проведения опроса студентов на уроке можно использовать приложение Kahoot! Это игровая обучающая программа на базе технической платформы, которая по сути является викториной со множеством ответов и может использоваться в дидактических целях. Использование этого приложения позволяет преподавателю провести проверку усвоения учебного материала и поменять вид деятельности во время аудиторного занятия. Студенты могут отвечать на вопросы тестов с любого мобильного устройства, имеющего выход в Интернет. При подготовке к уроку преподаватель составляет в программе викторину, указывая свои вопросы по теме и ответы для контроля, например, усвоения лексики. Созданные тесты позволяют дополнить их картинкой или видео. Также преподаватель может установить временные ограничения на выполнение каждого задания. При желании преподаватель может также добавлять баллы за скорость выполнения задания и за правильные ответы. На уроке преподаватель начинает викторину с помощью своего мобильного устройства, сервис генерирует пин-код для этой викторины, который преподаватель сообщает студентам. Студенты на своих смартфонах или планшетах вводят пин-код опроса и получают доступ к ответам. Для участия в викторине студентам не требуется регистрация, им достаточно написать любое имя или никнейм.

Для удобства использования программы варианты ответов были выделены разным цветом и обозначены различными геометрическими фигурами. Преподаватель видит на своем экране одновременно все вопросы, а студентам они выводятся на экран последовательно, по очереди. Система собирает статистику по каждому студенту, а также позволяет преподавателю проанализировать, на какой вопрос дано больше правильных ответов и на какой вопрос студенты отвечали быстрее. Также можно увидеть, как отвечал каждый студент. После каждого вопроса всегда показывается рейтинг учащихся в ответах на вопросы. Kahoot! является не столько контролирующим интерактивным тестом, сколько обучающим. Поэтому ценно после каждого вопроса немного задержаться на обсуждении правильного и неправильных вариантов. Так все смогут получить обратную связь и задать вопросы [6]. В настоящий момент рассматривается возможность командного вида работы с этим приложением во время аудиторных занятий.

Хотелось бы также рассмотреть использование мобильных устройств во внеаудиторной работе с приложением Quizlet. Quizlet является бесплатным онлайн-сервисом, который применяется для создания и использования флеш-карт. Эта программа обычно не используется в аудиторной работе, она предназначена больше для самостоятельной тренировки и повторения слов вне аудитории. Quizlet идеально подходит для запоминания и повторения информации, которая связана между собой одной темой. Это приложение имеет четыре учебных способа изучения лексики и два игровых. При подготовке к занятию во внеаудиторное время преподаватель создает собственный учебный модуль, заполняя его словами и переводом. К большинству слов программа сама предлагает перевод, и преподаватель-составитель может выбрать его. Также можно добавить изображения для наглядности. Сюда можно импортировать уже готовые списки слов из Word, GoogleDocs и других программ. Следует заметить, что имеются кнопки, позволяющие ограничивать права доступа к этому модулю. Если оставить вариант «Видно всем», то любой человек из Интернета может найти ваш модуль через поиск. Если это нежелательно, то в данной опции нужно выбрать «Участникам с паролем» и в дальнейшем сооб-

щить этот пароль своим студентам. В меню «Возможности редактирования» рекомендуется оставлять вариант «Только мне». Рассмотрим более подробно возможности для работы с лексикой, предлагаемые программой Quizlet. К учебным способам изучения лексики относятся разделы «Карточки», «Заучивание», «Тест», «Подбор». Как видно из названий они дают возможность изучения, закрепления, тренировки аудирования и проверки усвоения изученной лексики. Раздел «Играть» содержит две игры, которые позволяют проверить усвоение материала в игровой форме. Перед началом рассматриваемой игры имеется возможность указать необходимые параметры: слова, которые будут участвовать в игре, уровень сложности игры (здесь подразумевается скорость появления слов и словосочетаний на экране) и язык, на котором нужно отвечать — на русском или на иностранном, либо на том и другом. Приложение Quizlet рекомендуется использовать на мобильных устройствах во внеаудиторное время для экономии аудиторного времени. Многие студенты учат таким образом лексику по дороге в вуз и домой [5]. Преподавателю следует в аудитории пояснить, можно на русском языке, как лучше работать с этим приложением, какие возможности для работы с лексикой оно предоставляет.

Преподавателями академии также активно используются учебные цифровые материалы, в том числе предназначенные для использования на мобильных устройствах, предлагаемые Гете-институтом именно для немецкого языка, но в рамках данной статьи хотелось остановиться на приложениях, технологии которых можно использовать в преподавании и других языков.

В заключение необходимо еще раз подчеркнуть, что сегодня мы живем в информационном обществе, в котором все больше развиваются информационно-коммуникационные технологии. На основании вышеизложенного мы приходим к выводу, что в настоящий момент в наличии имеется очень большое количество приложения для изучения иностранных языков, а также достаточно большое количество приложений для изучения именно немецкого языка, и их использование на занятиях представляется достаточно эффективным. Но стоит также отметить, что мобильные при-

ложения следует использовать лишь как дополнительный, а не основной ресурс.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Общедоступная многоязычная универсальная интернет-энциклопедия со свободным контентом <https://ru.wikipedia.org/wiki> [Publicly available multilingual universal Internet encyclopedia with free content <https://ru.wikipedia.org/wiki>]

2. Иващенко А. Б. Некоторые особенности онлайн-преподавания иностранного языка//Язык. Культура. Общество. Актуальные вопросы, методы исследования и проблемы преподавания. Квант-Медиа. Москва. 2020. С. 44—50.

3. Мочалова Т. С. BYOD (Bring your own device) — «Принеси свое устройство»//Новый мир. Новый язык. Новое мышление. Сб. материалов конференции. ДА МИД РФ, Москва. 2022. С. 266—271.

4. Полежаева Е. А., Митрофанова О. А. Ментальные карты и иностранный язык//Новый мир. Новый язык. Новое мышление: Сборник материалов IV международной научно-практической конференции, Москва, 03 февраля 2021 года. Москва: Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации, 2021. С. 360—366.

5. Сон, И. С. Мобильное обучение в изучении иностранных языков//Теория и практика образования в современном мире: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, май 2013 г.). Т. 0. Санкт-Петербург: Реноме, 2013. С. 164—167. URL: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/70/3844/>

6. Титова С. В., Авраменко А. П. Мобильное обучение иностранным языкам: учебное пособие. М.: Икар, 2013. С. 224.

7. Böttcher, Rebecca. Lernen mit digitalen Medien in informellen Situationen und die Verbindung zu formal organisierten Lernprozessen//Fremdsprache Deutsch. Zeitschrift für die Praxis des Deutschunterrichts. 2015, S. 9—13. Ausgabe 53. [Böttcher, Rebecca. (2015). Learning with digital media in informal situations and the connection to formally organized learning processes. Foreign language German. Journal for the practice of German teaching, 53, 9—13. (In Germ.)].

8. De Witt, Claudia. Gloerfeld, Christina (Hrsg.). Handbuch Mobile Learning. Wiesbaden: Springer Fachmedien Wiesbaden GmbH, 2018. [De Witt, Claudia. Gloerfeld, Christina (Hrsg.). (2018). Handbuch Mobile Learning (Manual Mobile Learning). Wiesbaden: Springer Fachmedien Wiesbaden GmbH. (In Germ.)].

Казанцев С. В.
Kazantsev S. V.

К ПЕРЕВОДУ ТЕРМИНА «РАЙОН», РОССИЙСКОЙ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЕДИНИЦЫ ВТОРОГО ПОРЯДКА

ON TRANSLATION OF TERM 'RAYON', SECOND TIER
RUSSIAN ADMINISTRATIVE DIVISION

Аннотация: В статье рассматриваются варианты перевода на английский язык названия единицы административно-территориального деления Российской Федерации второго порядка («район»), включая варианты российских структур госуправления, с одной стороны, и официальных и экспертных американских и английских источников, с другой. Приводится краткий анализ способов, используемых при переводе этого термина. Предлагается унифицировать подходы к переводу названий единиц административно-территориального деления, взяв за основу уже сложившийся комплекс соответствующих терминов в собственно английском языке.

Ключевые слова: перевод, названия российских административно-территориальных единиц, заимствование, транслитерация, транскрипция, калькирование, аналоги.

Abstract: The article reviews versions of translation of the name of the second tier administrative division of the Russian Federation ('rayon'), including those of Russian governmental agencies, on the one hand, and American and English official and expert sources, on the other. Methods used to translate this term are briefly analysed. It is suggested that a unified approach be worked out, based on the already existing set of such terms in the English language proper.

Key words: translation, names of first and second tier Russian administrative divisions, loanwords, transliteration, transcription, calques, analogues.

В практике внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности нередко приходится сталкиваться с необходимостью оперировать категориями административно-территориального деления Российской Федерации, такими, например, как «в Приморском крае», «Москва и Московская область» и пр. — категориями, наполненными вполне конкретным смыслом. Варианты же перевода этих терминов, предлагаемые англоязычными версиями разнообразных российских источников, в том числе сайтами федеральных ведомств, зачастую не позволяют однозначно идентифицировать, что имеется в виду.

Хотя система административно-территориального деления Российской Федерации в её современном виде возникла сравнительно недавно, в 90-е годы прошлого века, названия её основных единиц, таких как «область», «край», «округ», существовали и до революции 1917 года, наряду с канувшими в лету «губерниями», «уездами» и «волостями» [1; 2]. Несмотря на подчас многовековую историю терминов, относящихся к административно-территориальному делению, ситуация с переводом некоторых из них на наиболее употребительный в настоящее время английский язык (имеется в виду, разумеется, английский русскоязычных источников) не выглядит удовлетворительной.

Как известно, Российская Федерация в административно-территориальном плане делится на области, республики, автономные округа, края, города федерального подчинения и (одну) автономную область [2]. Области, республики, автономные округа и края, в свою очередь, делятся на районы. На районы же делятся и города с населением свыше 100 тыс. человек, но не только на районы, но и на округа и поселения; например, город федерального подчинения Москва состоит из 12 административных округов, в состав которых входят 125 административных районов и 21 поселение [2]. В то время как с английским переводом терминов «республика», «автономный» и «административный», представляющих из себя заимствования из западных индоевропейских языков (лат. *respublica*, греч. *αὐτονομία*, лат. *administratio*) [3], особых проблем нет (это просто обратные кальки *republic*, *autonomous* и *administrative*), то с переводом терминов «область», «край», «округ», «район» возникают несомненные трудности. Любопытно, что среди последних, в общем ряду исконно русских слов («область», «край», «округ»), присутствует «район», являющееся заимствованием из французского (от *rayon* — «луч», «радиус») [3].

Проблема перевода терминов «область» и «край» была недавно рассмотрена автором [4; 13], и было показано, что предпочтительным вариантом перевода этих терминов являются заимствования *oblast* и *krai/kray*. Данная статья рассматривает варианты перевода термина «район» как единицы административно-территориального деления второго порядка, подход к переводу которого заметно отличается от пере-

вода названий административно-территориального деления первого порядка, таких как «область» и «край».

Термин «район» заменил в результате реформы 1928—1930 гг. понятия «уезд» и «волость», просуществовавшие в качестве единиц административно-территориального деления среднего и низшего звена русского государства, соответственно, около пятисот и девятисот лет [1; 2]. Этот же термин («район») стал использоваться для единиц внутригородского административно-территориального деления, которые до революции именовались обычно «частями» или «участками» [1; 2].

Если обратиться к официальным сайтам российских федеральных ведомств, точнее, к их англоязычным версиям, то обнаруживается, что и Министерство экономического развития РФ, и Министерство иностранных дел РФ, и Правительство Российской Федерации, и Администрация Президента Российской Федерации в качестве английского эквивалента используют лишь один вариант для «района» (*district*), как для городского, так и сельского [5; 6; 7; 8], в то время, как изданные в СССР или России русско-английские словари дают два варианта для этого термина (*raion* и *district*) [9; 10].

Как же всё-таки будет правильно?

Сначала кратко вспомним, как рассматривает данную проблему теория перевода. Известно, что для перевода терминов, означающих иноязычные реалии (к которым должны быть отнесены и названия иностранных единиц административно-территориального деления) может быть использовано несколько способов. Это заимствование (если не совпадают алфавиты, с транслитерацией или транскрипцией), иными словами, прямой перенос слова из языка-донора в язык-реципиент; калькирование, т.е. буквальный поморфемный перевод иноязычного слова; использование аналога, когда иностранный термин передаётся посредством близкого, но не идентичного термина; использование гипонимии (*hyponymy*), при котором слово иностранного языка, обозначающие видовое понятие (*hyponym*), передается словом языка-реципиента, обозначающим понятие родовое (*hypernym*); и, наконец, описательный способ [11; 12].

Проанализируем, какими именно способами передаются названия единиц иностранного административно-

территориального деления второго уровня в русском и английском языках. Рассмотрим несколько примеров перевода на эти языки названий единиц, соответствующих российской категории «район». В русском языке американские штаты и английские исторические области делятся на «графства» (*counties*), но американские и английские города — на «районы/округа» (*districts/boroughs*); французские регионы — на «департаменты» (*départements*), но французские города — опять на «районы/округа» (*arrondissements*); польские воеводства — на «повяты» (*powiaty*), но польские города — снова на «районы» (*dzielnice*) [1; 2]. Таким образом, мы видим, что во всех приведённых примерах внегородские районы переводятся на русский язык посредством калькирования («графство» — калька с английского *county*) или заимствования («департаменты», «повяты»), а внутригородские — с использованием аналогов («районы/округа»).

В английском языке ситуация схожая: французские регионы поделены на *departments*, но французские города — на *arrondissements*; немецкие земли — на (*rural*) *districts* (*Landkreise*), но немецкие города — на (*city*) *districts* (*Stadtkreise*); польские воеводства — на *powiats*, но польские города — на *districts* [14; 15; 16] — другими словами, в большинстве случаев внегородские районы также переводятся посредством либо калькирования (*rural districts* для *Landkreise*), либо заимствования (*departments, powiats*), тогда как внутригородские — с использованием аналогов («районы/округа»). Однако в английском мы наблюдаем использование заимствований/калькирования и для передачи названий внутригородских районов некоторых стран: так, немецкий городской район *Stadtkreise* переводится калькой *city district*, а французский городской район *arrondissement* — заимствованием *arrondissement*. Другими словами, в переводных терминах для названий единиц административно-территориального деления, соответствующих категории «район», в русском и английском языках выделяются две группы: для названий, обозначающих «сельский/внегородской район», используются исключительно заимствования и (редко) кальки; для названий же, обозначающих «городской район», используются в основном аналоги и (редко) заимствования/кальки. По способу пере-

вода первая группа тяготеет к базовым административно-территориальным единицам, при переводе которых также преимущественно используются заимствования и кальки, тогда как вторая, в которой доминируют аналоги, явно отличается от первой группы.

Вспомним, что российскими федеральными ведомствами для перевода названия «район» предлагается лишь один вариант, *district* [5; 6; 7; 8]. Лексема *district*, как было показано выше, в своём семантическом содержании, действительно, имеет значение «административная единица», и, как аналог, является вполне подходящим вариантом для использования в качестве эквивалента. Однако выше также отмечалось, что в английском языке для «сельских/внегородских районов» и «внутригородских районов» принято использовать разные термины, причём подход к переводу этих терминов противоположный — использование заимствований при переводе названий первых и аналогов при переводе вторых. Поэтому, если допустить возможность использования аналога *district* для внутригородских районов, для сельских/внегородских районов, придётся найти другой термин, вероятнее всего, образованный посредством заимствования, т.е., видимо, *raion/rayon*.

А сейчас рассмотрим, как звучат названия единиц административно-территориального деления России второго уровня на собственно английском языке. Обратимся к словарям, энциклопедиям и официальным сайтам государственных органов США и Великобритании. Американский словарь Merriam-Webster имеет статьи *oblast* («a political subdivision of Imperial Russia or a republic of the U.S.S.R. or of Russia») и *raion* («a political subdivision in the U.S.S.R./Russia comparable to the U.S. county»), в которых указывается, что это единицы административного деления СССР или России [17]. Показательно, что термин *raion* приведён только как эквивалент *county*, т.е. применим, с точки зрения словаря, лишь для сельских/внегородских районов.

В Британской энциклопедии для «сельских/внегородских районов» используется термин *rayon* [14]. Большой оксфордский словарь имеет статьи *oblast, kray, okrug* и *rayon/raion* («a small territorial division for administrative purposes»), в которых

утверждается, что это единицы административного деления СССР (России) [18]. Международные сайты на своих страницах, посвящённых административному делению, для Российской Федерации также используют термины *raion* (для «сельских/внегородских районов») и *district* (для «внутригородских районов») (напр., Wikipedia; Wikimedia) [15; 16].

Другими словами, можно констатировать, что лингвисты и государственные органы США и Великобритании, а также «носители» языка, использующие его в своей профессиональной деятельности, в целом однозначно подходят к выбору эквивалентов при переводе названия единицы административно-территориального деления современной России второго звена («сельский/внегородской район»). Это всегда заимствование: *raion/raion*. При этом для «внутригородского района» во всех изученных источниках использовался аналог *district*, за исключением Большого оксфордского словаря, который предлагает для «района» обоих типов эквивалент *rayon/raion*.

Подводя итог вышеизложенного, можно заключить, что понятие «района» как единицы административно-территориального деления РФ второго порядка для перевода на английский язык должно быть разделено на две категории: «внегородской/сельский район» и «внутригородской район» — для каждой из которых в языке-реципиенте имеется соответствующий эквивалент. Для «внегородского/сельского района» это заимствование *raion/raion*, в зависимости от применяемых правил транслитерации, тогда как для «внутригородского района» это аналог *district*. Применения одного термина, *district*, для обеих категорий, как показывает анализ практики перевода данных названий в англоязычных источниках, лучше избегать. Тем не менее, возможен вариант использования термина *district* и для «внегородского/сельского района», но только в сочетании с определением, например, *rural district*, обособляющим его от района внутригородского.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большая советская энциклопедия (в 30 томах) (под ред. Прохорова А. М.). 3-е изд. М.: Большая советская энциклопедия, 1969—1978.

2. Большая российская энциклопедия (в 36 томах) (под ред. Осипова Ю. С.). М.: Большая российская энциклопедия, 2004—2017.

3. Словарь русского языка в четырёх томах (под ред. Евгеньевой А. П.). 2-е изд., исправленное и дополненное. М.: Русский язык, 1981—1984.

4. Казанцев С. В. Как правильно: 'Krai' или 'Territory'? // Новый мир. Новый язык. Новое мышление. Сб. материалов конференции (филология, педагогика и межкультурная коммуникация). М., 2022. С. 642—645.

5. Министерство экономического развития Российской Федерации. Официальный сайт (электронный ресурс) Режим доступа: <https://www.economy.gov.ru> (accessed 29 July 2022).

6. Министерство иностранных дел Российской Федерации. Официальный сайт (электронный ресурс) Режим доступа: <https://www.mid.ru> (accessed 9 July 2022).

7. Правительство России. Официальный сайт (электронный ресурс) Режим доступа: <https://www.government.ru> (accessed 9 July 2022).

8. President of Russia. Официальный сайт (электронный ресурс) Режим доступа: <https://en.kremlin.ru> (accessed 9 July 2022).

9. Таубе А. М., Даглиш Р. С. Современный русско-английский словарь. 5-е стереотипное изд. М.: Русский язык, 2005. 773 с.

10. Таубе А. М., Литвинова А. В., Миллер А. Д., Даглиш Р. С. Русско-английский словарь (под ред. Даглиша Р. С.). 6-е стереотипное изд. М.: Русский язык, 1982. 832 с.

11. Ломтэ Д. С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов. М.: Наука, 1982. 149 с. 12.

12. Федоров А. В. Основы общей теории перевода. 5-е изд. СПб, М.: Филологический факультет СПбГУ/Филология Три, 2002. 416 с.

13. Kazantsev S. V. Which is correct: 'krai', 'region' or 'territory'? // Russian Entomological Journal. 2022. Т. 31. № 1 С. 98—100.

14. Encyclopaedia Britannica (electronic source) URL: <https://www.britannica.com/> (accessed 9 July 2022).

15. Wikipedia (electronic source) URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Political_divisions_of_Russia (accessed 12 July 2022).

16. Wikimedia (electronic source) URL: https://commons.wikimedia.org/wiki/Category:Country_subdivisions_in_Europe (accessed 11 July 2022).

17. Dictionary by Merriam-Webster (electronic source) URL: <https://www.merriam-webster.com/> (accessed 11 July 2022)

18. Oxford English Dictionary (electronic source) URL: <https://www.oed.com> (accessed 14 July 2022)

Косоплечева Т. А., Коротева К. Е.
Kosoplecheva T. A., Koroteeva K. E.

РИТОРИКА НЕНАВИСТИ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АУТЕНТИЧНЫХ ИНФОРМАЦИОННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ ПРИ ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ НАПРАВЛЕНИЯ «МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ» В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ

HATE RHETORIC OF ENGLISH-SPEAKING MASS-MEDIA AND USAGE OF AUTHENTIC INFORMATIVE POLITICAL TEXT WHEN TEACHING STUDENTS AMID INFORMATION WAR (INTERNATIONAL RELATIONS PROGRAMME)

Аннотация: В статье рассматриваются манипулятивные технологии, используемые современными англоязычными СМИ для фальсификации представления о реальной действительности и конструирования ее в интересах своих элит. Особое внимание уделяется применению ими языка вражды, направленного на очернение образа России. В статье ставится вопрос о целесообразности использования аутентичных информационно-политических материалов на занятиях по английскому языку по направлению «Международные отношения» в условиях информационной войны. Авторы раскрывают некоторые принципы манипулятивного и эмоционально негативного воздействия на англоязычного потребителя информации, которое может косвенно оказать влияние и на наших студентов. Актуальность статьи в том, что в ней рассматриваются способы противодействия влиянию подобных агрессивных информационных речевых технологий на студентов, так как в ситуации обострения международной обстановки тема манипулирования общественным сознанием и фальсификации является чрезвычайно важной. Рассматриваются методы работы со статьями, содержащей манипулятивные приемы и лексику вражды.

Ключевые слова: информационная война; азбука пропаганды; языковое насилие; лексика вражды; скрытая форма воздействия; дезинформация; аутентичные материалы; образ врага; стереотипы; конструирование псевдореальности; триггер; противодействие манипуляции

Abstract: The article examines different means of manipulation used by modern Western Mass Media to fake up the reality and to redesign it for the benefit of their elites. The article focuses on hate-speech used to smear and damage Russia's image. The authors discuss the relevance of authentic political resources at English classes for students studying international relations amid ongoing information war. Some manipulation means and possible negative psychological impact on the students are considered. Ways of mitigating the negative impact of aggressive and manipulative information technologies students are exposed to, are described.

Key words: information war, ABC of propaganda, linguistic violence, hate speech, covert persuasion, disinformation, authentic resources, enemy image, stereotypes, designing pseudo-reality, triggers, unveiling and mitigating manipulation.

*«Средства массовой информации не менее опасны,
чем оружие массового уничтожения»*
П. Л. Капица

В современном мире обучение иностранному языку невозможно без использования аутентичных материалов. Преподаватели кафедры английского языка, работающие в Дипломатической Академии МИД России на факультете «Международные отношения и Международное право», регулярно используют в работе со студенческой аудиторией статьи из разнообразных зарубежных изданий, таких как *the Guardian, the New-York Times, National Review, USA Today, Australia ABC, USA ABC News, the Reuters* и по возможности из других англоязычных изданий, печатные и электронные версии которых доступны. Целевой аудиторией этих изданий являются англоговорящие читатели по всему миру, стремящиеся ознакомиться с новостями. Именно на них нацелены медийная подача проблем, их интерпретация и тон подачи [4, с. 224].

К сожалению, в современных условиях, когда международная обстановка накалена до предела, информационная функция западных СМИ отошла на второй план, уступив место воздействующей, манипулятивной, дезинформативной и деструктивной функциям. Средства массовой информации стали мощнейшим инструментом формирования сознания, чувств, вкусов, мнений огромных аудиторий людей и оружием в информационной войне. Развитие информационных сетей привело к тому, что самый незначительный конфликт раздувается до глобального и вбрасывается в мировое пространство. Сегодня невозможно найти спокойного уголка планеты, так как новости о международных конфликтах и крупных гуманитарных катастрофах разносятся по всему миру и становятся осязаемыми везде. Более того, проблема заключается в том, что СМИ не просто могут сфальсифицировать представления о реальной действительности, но и конструировать ее в своих интересах.

Еще в 1930-е годы XX века Институт анализа пропаганды в США сформулировал правила, известные как **«азбука пропаганды»**, и предложил следующие приемы:

- **«приклеивание или навешивание ярлыков» (*name calling*)** — заключается в выборе оскорбительных эпитетов, метафор, названий, имен, так называемых «ярлыков», для обозначения, именованного человека, организации, страны, идеи, любого социального явления для формирования эмоционально негативного отношения и ассоциаций с низкими и бесчестными поступками, чтобы опорочить их в глазах аудитории;

- **«сияющая неопределенность» (*glittering generality*)** — при использовании этого приема социальному явлению, идее и т. д. дается более общее родовое имя с положительной эмоциональной окраской. Этот прием эксплуатирует положительные чувства и эмоции людей к таким словам как «свобода», «демократия», «патриотизм», «содружество», «мир», «счастье» и т. д.;

- **«перенос» или «трансфер» (*transfer*)** — прием построен на эксплуатации чьего-либо авторитета, престижа личности или организации, чтобы ненавязчиво повлиять на аудиторию;

- **«ссылка на авторитеты» (*testimonial*)** — содержание этого приема заключается в цитировании высказываний личностей, обладающих высоким авторитетом или наоборот, тех, которые вызывают отрицательную реакцию у людей;

- **«свои ребята» или «игра в простонародность» (*plain folks*)** — этот прием позволяет установить доверительные отношения с аудиторией, так как говорящий, якобы, принадлежит к простому народу;

- **«подтасовка карт» (*card stacking*)** — заключается в тщательном отборе и тенденциозном преподнесении только положительных или только отрицательных фактов и доводов при замалчивании противоположных;

- **«общий вагон», «общая платформа» или «фургон с оркестром» (*band wagon*)** — цель приема — создать впечатление, будто так думают и делают все, создать «общую платформу». Этот прием использует веру людей в убеждающую силу и правильность мнения большинства. [6]

Все вышеупомянутые приемы широко используются и совершенствуются средствами массовой информации. Они относятся к технологии управления информационной средой, и в ситуации обострения международной обстановки тема манипулирования общественным сознанием и фальсификаций является чрезвычайно важной. Генеральный секретарь ООН **Антониу Гутерриш** посветил ей свое выступление на первых в истории прениях Совета Безопасности ООН на тему роли стратегических коммуникаций в операциях по поддержанию мира. Он особо подчеркнул, что каждый человек имеет право получать правдивую информацию, поскольку это является одним из основных прав человека. Он сказал, что *“The weapons they wield are not just guns and explosives. Misinformation, disinformation, and hate speech are increasingly being used as weapons of war to dehumanize the so-called other, threaten vulnerable communities — as well as peacekeepers themselves — and even give open license to commit atrocities”*. [8] Таким образом он сделал акцент на том, что оружием являются не только автоматы, пушки и взрывчатые вещества. Все больше при освещении событий в качестве оружия для дегуманизации так называемых «других» используются ложные факты, дезинформация, язык вражды, запугивание, что развязывает руки для совершения кровавых преступлений. Глава ООН представил Совету Безопасности список мер по борьбе с распространением дезинформации и фейковых новостей при одновременной защите свободы слова. *“Hate speech incites violence, undermines diversity and social cohesion and “threatens the common values and principles that bind us together,” the UN chief said in his message for the first-ever International Day for Countering Hate Speech. “It promotes racism, xenophobia and misogyny; it dehumanizes individuals and communities; and it has a serious impact on our efforts to promote peace and security, human rights, and sustainable development,” underscored Secretary-General António Guterres. He explained that words can be weaponized and cause physical harm.* [9] Таким образом, **Антониу Гутерриш** в первый Международный день борьбы с языком вражды обратил внимание мирового сообщества на то, что язык вражды подрывает принципы терпимости, инклюзивности, разнообразия и основные нормы в области прав человека. В более широком смысле ненависть разру-

шает социальную сплоченность и общие ценности, она порождает насилие, а также становится препятствием на пути к миру, стабильности, устойчивому развитию и реализации прав человека. Глава ООН полагает, что и в либеральных демократических обществах, и в авторитарных режимах некоторые политические лидеры в своих выступлениях высказывают идеи, подпитывающие ненависть и, таким образом, они как бы «нормализуют» такой язык, что нарушает социальную слаженность внутри обществ.

Сегодня на людей обрушивается гораздо больше противоречивой информации, чем они могут воспринять и качественно проанализировать. Такая информационная перегрузка требует применения неких фильтров, снижающих ее противоречивость. Часто таким фильтром становится восприятие информации и ситуации через сложившийся стереотип, т. е. через иллюзорную псевдо-реальность, навязанную нам и замещающую существующую действительность. Стереотипы отражают односторонние взгляды и связаны с предубеждениями и преувеличениями в отношении рас, национальностей, этнических групп и т. д. (*британцы вежливы, французы высокомерны, латиноамериканцы импульсивны, японцы загадочны, русские ленивы и не приветливы*). Когда мы наделяем людей, страны, где они живут, и этнические, социальные, экономические группы определенными качествами, то независимо от того, верны наши представления или нет, они будут влиять на наше восприятие их заявлений, поступков, действий, и даже на наше поведение в отношении этих людей [2; 3]. Если даже вымышленная ситуация или информация воспринимаются как реальные, то они становятся реальными по своим последствиям, так как человек строит свое поведение в соответствии со своей оценкой этой ситуации. С помощью информационного воздействия можно заставить потребителя информации почувствовать любую эмоцию, заданную на бессознательном или сознательном уровне. При этом эмоциональное реагирование не требует глубоких знаний и анализа. Человек испытывает простые реакции типа «нравится — не нравится», «страшно», «обидно», «несправедливо», «жестоко», «бесчеловечно» и так далее. При этом наличие убеждений влияет на наши суждения и оценку событий в зависимости от того,

считается ли оно результатом действий «своих» или «чужих». (Если «свой» совершает некое спорное с точки зрения морали действие, то такому легче найти оправдание, нежели если подобное действие совершит «чужой»). [6]

Одним из базовых принципов информационной войны является убеждение «своих» в том, что «чужой» является врагом, представляет опасность, угрозу, не обладает положительными моральными качествами. Для этого на средства массовой информации возлагается задача дегуманизировать и опорочить сторону, которая в дальнейшем станет противником и врагом. Не секрет, что информационная война часто предшествует военному конфликту. Так же при этом делаются попытки отвлечь внимание потребителя информации от внутренних проблем и переложить свои неудачи и проблемы на чужие плечи и даже обвинить противника в создании этих проблем [5]. Каждый раз человеку, читающему или слушающему новости, навязывается определенная точка зрения, которая подчинена конкретным, как правило, политическим целям. А сами новостные события тщательно отбираются и подаются потребителю в выгодном для политических элит свете и ракурсе. «В современном мире масс-медийный дискурс, реализовываемый СМИ,— это основной инструмент воздействия на массовую аудиторию, который используется для того, чтобы побудить ее действовать в соответствии с планами властных структур» [1]. При этом, при запрете на работу «чужих» СМИ на территории «своих» стран, потребителя информации лишают возможности ознакомиться с противоположной точкой зрения, с доводами и аргументами «чужих» [10].

При обучении английскому языку будущих специалистов в области международных отношений у преподавателя может возникнуть дилемма — а нужно и правомерно ли использовать на уроке манипулятивные аутентичные материалы, направленные на дискредитацию и очернение России, конструирование образа России как врага в англоязычных СМИ или приносить в аудиторию материалы, отражающие только российскую точку зрения. Но учитывая, что обсуждение текущих новостей так же включено в обучение иностранному языку, мы не можем предвидеть, какую информацию выберет сам студент для обсуждения. Молодежь обладает неограни-

ченной возможностью получать информацию из разнообразных источников, в том числе откровенно лживых. Поэтому преподаватель не может оградить студенческую аудиторию от аутентичных, в том числе фейковых материалов. Игнорирование и замалчивание этого всегда приносит только вред. Преподаватель должен поставить перед собой задачу противодействия конфронтационной риторике в отношении России и других стран, а также раскрывать студентам приемы манипулирования общественным сознанием, в том числе через риторику ненависти и вербальную агрессию. При работе с такими аутентичными материалами на уроке именно на преподавателя ложится задача по проявлению, раскрытию и объяснению скрытых форм воздействия, которым подвергаются англоговорящие потребители информации и косвенно могут подвергнуться наши студенты, находя такую информацию в широком доступе.

Следует учитывать, что эффективность воздействия применяемой СМИ PR-технологии и её ценностно-информационная направленность неоднозначны для представителей разных поколений. Если молодежь часто может не понимать, что находится под манипулятивным воздействием, то преподаватели, которые чаще относятся к более старшему поколению, могут и должны обратить внимание студентов на манипулятивные приемы, использование языка вражды (hate speech) в современных западных СМИ.

При работе со статьёй необходимо научить студентов находить объективные экстралингвистические и лингвистические маркеры, указывающие на вероятность того, что мы имеем дело с попыткой психологического воздействия и манипуляцией. Такие попытки проявляются, прежде всего, в заголовках, в несоблюдении разумных пропорций в материале между денотативной и эмотивной частями, в широком использовании экспрессивно-выразительных языковых средств, таких как метафоры, стилистически маркированная лексика, присутствие триггеров, провоцирующих человека на определенные эмоции, цитирование анонимных источников.

Манипулятивное воздействие и языковое насилие над личностью особенно ярко проявляются в положительной самопрезентации и отрицательной презентации «чужого».

Именно так конструируется образ врага, который представляет явную угрозу и смертельную опасность. Стереотип врага всегда формируется в общественном сознании как абсолютное зло. Образ врага должен вызывать сильный страх, отторжение, ненависть и неприязнь. Без всяких доказательств враг характеризуется как агрессивный, кровожадный, жестокий, нетерпимый тиран, угрожающий всеобщей безопасности.

Исторически сформировался используемый для негативного эмоционально-оценочного воздействия язык вражды (hate speech). В настоящее время основным объектом языка вражды стала Россия. Бывший союзник в Великой Отечественной Войне, спасший мир от фашизма, изображается сегодня террористом и агрессором. Так, в статье из *The New-York Times*, напечатанной 19 мая 2022 года, "*We should say it. Russia is fascist*" [11] авторы не стыдясь сравнивают современную Россию с Германией 1933—1945 годов, а лидера России демонизируют. Естественно, такая статья может вызвать у западного обывателя только страх, отторжение и ужас от того, что Россия разрушит их уютный и комфортный мир, как когда-то это сделала фашистская Германия. И Россию, которая всегда выступала против возрождения фашистской идеологии и неоднократно предупреждала мир о такой опасности, сегодня изображают как империю зла. Современный западный обыватель, рожденный значительно позже окончания войны, вероятнее всего, не усомнится в приводимых заявлениях и характеристиках. При желании и четко поставленных перед СМИ целях, вполне можно переписать историю — на это потребуется лишь одно поколение.

Манипулирование начинается уже на этапе эмоционально-окрашенных ярких заголовков, которые всегда привлекают внимание обывателя и несут в себе основную смысловую нагрузку, первые ярлыки, характеристики и первые мнения. Как правило, это мнения, выгодные элитам, контролирующим данные СМИ. Поэтому очень важно привлекать внимание студентов к заголовкам политических статей и объяснять им, что после прочтения заголовка обывателю уже не важно, кто обвиняет Россию и насколько эти обвинения подтверждены фактами. Акт манипуляции с сознанием читателя происходит уже на этапе прочтения заголовка и слова с негативной коннотацией в адрес России уже обозначены.

Для примера достаточно посмотреть на заголовки статей, опубликованных в 2022 году, чтобы увидеть, как западные СМИ формируют общественное мнение:

- *Russia Advances behind Brutal Barrage, but will its Strategy Keep Working?* (NYT July, 4, 2022) [12]
- *Timid West Must Draw a Line in the Sea and Break Putin's Criminal Food Blockade* (The Guardian June, 26, 2022) [13]
- *The Guardian View on Defunding the Kremlin's War Machine: More Must be Done* (The Guardian June, 27, 2022) [14]
- *Zelenskiy Calls on Trader Vitol to Stop Shipping Russian 'Blood Oil'* (The Guardian July, 6, 2022) [15]
- *Putin isn't Just an Autocrat. He's Something Worse* (NYT March, 14, 2022) [16]
- *The War in Ukraine is the True Culture War* (NYT, July 15, 2022) [17]

Такие заголовки формируют агрессивный, захватнический образ России, программируют негативное отношение читателей. Такие слова, как *brutal barrage*, *criminal food blockade*, *Kremlin's war machine*, *Russian blood oil* используются намеренно и создают негативное отношение к российскому государству. У читателя возникают отрицательные ассоциации и образы-стереотипы.

Преподавателю, работающему с аутентичным материалом, следует обращать внимание студентов на явную и скрытую вербальную агрессию, которая проявляется в лексике вражды, используемой коллективным западом против России. Россия выступает в роли *"enemy"* (враг), *"No.1 geopolitical foe"* (главный геополитический враг), *"critical threat"* (угроза высочайшего уровня), *"aggressor"* (агрессор), *"a pariah"* (изгой, отверженный), *"evil empire"* (империя зла), *"sponsor of terrorism"* (страна-спонсор терроризма), *"hostile country"* (страна, несущая угрозу). Западные СМИ говорят о России, как о стране, в которой у власти находится *"dictator"* (диктатор), *"killer, murderer"* (убийца), *"autocrat"* (самовластный правитель), использующий *"authoritarian rule"* (авторитарный стиль правления).

Кроме лексики, очерняющей страну, часто и намеренно используется лексика унижения: *"rapist"* (насильник), *"thief"* (вор), *"barbarian"* (варвар), *"ageing weapons"* (устаревшее оружие), *"Soviet-era tactics"* (приемы Советского времени), *"Soviet-*

era tactics to starve the enemy" (прием советского времени уморить врага голодом), *"dumb bomb"* (некорректируемая бомба), *"low moral and poor cohesion"* (низкие моральные качества и отсутствие взаимодействия), *"repressive"* (репрессивный).

Давая характеристику России западные СМИ часто употребляют следующий набор негативных определений, совершенно не отражающих истинное положение дел: *"deadly"* (смертельный, смертоносный), *"insecure"* (опасный), *"unpredictable"* (непредсказуемый), *"weak"* (слабый), *"dysfunctional"* (неадекватный, недееспособный), *"dangerous"* (опасный), *"imprudent behavior"* (безрассудное поведение), *"illegal annexation"* (неправомерный захват), *"growing hostility, violence and discrimination"* (растущая враждебность, применение силы и дискриминация), *"a straight-up imperial ambitions"* (ярко выраженные имперские амбиции).

Закрывая глаза на реальные факты, СМИ описывают действия России следующим образом: *"Russia is acting belligerently"* (Россия действует вызывающе), *"Russia poses a threat to stability and order"* (Россия несет угрозу стабильности и порядку), *"Russia undermines the rules-based order"* (Россия нарушает миропорядок, основанный на правилах), *"Russia is 'bringing famine'"* (Россия вызывает голод), *"is spreading deep fakes"* (распространяет грязную ложь), *"massacres civilians"* (истребляет мирное население), *"commits atrocities"* (зверствует), *"pursues destabilizing policies and provokes military activities near NATO's borders"* (проводит дестабилизирующую политику и провокационные военные действия на границе с НАТО), *"conducts no-notice and largescale exercises"* (проводит крупномасштабные военные учения без предупреждения), *"further hampered the ability to pursue meaningful dialogue"* (не дает возможности проводить полноценный диалог), *"Russia discredits and erodes universal liberal values"* (Россия очерняет и подрывает всеобщие либеральные ценности), *"makes efforts to destroy Ukrainian culture"* (предпринимает попытки разрушить культуру Украины), *"breaks international rules"* (нарушает международное право), *"is trying to erase Ukraine's national identity"* (пытается уничтожить национальную идентичность Украины). [12—22]

Следует обращать внимание студентов на то, что важным манипулятивным приемом является сверхположительная

оценка и преувеличение коллективным Западом своей роли в мире. Анализируя информацию из отчета Генерального секретаря НАТО, опубликованного на сайте организации, можно сказать, что относительно себя они применяют следующую лексику и свои цели характеризуют только положительно: *“to keep our people, nations and values safe”* (сохранить безопасность наших граждан, наше государство, наши ценности), *“to bolster our deterrence and defense”* (укрепить наши силы сдерживания и обороны), *“to protect and defend every inch of Allied territory”* (защитить и не отдать ни малейшей части территорий стран-членов НАТО), *“to stand united”* (быть едиными), *“to adhere to international human rights and international humanitarian law and principles”* (соблюдать права человека и нормы и принципы международного гуманитарного права), *“to work together in a strong NATO”* (сотрудничать в рамках сильного НАТО), *“to strengthen NATO’s defense posture”* (укреплять военную-оборонительную доктрину НАТО), *“to address global challenges”* (противостоять мировым вызовам и угрозам), *“to reduce our militaries’ impact on the climate”* (сократить влияние нашего военно-промышленного комплекса на климат), *“to boost support”* (усилить поддержку), *“to keep our one billion people safe and free”* (обеспечить безопасность и свободу миллиарду наших людей).

Их риторика часто содержит такие слова с положительной коннотацией, как: *“our peace and prosperity”* (наш мир и процветание), *“an ambitious and forward-looking 2030 NATO agenda”* (насыщенная и ориентированная на будущее повестка НАТО до 2030 года), *“clear resilience objectives”* (четкие цели противостояния), *“like-minded partners”* (единомышленники), *“core values”* (фундаментальные ценности), *“ongoing adaptation of our Alliance”* (постоянная развитие нашего Альянса), *“commitment to protect and defend each other”* (приверженность целям защиты и обороны друг друга), *“high-level military concepts”* (эффективные военные концепции), *“humanitarian assistance”* (оказание гуманитарной помощи), *“NATO’s solidarity”* (солидарность членов НАТО).

При обращении к солдатам НАТО используются высокопарные слова: *“You are the strong backbone that supports NATO’s solidarity and our enduring values democracy, individual liberty and the rule of law.”* (Вы — та самая опора, на которой держится

единство НАТО, наши непреходящие демократические ценности, свобода личности и верховенство закона). Подчеркивается, что *“NATO places significant emphasis on helping increase Allies’ preparedness for crises”* (НАТО уделяет огромную роль повышению готовности альянса к преодолению кризисов), а также, что *“the bond between Europe and North America is stronger than ever”* (связь между Европой и Северной Америкой крепче, чем когда-либо). [23]

Эту риторику в дальнейшем транслируют и западные СМИ, убеждая потребителей информации, что действия «своих» всегда гуманны, оправданны, высокоморальны, и этичны, что в большинстве случаев искажает реальность.

Подводя итог вышесказанному, авторы приходят к выводу, что при крайне негативном отражении образа России в западных СМИ, когда Россия рисуется только черными красками, когда ее обвиняют во всех мыслимых и немыслимых преступлениях, в негативных событиях, происходящих внутри Европы, США и во всем мире, использование аутентичных материалов на уроке требует тщательной разъяснительной работы преподавателя. Именно преподаватель должен научить видеть экспрессивную и ложную аргументацию, агрессивность, тенденциозность, манипулятивность англоязычных СМИ. Для студентов, еще мало знакомых с современной политической действительностью, существует как опасность поверить антироссийской риторике и стать объектом манипуляции, так и опасность пробудить в себе негативное, враждебное отношение к странам изучаемого языка, их культуре, истории и людям. Без серьезной, кропотливой работы со стороны преподавателя, статьи, наполненные языком вражды, могут вызывать у студентов негативные эмоции и отрицательно повлиять на их психоэмоциональное состояние. Но когда студент понимает цель использования лексики вражды и знает, что это манипулятивный прием, понимает причины таких действий, то эмоционально-психологическая нагрузка снижается, а текст раскрывается с новой стороны, что позволяет понять его глубже и дать ему объективный анализ.

При работе со статьей, содержащей манипулятивные приемы, после их раскрытия и фиксации, студенты должны обо-

значить свою спокойную позицию, подкрепив ее реальными фактами и весомыми аргументами, при этом избегая высказываний в духе языка вражды. Следует объяснять студенту, что не стоит уподобляться противнику в воинственной, крайне агрессивной, часто недобросовестной риторике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Карпухина Т. П. «Лексика вражды» как манипулятивный ресурс создания образа России в современной англоязычной прессе (в аспекте преподавания английского языка российским студентам) Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 1. С. 214
2. Коптелова И. Е. Мифы и моделирование социальных процессов // Язык. Культура. Общество. Актуальные вопросы, методы исследования и проблемы преподавания. Квант-Медиа. Москва. 2021. С. 171—177.
3. Коптелова И. Е. Мифологизация национального стереотипа и его влияние на межкультурные коммуникации // Когнитивное моделирование переговорного процесса. Сб. материалов конференции. МГУ. Москва. 1998. С. 116—120.
4. Косоплечева Т. А., Коротеева К. Е. О работе с аутентичными газетными информационными статьями на этапе False Beginners при обучении иностранному языку для специальных целей // Новый мир. Новый язык. Новое мышление. Сб. материалов конференции. Москва. 2022. С. 223—232.
5. Лукина Ю. В. Использование мягкой силы зарубежными средствами массовой информации для создания отрицательного образа России, современные методы борьбы с конкурентами за мировое влияние // Язык. Культура. Общество. Актуальные вопросы, методы исследования и проблемы преподавания. Квант-Медиа. Москва. 2017. С. 166—181.
6. Шейнов В. П. Управление конфликтами. СПб.: Питер, 2019. 576 с. Серия «Мастера психологии».
7. <https://smart-lab.ru/blog/523922.php> (дата обращения 18.07.2022 16.33)
8. <https://news.un.org/en/story/2022/07/1122362> (дата обращения 13.07.2022 11.52)
9. <https://news.un.org/en/story/2022/06/1120742> (дата обращения 19.07.2022 19.42)
10. <https://tass.com/politics/1477537> (дата обращения 27.07.2022 19.58)
11. <https://www.nytimes.com/2022/05/19/opinion/russia-fascism-ukraine-putin.html> (дата обращения 12.07.2022 15.04)
12. <https://www.nytimes.com/2022/07/04/world/europe/russia-ukraine-donbas-strategy.html> (дата обращения 12.07.2022 15.56)

13. <https://www.theguardian.com/commentisfree/2022/jun/26/timid-west-ukraine-line-in-sea-break-vladimir-putin-criminal-blockade> (дата обращения 12.07.2022 16.05)
14. <https://www.theguardian.com/commentisfree/2022/jun/27/the-guardian-view-on-defunding-the-kremlins-war-machine-more-must-be-done> (дата обращения 13.07.2022 16.08)
15. <https://www.theguardian.com/business/2022/jul/06/ukrainian-president-zelenskiy-accuses-vitol-over-russian-blood-oil> (дата обращения 12.07.2022 16.13)
16. <https://www.politico.com/news/magazine/2022/03/14/lets-call-putin-fascist-autocrat-00016982> (дата обращения 19.07.2022 15.13)
17. <https://www.nytimes.com/2022/07/15/arts/design/ukraine-war-culture-art-history.html> (дата обращения 19.07.2022 14.23)
18. <https://www.nytimes.com/2022/07/08/world/lavrov-g20-russia-blinken.html> (дата обращения 27.07.2022 20.16)
19. <https://www.theguardian.com/commentisfree/2022/jun/19/ukraine-russia-war-of-attrition-nato> (дата обращения 27.07.2022 20.30)
20. <https://www.nytimes.com/2022/07/03/world/europe/women-who-were-raped-by-russian-soldiers-yearn-for-justice.html> (дата обращения 27.07.2022 21.00)
21. <https://www.theguardian.com/world/2022/apr/02/friendly-fire-blunders-confusion-low-morale-why-russias-army-has-stalled> (дата обращения 27.07.2022 21.25)
22. <https://news.un.org/en/story/2022/06/1120972> (дата обращения 27.07.2022 22.00)
23. https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_193590.htm (дата обращения 27.07.2022 22.30)

Ликунова И. Ф.
Likunova I. F.

ИЗУЧЕНИЕ СТИЛИСТИКИ В ПОРТУГАЛЬСКОМ И БРАЗИЛЬСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

STUDY OF STYLISTICS IN PORTUGUESE AND BRAZILIAN LINGUISTICS

Аннотация: В данной статье дается обзор взглядов португальских и бразильских языковедов на вопросы стилистики. Анализ высказываний португалоязычных ученых позволил выделить основные подходы к изучению данной проблематики и показать вариативность в трактовке самого понятия «стилистика».

Ключевые слова: языкознание; стилистика; вариативность; трактовка; экспрессивность; эстетика

Abstract: This article provides an overview of the views of Portuguese and Brazilian linguists on stylistic issues. The analysis of the statements of Portuguese-speaking scientists made it possible to identify the main approaches to the study of this problem and to show the variability in the interpretation of the concept of "stylistics" itself.

Key words: linguistics; stylistics; variability; interpretation; expressiveness; aesthetics

Целью данного исследования являются анализ и систематизация взглядов португальских и бразильских филологов на проблемы стилистики, а также определение ими самого понятия «стилистика». Актуальность темы продиктована отсутствием научных работ в этой области как в португальском, так и в бразильском языкознании [1, с. 25].

Впервые о стилистике как науке в зарубежной португалистике заговорили после второй мировой войны. В 1946 году Мануэл де Пайва Болеу призывал филологов заняться изучением «индивидуальных стилей португальских и бразильских писателей, той областью филологии, которая еще мало исследована в Португалии» [12, р. 5].

С тех пор прошли годы, однако существенного скачка в этой области языкознания сделано не было, хотя знакомство с работами Пражской лингвистической школы и испанских языковедов несколько активизировало развитие стилистических исследований в последующие годы. Согласно высказыванию Сильвиу Элии «современная португальская лингвистика начинает отдавать все больше предпочтения стилистическим исследованиям» [7, р. 63].

Не все лингвисты соглашались с таким утверждением. Например, Маттозу Камара выражает сожаление по поводу «абсолютного игнорирования бразильскими языковедами лингвостилистики» [11, р. 60]. Отсутствие интереса и явное отставание исследований в португальской стилистике отмечает Жезуш Белу Гальвау. В своей книге «Язык и художественное выражение» он пишет, что «... отсутствие специальных исследований о стилистическом использовании португальского языка привело к традиционному незнанию его экспрессивных возможностей» [8, р. 202]. Поэтому своей работой он стремился, по его собственному утверждению, «заполнить пробел, существующий в стилистических исследованиях португаль-

ского языка, и преодолеть фатальное отставание в развитии этого направления» [8, р. 6].

С такой оценкой невозможно не согласиться. Сведения, которые удалось получить по рассматриваемой проблеме, носят весьма разрозненный характер. Обращает на себя внимание тот факт, что нередко в современные пособия по языкознанию даже не включается раздел по стилистике. Примером могут служить «Введение в языкознание» Борбы Франсишку да Силвы (1979 год) и «Учебник по лингвистике» (1986 год).

Книга известного португальского филолога Родригеша Лапы «Стилистика португальского языка», впервые изданная в 1973 году, «грешит» отсутствием теоретической позиции автора, хотя и содержит очень богатый материал в области лингвостилистического анализа [14].

Среди бразильских ученых заслуга создания новой отрасли языкознания — стилистики — принадлежит Маттозу Камаре. В 1953 году он защитил диссертацию «Введение в португальскую стилистику», о которой, к сожалению, нам известно лишь по отзывам других лингвистов. В работах Маттозу Камары впервые встречается термин «лингвостилистика». Тем не менее Мария де Лурдеш Бельшиор в рецензии на названную диссертацию упрекает ее автора в недостаточном разграничении лингвистической и литературоведческой стилистики [9, р. 205]. Причину этого она видит в том, что в работе М. Камары отсутствуют выработанные понятия «стиля» и «стилистики». В той же публикации предлагается следующее определение задач стилистики: «... прочной базой стилистики является сумма экспрессивных процессов в языке независимо от индивидуумов, которые им пользуются» [9, р. 37].

Нужно отметить, что значительная часть португалоязычных лингвистов, как и автор предыдущего высказывания, связывают понятие «стилистики» с экспрессивностью. «Конечная цель стилистики — экспрессивность», — пишет Соуза де Сильвейра [15, р. 8]. Другие считают, что стилистика должна заниматься изучением эмоционального, аффективного элемента языка. Приведем в этой связи мнение бразильского филолога Гладстона Шавеша де Мелу: «Стилистика... выделяет эмоциональный, аффективный элемент языка» [6, р. 48]. Опираясь на известное учение Ш. Балли об экспрессивных формах языка,

Ш.Г. де Мелу на той же странице стремится дать более развернутое определение задач стилистики: «Стилистика раскрывает экспрессивную ценность различных форм и конструкций, семантические тональности и те процессы, которыми располагает язык для того, чтобы показать эмоции говорящего».

Приведенные мнения свидетельствуют об одностороннем подходе в определении задач лингвостилистики. Большинство российских языковедов настаивают на том, чтобы при изучении стилистических ресурсов языковых единиц учитывались как их экспрессивно-эмоциональные, так и функциональные характеристики. Эта мысль особо подчеркивается в трудах Т.Г. Винокур, Н.М. Фирсовой и других исследователей языка.

Среди бразильских и португальских языковедов нет единого мнения по вопросу о том, на каком материале следует изучать стилистические возможности языковых единиц. В свое время Ш. Балли занимался изучением только разговорного языка, считая язык литературы искусственным. В противоположность ему К. Фосслер предлагал изучать только литературные тексты, оставив в стороне диалектные и просторечные элементы языка. Указывая на односторонность обеих доктрин, Жоакин Рибейру в «Эстетике португальского языка» утверждает необходимость изучения как разговорной речи, так и языка художественной литературы [13, р. 69]. В первой части своей книги он исследует параллельные литературные и фольклорные тексты. В результате Ж. Рибейру приходит к выводу: «Стилистические ресурсы того или иного писателя существуют, несомненно, в разговорной речи в грубой форме, словно драгоценные камни перед обработкой» [13, р. 75]. По его мнению, изучение просторечных форм с точки зрения стилистики вызывает большой интерес филологов [13, р. 17].

Если говорить о стилистической концепции Ж. Рибейру, то она строится на основном принципе школы К. Фосслера: «Стилистика — это эстетика». Отождествляя стилистику с эстетикой, Ж. Рибейру постоянно подчеркивает, что и в разговорной речи присутствуют эстетические тенденции. Изучать эстетику языка, по его мнению, это прежде всего подтвердить тот факт, что «эстетические тенденции в разбросанном виде существуют в самом разговорном языке». Мысль о том, что стилистика должна охватывать все разновидности речи, за-

служивает особенно пристального внимания и одобрения. О стилистическом богатстве разговорной речи пишет и Конегу Апио Кампуш [5, р. 158—171].

Тот же эстетический принцип, что и у Ж. Рибейры, положен в основу высказываний Леодегарью де Азеведу Филу: «Язык представляет собой сумму особых эстетических ценностей. И только тот заслуживает звание творца, кто умеет использовать эстетические возможности языка» [4, р. 118]. В этом случае знак равенства ставится между писателем и стилистом, стилистикой и эстетикой. Сходную точку зрения высказывает Сильвиу Элия. Для него стилистика и эстетика — по сути одно и то же. Задачей стилистики, по его мнению, является изучение процесса, по которому писатель создал произведение искусства (литературное произведение) [7, р. 69].

В работах Эркулану де Карвалю и Пайвы Болеу явно прослеживается влияние философских взглядов ученых идеалистического толка: Б. Кроче, Л. Шпитцера, К. Фосслера. Согласно их учению, «человеческий дух с его индивидуальной неистощимой интуицией является причиной развития духа языка»; «стилей столько, сколько индивидуумов», «стиль есть индивидуальное выражение». Следуя их концепции, Пайва Болеу объясняет живучесть португальского претерита (*tem feito*) по сравнению с другими романскими языками влиянием психологических факторов. Он считает, что португальцам, видимо, был свойственен «особый спокойный и тоскливый взгляд на прошлое», «иное умственное восприятие действительности и другая концепция жизни» [12, р. 113].

Выведение определения стиля на основе индивидуальных и психологических толкований особенно характерно для стилистов — литературоведов. Виейра де Алмейду, например, утверждает, что «стиль — это свободное осознание глубокой психологической реальности, индивидуальное и частичное освобождение от ограничивающих условий» [3, р. 121].

Иначе трактует стиль бразильский филолог Ж. Маттозу Камара: «Стиль следует характеризовать не по контрасту индивидуального и коллективного, а по контрасту эмоционального и разумного» [10, р. 137].

Таким образом, можно констатировать, что стилистика португальского языка как лингвистическая дисциплина еще

не сформировалась. В этой области делаются только первые шаги. В определении понятия «стилистики» у португалоязычных ученых обнаруживается три подхода:

- 1) стилистика «связывается» с изучением экспрессивных и эмоциональных элементов языка;
- 2) стилистика отождествляется с эстетикой;
- 3) стилистике отводится роль анализатора индивидуально-психологических реализаций в речи.

Кроме этого, понятия «стиля» и «стилистики» не разграничиваются, и в стороне остается функциональный подход в стилистических исследованиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лукунова И. Ф. Грамматико-стилистическое исследование прошедших времен португальского глагола. Дисс.... канд.филолог. наук. МГУ. Москва 1989. 232 с.
2. Лукунова И. Ф. К вопросу об изучении стилистики в португальском языкознании//Язык. Речь. Текст. Сб. научных статей. ДА МИД РФ. 1997. С. 107—115.
3. Almeida, Vieira de. O estilo de Garret//Revista de Portugal. Série A. Língua Portuguesa. Lisboa, 1955. V. 20, № 134. P. 121—126.
4. Azevedo Filho, Leodegario A. de. Ensaios de Linguística e Filologia. Rio de Janeiro, 1971. 177 p.
5. Campos, Cónego Apio. Algumas observações estilístico-linguísticas sobre a moderna crônica brasileira//Revista de Portugal. Série A. Língua Portuguesa. Lisboa, 1964. V. 29, № 229. P. 158—171.
6. Chaves de Melo, Gladstone. Iniciação a Filologia e a Linguística portuguesa. Rio de Janeiro, 1971. 338 p.
7. Elia, Silvio. Orientações da Linguística Moderna. Rio de Janeiro, 1955. 239 p.
8. Galvão, Jesus Belo. Língua e expressão artística. Rio de Janeiro, 1967. 202 p.
9. Lordes Belchior, Maria de. Recensão crítica ao livro de J. Mattosa Câmara. Contribuição a Estilística portuguesa//Boletim de Filologia. Coimbra, 1954—1955. V. 15, № 2. P. 204—207.
10. Mattoso Câmara, J./Carlos Eduardo Falção Uchóa. Dispersos. Rio de Janeiro, 1975. 273 p.
11. Mattoso Câmara, J. A Linguística brasileira//Tendências Actuais da Linguística e da Filologia no Brasil. Rio de Janeiro, 1976. P. 45—67.
12. Paiva Boléo, Manuel de. Introdução ao estudo da Filologia portuguesa. Lisboa, 1946. 150 p.
13. Ribeiro, Joaquim. Estética da Língua Portuguesa. São Paulo, 1964. 536 p.

14. Rodrigues Lapa, Manuel de. Estilística da língua portuguesa. Coimbra, 1975. 300 p.

15. Silveira, Sousa da. Lições do portugues. Rio de Janeiro, 1983. 312 p.

Лукина Ю. В.
Lukina I. V.

НОВЫЕ ПОСЛОВИЦЫ И ИЗРЕЧЕНИЯ ЛЮДЕЙ В РАЗНЫХ СТРАНАХ, ПОЯВИВШИЕСЯ ВО ВРЕМЕНА ПАНДЕМИИ

NEW PROVERBS AND SAYINGS OF PEOPLE IN DIFFERENT
COUNTRIES THAT WERE MADE UP DURING PANDEMIC TIMES

Аннотация: В данной статье представлены пословицы и шутки, придуманные людьми во время пандемии Ковид-19 в англоговорящих и франкоговорящих странах. Изречения людей очень очевидно демонстрируют их настроения и реальность, и то, как люди, используя юмор, пытались справиться с тяжелыми временами и карантинами, придумывая юмористические высказывания.

Ключевые слова: пословицы, шутки, Ковид-19, пандемия, люди, юмор, каламбур, штамм.

Abstract: The article highlights proverbs and jokes that were made up by people in English and French speaking countries during coronavirus time. People's sayings can be considered as stark evidence of their mood and surrounding realities of that time and how people tried to cope with dark times and lockdowns by inventing humoristic linguistic sayings.

Key words: proverbs, jokes, Covid-19, pandemia, people, souches, calembours

В данной статье представлено новое народное творчество, при помощи которого люди пытались справиться с одной из самых тяжелых ситуаций, сложившихся во всем мире в этом столетии в период с 2019 по 2022 годы. Данное творчество заключается в изобретении новых лингвистических изречений, изменений старых пословиц. Постоянные карантинные ограничения, тяжелая обстановка, высокая смертность, изоляция, неизвестность, последствия, почти полная парализация всего мира губительно повлияли на моральное состояние людей всех поколений. У психологов и психиатров появилось много новых пациентов, жертв времен Ковида. Однако человеческий организм способен адаптироваться со вре-

менем ко всему, и в этом значительную роль играет шутливое отношение к происходящему. Даже черный юмор способен разрядить обстановку. Причем такое творчество отмечается во многих странах [2; 3; 4]

В данной статье будут приведены многочисленные примеры. В России в сентябре 2021 года была опубликована статья профессора из Санкт-Петербургского университета, г-на Валерия Мокиенко [1], и профессора Университета Грайфсвальд, г-на Гарри Волтера, посвященная тому, как эра пандемии отражается в русском языке; ученые изучают антипословицы в русском языке. Например: «дружба дружбой, а полтора метра врозь», («дружба дружбой, а табачок врозь»), «по маске встречают, а по температуре провожают», («по одежке встречают, а по уму провожают»), «не имей сто рублей, а имей антисептик» («не имей сто рублей, а имей сто друзей»). Исследования ученых были внесены в «Словарь русского языка коронавирусной эпохи». Ученые разных стран спорят [10], как правильно нужно писать Ковид. Должен ли он считаться акронимом либо именем собственным. Акроним COVID в основном употребляется в США, Канаде и в Австралии, в то время как такое правописание имени собственного, слова как Covid используется в Великобритании, Ирландии, Новой Зеландии и Южной Африке. Так как Оксфордский толковый словарь составляется и публикуется в Англии, британское правописание слова внесено в словарь.

Народное творчество людей в англоязычных и франкоязычных странах также находит свое отражение в юмористических изречениях, комментариях и антипословицах. Изобретая новые изречения, люди таким образом справлялись со стрессом, и это одновременно способствовало описанию процесса, который отражал действительность того времени, его правила, безысходность. Необходимо осознать, что все нижеперечисленные изречения не являются случайными, такое народное творчество является лингвистическим и культурными феноменом, воспроизводящим события, происходящие в жизни людей.

Анализируя антипословицы и шутки, анекдоты, можно прийти к выводу, что их смысл противоречит общепринятым истинам. Более того существуют нюансы: только носители

языка или люди, проживающие в определенной стране, могут понять подтекст данных изречений. Для не носителей будет сложно понять суть юмористического подтекста. А спустя несколько десятилетий будет почти невозможно.

В английском языке появились такие слова [10] как *maskne* — ‘появление акне в результате постоянного ношения маски’, *zoombombing* — ‘когда кто-то врывается в зум конференцию’, *quarantini* — ‘напиток, который человек употреблял во время карантина в одиночестве’, самое известное даже в России; — *covidiot*; *doomscrolling* — ‘пропуск новостей о пандемии, вызывающих тревогу’. В немецком языке термин *hamsterkauf* — ‘паническая скупка товаров’.

Борис Джонсон однажды использовал поговорку [6] «*a stitch in time saves nine*» — ‘один стежок, сделанный вовремя, стоит девяти’. Он произнес эту фразу, когда вводил ограничения на часы работы баров и ресторанов, подразумевая, что заранее введенные жесткие правила, могут помочь избежать дальнейших более болезненных ограничений. Согласно BBC, было отмечено, что огромное количество людей в тот момент стало искать в поисковике Google значение этого слова.

Французская нация всегда отличалась бунтарским характером, в стране постоянно происходят забастовки, можно утверждать, что это национальная черта французов. Они очень любят шутить. Во времена коронавируса было придумано много юмористических изречений [8], [9], [13], появились переделанные цитаты. «*Aucune pandémie ne ressemble à une autre*» — ни одна пандемия не похожа на другую (возможно, оно переделано из фразы Л. Толстого из «Анны Карениной»: «*Toutes les familles heureuses se ressemblent, mais les familles malheureuses le sont chacune à sa façon*» — Все счастливые семьи счастливы одинаково, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему); «*Emmanuel Macron a décidé de faire inscrire dans la Constitution qu'il obligatoire de tousser dans le coude*» — Эммануэль Макрон постановил вписать в Конституцию закон, о том что надлежит кашлять в локоть, «*avec la multiplication des souches du coronavirus, les carnets de vaccination devront bientôt être des carnets a souches*» (*souche* — 1.штамм, 2.корешок в карте, прим автора — игра слов) — с разновидностью штаммов коронавируса, карта вакцинации скоро должна стать картой штаммов;

«*il faut se serrer les coudes*»- ‘необходимо держаться вместе’, *coude* — ‘локоть’ (изначально: «*il faut se serrer la ceinture*» — необходимо затянуть пояса), «*il faut se moucher dans le coude*»- ‘необходимо сморкаться в локоть’. Постоянное сатирическое использование слова ‘локоть’, объясняется параноическим страхом рукопожатий, через которые мог передаваться вирус, поэтому политики стали обмениваться рукопожатиями с помощью локтей [7].

Журналист Франсуа Жуффа опубликовал сборник «Перлы времен Ковида» [12], в данной статье будут приведены некоторые более удачные примеры из них: «*On peut rire de toux*» («*on peut rire de tout*» — здесь опять игра слов, так как последнее слово произносится одинаково, в первом случае *toux* — ‘кашель’, во втором — *tout* — ‘все’) — ‘мы можем смеяться над кашлем (мы можем смеяться над всем)’; «*docteur, quand est-ce que cette pandémie s'arrêtera-t-elle?, et le docteur de répondre 'aucune idée, je n'y connais rien au politique*» — ‘Скажите, доктор, когда прекратится пандемия? Доктор отвечает: «Понятия не имею. Я ничего не понимаю в политике». Эту фразу можно объяснить тем, что люди предполагали существование теории заговора, что всем было очень странно само возникновение и такое быстрое распространение вируса и то, как быстро среагировали все государства, даже когда пандемия только началась. Писатель Дэн Браун в своей книге «Инферно» описывал подобное событие: вирус, который был изобретен специально, чтобы уменьшить численность людей на планете, так как территории, на которых выращивают продукты питания, не увеличиваются, а население земного шара растёт. Единственная похожая эпидемия была испанка, которая длилась два года. Таким образом, люди стали шутили относительно происхождения Ковида, помогая себе справиться со стрессом и страхом неизвестности.

Шутки [12], [13], которыми люди описывали свою жизнь: «*Le coronavirus, c'est un peu comme une engueulade avec ma femme, quand tu penses que c'est fini, il y a une seconde vague qui arrive*» — ‘коронавирус немного похож на ссору с женой, как только ты думаешь, что все закончилось, в следующий момент начинается вторая волна’. «*Je loue une veste de livreur pour pouvoir se promener apres couvrir-feu*» — ‘я взял в аренду жилетку доставщика, чтобы иметь возможность погулять после комендант-

ского часа’. «*Reveillez-moi dans deux ans, quand toute cette connerie sera terminée*» — ‘разбудите меня через два года, когда вся эта белиберда закончится’. «*Est-ce que je peux obtenir mes resultats PCR dans votre pharmacie? - No, qu'au labo. - Collabo toi-même!*» В данной шутке тоже используется игра слов, правописание многих французских слов разное, но они одинаковы по звучанию. Перевод: ‘могу ли я получить результаты ПЦР теста в вашей аптеке? — Нет, только в лаборатории (кеолабо) — Сам ты сотрудник/предатель’ (*collabo* и *qu'au labo* произносятся одинаково). «*C'est l'histoire d'un coronavirus qui entre dans une banque et dit: 'Donnez-moi la caisse ou je fais tousoter'*» (это слово можно еще написать как *tout sauter* — ‘все взорвать’) — ‘это история коронавируса, который входит в банк и говорит: ‘Дайте мне все деньги из кассы, а то я всех обкашляю/все взорву’».

Писатель иронизирует над противоречащими друг другу рекомендациями правительства, так же здесь есть игра слов: «*Moi, ce qui m'amuse, c'est que pendant des semaines puis de mois, on nous disait 'tenez fort, il faut serrer les coudes!'*», «*et puis d'un autre cote, il y a des ministres qui nous disaient 'pour vous moucher, il faut vous moucher dans le coude'*» — ‘Что меня забавляет, так это то, что на протяжении месяцев нам говорили: ‘держитесь, надо держаться (либо, если переводить дословно — сжимайте локти), а с другой стороны, есть некоторые министры, которые говорили: ‘чтобы высморкаться, сморкайтесь в локти’». Сообщение во французской академии: «*On doit dire 'la Covid' et non 'le Covid', mais vous continuez a dire 'le Covid'. C'est pour cela qu'elle nous emmerde, cette maladie. Elle ne se sent pas respectée*» — ‘мы должны говорить ‘Ковид’ в женском роде, а не в мужском роде, а вы продолжаете говорить Ковид — он. Поэтому эта болезнь так нас и достает, потому что чувствует, что ее не уважают’.

Французы придумали шутки [11], про разные штаммы, пытаясь передать свои ассоциации или стереотипный образ о стране, известной личности: — «*Le variant Travolta donne toujours de la fièvre mais seulement le samedi soir*» — ‘от варианта Траволты всегда температура, но только вечером в воскресенье’;

• «*Le variant Napoléon est à Sainte-Hélène et fait beaucoup d'invalides, c'est une vraie Bérézina*» — ‘Вариант Наполеона на-

ходится на острове Святой Елены, там много инвалидов, это настоящая Березина¹;

- «*Pour le variant bordelais, pas de souci on a le Médoc*» — 'Для варианта Бордо нет проблем, у нас есть Медок (прим автора — ссылка на вино)';

- «*Le variant normand est difficile à prévoir*»: «*P'têt ben qu'oui, p'têt ben qu'non*» — 'Нормандский вариант сложно предугадать: 'Может быть да, может быть нет'» — иронизируют над произношением жителей Нормандии.

- «*On soigne à bon marché le variant provençal, on a un vaccin «peuchère»*» — 'Провансальский вариант лечится дешево, у нас есть «недорогая» вакцина';

- «*En Bourgogne, le variant est comme les autres, il est des nôtres, on le reconnaît rien qu'à sa trogne*» — 'В Бургундии вариант похож на другие, он один из нас, его можно узнать просто по лицу';

- «*À Paris, le variant est de plus en plus limité sur le périphérique mais, en ville, il circule sur les quais et il paraît qu'il pourrait emprunter des trotinettes, sans casque ni masque*» — 'В Париже этот вариант все больше ограничивается кольцевой дорогой, но в городе он циркулирует по набережным и, похоже, может арендовать скутеры, без шлема и маски';

- «*Pour sa part, le variant corse s'attaque au bouleau puisqu'il est transmis par l'écorce*» — 'Корсиканский вариант поражает березу, так как передается через кору' — *corse* — *écorce* — звучат почти идентично;

- «*Le premier symptôme du variant breton, c'est quand on commence à entendre le loup, le renard et la belette chanter, ou que l'on se met à porter un chapeau rond*» — 'Первый симптом бретонского варианта — это, когда вы начинаете слышать пение волка, лисы и ласки, или когда вы начинаете носить круглую шляпу';

- «*Le variant belge est redoutable, une fois, ça finit généralement par une mise en bière*» — 'Бельгийский вариант грозен, однажды он обычно попадает в пиво'.

- «*Le variant suisse reste neutre et n'entre pas dans l'Union européenne, aucun danger donc*» — 'Швейцарский вариант остается нейтральным и не входит в Европейский Союз, так что опасности нет';

- «*En Hollande, le virus a rompu les digues, franchi la haie et mis le pays bas*» — 'В Голландии вирус прорвал дамбы, пересек живую изгородь и опустил страну на дно' (*les Pays-bas* — ранее это было одним из названий Голландии (Нидерланды), игра слов);

- «*Pour le variant bulgare, protégez-vous avec un parapluie*» — 'Для болгарского варианта защитите себя зонтиком' (прим. автора — Болгарский зонтик, в Лондоне уколom зонтика был убит в 1978 году болгарский писатель-диссидент Георгий Марков);

- «*Le variant allemand nous cherche querelle, pourtant c'est un cousin germain*» — 'Немецкий вариант стремится поспорить нас, однако он является нашим первым двоюродным братом/герман — похоже на английское произношение слова *German*';

- «*Pour le variant irlandais, rien de tel qu'une bonne balade et une rasade de whiskey*» — 'Для ирландского варианта нет ничего лучше хорошей прогулки и стакана виски';

- «*Le variant anglais tourne très vite: «toupie or not toupie»*» — английский вариант крутится быстро: «топ или не топ» (прим. автора — так же по произношению схоже, согласные только оглушаются, со знаменитой фразой в монологе в пьесе Шекспира, Гамлет — «быть или не быть/*to be or not to be*»;

- «*À Venise, restez masqués au Carnaval, car le variant vénitien renaît telle la Fenice*» — 'В Венеции на карнавале оставайтесь в масках, поскольку венецианский вариант возрождается как Фениче';

- «*S'agissant du variant moscovite, c'est un méchant virusse. Pour lui échapper, mettez de la crème et portez une chemise de lin, le crème-lin est efficace!*»- 'Что касается московского варианта, то это неприятный вирус. Чтобы спастись от него, намажьтесь кремом и наденьте льняную рубашку, крем-лен эффективен' (прим. автора — *crème-lin* — созвучен со словом Кремль (*Kremlin*)).

- «*L'épidémie due au variant égyptien est pharaonique mais se canalise à Suez*» — 'Эпидемия, вызванная египетским вариантом, является фараоновой, но направляется в Суэц';

- «*Le marocain s'attaque préférentiellement aux ministres avec ou sans portefeuille*» — 'Марокканский вариант предпочитает нападать на министров с портфелем или без него'.

- «*En Asie, le variant iranien perce et gomme l'arabique*» — 'В Азии иранский вариант прорывается и стирает арабский';

¹ река, где была разбита армия Наполеона

• «*Ne craignez plus le variant chinois, il est cantonné!*» — ‘Не бойтесь больше китайского варианта, он ограничен!’ Игра слов: *Cantonne* — 1. кантонский диалект, 2. французское название Гуанджоу;

• «*Apparemment, avec le variant japonais, il n'y pas de sushi à se faire: c'est nippon ni mauvais*» — ‘По-видимому, в японском варианте суши не может быть: он не японский и не плохой’;

• «*Quant au variant turc, il est très fort et peut s'attraper avec le café ou aux bains*» — ‘Что касается турецкого варианта, то он очень крепкий, его можно пить с кофе или в бане’ (прим. автора — то, чем славится Турция);

• «*Attention au variant américain, c'est un vrai coup de poing mais il ne dure qu'un quart d'heure sur les pistes de danse*» — ‘осторожно с американским вариантом, это настоящий удар, но на танцевальном поле он длится всего 15 минут’.

• «*On parle de l'émergence d'un variant colombien, mais c'est de la poudre aux yeux*» — ‘Говорят о появлении колумбийского варианта, но это все пыль в глаза/для отвода глаз’ (игра слов — Колумбия печально известна своим наркотрафиком)

• «*Le variant des Bermudes ressemble à un triangle mais il est en voie de disparition*» — ‘Бермудский вариант выглядит как треугольник, но он находится под угрозой исчезновения’;

• «*Le variant mexicain est basané: restez couché sur le sol avec un sombrero sur le nez en guise de parasol, c'est le conseil de Marcel Amont!*» — ‘Мексиканский вариант загорелый: ложитесь на пол, надев на нос сомбреро и притворившись зонтиком — таков совет Марселя Амона’;

• «*Quant aux variants désignés par les lettres grecques, faites attention: le variant « alpha » est un mal dominant, le « bêta » est plutôt fruste mais ce serait bêta de l'attraper, le « gamma » rayonne beaucoup, « l'oméga » est méga-contagieux, le « rho » est à éviter pendant les repas mais attention aux nourrissons quand même, le « pi » est assez vache, le « mu » se propage tout seul, quant au « tau », il est fréquent chez les banquiers et s'accroît avec l'inflation, enfin le « nu » est impudique, couvrez-vous!*»- ‘Что касается вариантов, обозначенных греческими буквами, будьте осторожны: Вариант «альфа» — доминирующее зло (буква — штамм и ‘люди альфа, доминирующие в обществе’), «бета» — довольно грубый, но заразится им бета (это и штамм вируса и созвучное слово

bête — ‘зверь’), «гамма» сильно излучает (гамма — это штамм и вид радиоактивного излучения (гамма излучение)), «омега» — мегазаразен, «ро» следует избегать во время еды, но все равно будьте осторожны с младенцами (*rho* — ‘буква’ и *rot* — ‘отрыжка у грудничков’), «Пи» (1. число пи; 2. есть выражение *tant pis* — ‘тем хуже’) довольно неприятно, «мю» распространяется само по себе, «тау» распространено среди банкиров и увеличивается с ростом инфляции (*tau* — ‘тау’ буква алфавита (штамм) и *taux* (одинаковое произношение) — ‘налог’ и ‘процентная ставка’, поэтому заразиться банкир), а «ню» (‘толый’) неприлично, так что прикрывайтесь!’

Говоря о сатире, которая использовалась в народном творчестве, так как это люди изменяли и придумывали шутки, каламбуры, было бы несправедливо не указать несколько фраз, которые помогали людям пережить несчастья [5]:

“*Better to be busy than to be busy worrying*” — ‘лучше быть занятым, чем занятым беспокойством’.

“*Life is not about waiting for the storm to pass. It's about learning how to dance in the rain*” — ‘Жизнь — это не ожидание бури. Смысл в том, чтобы научиться танцевать под дождем’.

“*You can't always get what you want. But if you try sometimes, you will find, you get what you need*” — ‘Вы не всегда можете получить то, что хотите. Но если вы когда-нибудь попробуете, вы получите то, что вам нужно’.

“*I like to think of a life as an adventure, like a roller coaster. It helps with ups and downs*» — ‘Мне нравится думать о жизни как о приключении, как о «американских горках». Это помогает справиться со взлетами и падениями.’

Двести лет до коронавируса немецкий писатель Иоганн Вольфганг фон Гете дал совет-метафору: «Пусть каждый подметает перед своей дверью, и весь мир будет чист».

Благодаря очевидным примерам, представленным в данной статье, ясно, что человечество может справиться со всем. Главное — не терять силу духа и держаться вместе. Все процессы в жизни цикличны. Язык отображает все эпохи, а юмор спасет человечество (переделанное изречение — «красота спасет мир»).

“*That which doesn't kill us, makes us stronger*» — ‘То, что нас не убивает, делает нас сильнее’.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дружба дружбой, а полтора метра врозь»: лингвист СПбГУ рассказал о новом словаре русских ковидных антипословиц (электронный ресурс). Режим доступа: <https://rscf.ru/news/release/druzhba-druzhboy/>. (Дата обращения 14.07.2022)

2. Афанасьевская Н. В., Полежаева Е. А. Образ пандемии в интернет культуре Германии, Франции и России//Филологические и педагогические аспекты гуманитарного образования в неязыковых вузах. Сб. материалов конференции. Рязань. 2021. С. 93—96.

3. Корниенко Ю. М. Пандемия коронавируса и ее отражение в языке иврит//Восточный альманах. Сб. научных статей. ДА МИД РФ. Квант-Медиа. Москва. 2022. С. 118—124.

4. Мирзоева Ф. Р. К вопросу о лексике «новой реальности»//Новый мир. Новый язык. Новое мышление. Сб. материалов конференции. ДА МИД РФ. Москва. 2021. С. 98—103.

5. David G. Allan, CNN, Inspirational quotes to get us through the coronavirus era (electronic resource). URL: <https://edition.cnn.com/2020/03/26/health/inspirational-quotes-coronavirus-wisdom-project-wellness/index.html>. (Дата обращения 14.07.2022)

6. 'A stitch in time saves nine' — what does it mean? BBC official site. URL: <https://www.bbc.com/news/newsbeat-54262657>. (Дата обращения 16.07.2022)

7. 97 Coronavirus Quotes That Show Human Beings Will Always Find The Funny Side, Even In A Crisis. (electronic resource). URL: <https://www.elle.com/uk/life-and-culture/a31891185/coronavirus-quotes/> (Дата обращения 14.07.2022)

8. 20 citations pandémie — Citations & Proverbes sur pandémie (electronic resource) URL: <https://www.dicocitations.com/citation.php?mot=pandemie> (Дата обращения 14.07.2022)

9. Citation & proverbe et dicton CORONAVIRUS — 40 citations courtes et proverbes coronavirus (electronic resource). URL: <https://www.dicocitations.com/citation/coronavirus/1/40.php>. (Дата обращения 14.07.2022)

10. Roger J. Kreuz, How COVID-19 is changing the English language (electronic resource). URL: <https://theconversation.com/how-covid-19-is-changing-the-english-language-14>. (Дата обращения 14.07.2022)

11. Dominique Maillard, Février 2022: « Variation sur les variants avariés (electronic resource). URL: <https://fnep.org/blog/2022/02/02/fevrier-2022-variation-sur-les-variants-avaries/>. (Дата обращения 14.07.2022)

12. Frédéric Pouhier, François Jouffa, Perle de la Covid (electronic resource). URL: <https://www.editionsleduc.com/produit/2450/9782367044279/perles-de-la-covid>. (Дата обращения 14.07.2022)

13. Pauline Rouquette, «Perles de la Covid»: un recueil de blagues et calembours marquants en pleine pandémie (electronic resource). URL:

<https://www.europe1.fr/societe/perles-de-la-covid-un-recueil-de-blagues-et-calembours-marquants-en-pleine-pandemie-4035535>. (Дата обращения 14.07.2022)

Мирзоева Ф. Р.
Mirzoeva F. R.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЭВФЕМИЗМОВ В ЯЗЫКЕ РЕКЛАМЫ

FUNCTIONING OF EUPHEMISMS IN LANGUAGE OF ADVERTISING

Аннотация: В экономическом дискурсе эвфемизмы широко используются из-за способности заменить, «завуалировать» неприятные либо нежелательные выражения. В статье исследуются особенности использования эвфемизмов в языке рекламы. Уделяется внимание основным подходам к систематизации эвфемистических замен, проанализированы механизмы воздействия эвфемизмов с преобладанием функции маскировки или смягчения в рекламном дискурсе. Предметом анализа является лексика, отобранная из текстов дискурса бизнес-медиа, обладающих яркой эмоционально-оценочной окраской. Материалом для исследования послужили эвфемизмы, отобранные из британских и американских источников.

Ключевые слова: эвфемизм; маскировка значения; коннотация; рекламный текст; дискурс

Abstract: Euphemisms are widely used in economic discourse for their ability to replace, “veil” unpleasant or undesirable expressions. The article examines the features of the usage of euphemisms in the language of advertising. Attention is paid to the main approaches to the systematization of euphemistic substitutions, the mechanisms of influence of euphemisms with a predominance of the function of masking or softening in advertising discourse are analyzed. The subject of the analysis is the vocabulary selected from the texts of business media discourse, which have emotional and evaluative coloring. The material for the study was euphemisms selected from British and American sources.

Key words: euphemism; disguise of meaning; connotation; text of an advert; discourse

Труды Аристотеля, Гиппия, Демокрита, Платона и других греческих и римских философов свидетельствуют об использовании эвфемизмов с античных времен для того, чтобы избежать конфликтов, не использовать табуированной лексики, не обидеть собеседника [12]. Деметрий, один из античных авторов, пишет: «Пожалуй, не чужд мощности и так назы-

ваемый эвфемизм, превращающий брань в похвалу, а нечестие — в благочестие. Так, когда один из граждан советовал использовать золотые статуи Ники для нужд войны, расплавив их, он не сказал прямо: «Давайте разрубим статуи Ники на части для нужд войны», ибо такие слова показались бы оскорбительными и нечестивыми по отношению к богиням, и человек этот выбрал выражение более мягкое. Он сказал: «Давайте же вместе с богинями принесём общую пользу войне». А такой способ выражения создаёт впечатление, что статуи богинь как бы и не разрубают на части, а превращают в союзников» [2]. Таким образом, издревле возникло понимание, что эвфемистическая замена может быть оправдана сознательным желанием говорящего смягчить ассоциации, следовать условностям социума и не нажимать на болевые точки, побуждая к действиям.

Цель данного исследования заключается в выявлении основных функций эвфемизмов в языке рекламы. Актуальность темы представляется перспективной в связи с активным употреблением эвфемизмов в языке рекламы. Предметом исследования являются особенности использования эвфемизмов в рекламном дискурсе. Достижение цели исследования требует решения следующих задач:

- 1) дать определение понятию «эвфемизм»
- 2) рассмотреть способы и функции эвфемизации в рекламном дискурсе. Для реализации поставленных задач использовались следующие методы исследования: 1) анализ литературы по исследуемой проблеме; 2) анализ словарных дефиниций; 3) контекстуальный анализ; 4) описательный метод. Материалом для исследования послужили эвфемизмы, отобранные из британских и американских источников.

Изначально, явление эвфемистической субституции было вызвано религиозным запретом на употребление сакральных слов, боязнью вызвать гнев духов и богов употреблением определенных названий. С развитием общества появлялись новые табу и запреты, спровоцированные социальными и психологическими запретами. В последние десятилетия процесс образования эвфемизмов протекает с особой интенсивностью. Лексический состав языка политики и дипломатии, бизнеса и медицины, спорта и культуры, как никогда ранее, подвергается

процессам эвфемистических замен, вызванных как явлением политкорректности, так и желанием использовать манипуляционный потенциал эвфемии. Совершенно очевидно, что явление эвфемистической субституции не столько языковое, сколько культурное и социальное. Поэтому, по мере изменений, происходящих в западных странах, основной функцией эвфемизмов становится функция смягчения неприятного факта действительности («soft language»), маскировки и манипулирования при помощи языковых средств. Проблемы эвфемистической субституции приобрели популярность в среде ученых лингвистов в 60—80-х годах XX века. Именно в этот период появились труды С. Видлака, Дж. Лоуренса, Дж. С. Нимэн, К. Дж. Сильвер и других. Проблемы эвфемии в языке изучались также И. Гальпериным, Л. Крысиным, В. Москвиным, О. Ретуновой, В. Телиа, Ю. Вильямом и другими. В интерпретации Н. С. Араповой, эфемизмы определяются как «эмоционально нейтральные слова или выражения, употребляемые вместо синонимичных им слов или выражений, представляющихся говорящему неприличными, грубыми или нетактичными». Более того, к эвфемизмам относятся и «окказиональные индивидуально-контекстные замены одних слов другими с целью искажения или маскировки подлинной сущности обозначаемого» [1, с. 56]. А. Н. Шмелев квалифицирует эвфемизмы как «слова или выражения, служащие в определенных условиях для замены таких обозначений, которые представляются говорящему нежелательными, не совсем вежливыми или слишком резкими» [11]. Указывая на цели эвфемистических замен, Л. П. Крысин отмечает, что «... эвфемизация преследует следующие цели: стремление избежать конфликтов, непонимания со стороны адресата, «конфузности» ситуации; с помощью эвфемизмов можно «вуалировать существо дела», тем самым маскируется основной посыл за более благоприятной формой изложения или наоборот» [4, с. 389].

Исследователи выделяют различные способы образования эвфемизмов. А. М. Кацев делит все способы образования эвфемизмов на три большие группы по способу замены слова-табу на эвфемизм:

- 1 группа — семантические способы: генерализация значения. Например: 'the building up of labour reserves' (unem-

ployment); cashflow problem (bankruptcy); метафоризация значения: Reduces the appearance of orange skin, and immediately tones up the skin (реклама средства Vichy); All hands meetings; метонимизация значения: Ping — as in “I’ll ping you later” (aka: contact you via email or phone); поляризация значений. “what a perfume!” (instead of “what a stink”);

2 группа — изменения формы слова-табу: звуковая аналогия: негативная префиксация (литота): untrue/неправда вместо lie/ложь; сокращение: RIF (= reduction in force), KIA (= killed in action); big C (= cancer);

3 группа — заимствование из других языков. Uber — very [3, с. 289].

Американские лексикографы Дж. С. Нимэн и К. Дж. Сильвер выделяют следующие способы образования эвфемизмов: 1) использование иноязычных, в частности, греческих и латинских заимствований (напр., halitosis ‘несвежее дыхание’ от лат. halitus ‘дыхание’); 2) генерализирующую номинацию (widening), напр., growth ‘новообразование’ вм. cancer ‘рак, раковая опухоль’; 3) метонимическую номинацию; 4) метафорический перенос; 5) аббревиацию (напр., the Big C вм. cancer ‘рак’, the Big D ‘дьявол’) и др. [15, с. 9—11].

В бизнес лексике эвфемизмы широко используются из-за способности заменить, «завуалировать» неприятные либо нежелательные выражения. В предпраздничной статье The Economist (2011) с саркастическим заголовком — Making murder respectable. Phoney politeness and muddled messages: a guide to euphemisms — автор сетует о засилье политкорректных эвфемизмов маскирующих реальное состояние дел и «лакирующих» действительность: «Orwell was right: euphemisms can be sneaky and coercive. They cloak a decision’s unpleasant results, as in “let go” for “fire”, or “right-sizing” for “mass sackings”. They make consequences sound less horrid — as, chillingly, in “collateral damage” for “dead civilians” [13].

Исходя из речевых стратегий в направлении смягчения, негативные референты подвергаются корректировке, которая состоит в маскировке их отрицательного характера. Р. Холдер, создатель словаря эвфемизмов английского языка, утверждает, что банкротство в современном в XX веке не является большим позором, как это было в викторианскую эпоху. Арест

за долги был огромным бесчестьем в 18 веке, о нем старались не говорить или заменять иными словами. Холдер добавляет, что эвфемизмы темы банкротства и долгов используются в наши дни чаще, но степень негативных коннотаций стала ниже. В качестве примера эвфемистических замен слов «bankruptcy» и «debts» он приводит «negative cash situation or cash flow problem» [14].

Бесспорно, что сфера рекламного бизнеса является продуктивной площадкой для создания новых и использования существующих эвфемизмов, так как реклама должна воздействовать на потенциальных клиентов. Очевидно, что главной целью рекламных сообщений является не желание проинформировать потенциальных покупателей о реальных достоинствах товара, а стремление внедрить в сознание потребителей мысль о необходимости обладания этим товаром. Для привлечения внимания производители рекламы используют всё разнообразие стилистических средств: от аллюзии, метафоры, игры слов до грамматической ошибки (реклама гостиницы Holiday Inn: ‘Don’t have a WEAKEND... Have a WEEKENDER. Holiday Inn. Weekender Plus’). Эвфемизмы, используемые в англоязычной коммерческой и социальной рекламе, позволяют соблюдать социально принятые стандарты речевого этикета для манипуляции и маскировки реального качества товара или услуги. В статье об эвфемизмах на одном из лингвистических английских сайтов автор отмечает: «Unfortunately, in the world of marketing and advertising, euphemisms have become something else altogether. They are employed prolifically to lend a certain gloss to marketing messages, transforming them into anything from exaggerated claims to downright lies» (К сожалению, в мире маркетинга и рекламы эвфемизмы изменили своей первоначальной функции. Они широко используются для придания определенного лоска маркетинговым сообщениям, превращая их во что угодно, от преувеличенных утверждений до откровенной лжи) [16].

Слова с затемненной семантической структурой помогают рекламодателям выдавать желаемое за действительное. Так, довольно часто употребляемое в рекламе фармацевтической продукции слово virtually в словарном варианте означает almost entirely (Dictionary by Merriam-Webster), а не absolutely как

считают большинство пользователей. Реклама средства для посуды «leaves the dishes virtually spotless» (оставляет посуду практически чистой) обещает только то, что можно сделать и без данного средства. Рекламируя диваны из искусственной кожи (*Looking for a faux leather sofa bed? We've selected 8 options that can be used as a couch or a pull out sofa sleeper when guests come over*), рекламодаатель не сообщит покупателю, что он обит цветным, гибким поливинилхлоридом, то есть вином. Использование семантически завышенной единицы *faux leather* (искусственная кожа) ассоциируется с качественным товаром. По тому же принципу *false teeth* превращаются *dentures* или *dental appliances*. Смягчение и завышение значения осуществляется посредством нейтрализации и вытеснения негативной семы на периферию значения и активизации одной из положительных потенциальных сем. Например, *wine product* — это новый продукт, который продается в супермаркетах. На этикетке обычным шрифтом указано, что вы покупаете *Cabernet Sauvignon* (Каберне-Совиньон) или какое-либо другое известное сортовое вино. Завышение значения осуществляется через активизацию семы *wine*. Термин «винный продукт», набранный мелким шрифтом, является признаком того, что вы на самом деле покупаете не вино в общепринятом понимании этого термина. Первыми ингредиентами, указанными на обратной стороне этикетки, являются вода и сахар.

Кроме семантически завышенных единиц в рекламе широко используются стилистически завышенные единицы. В идеографическом плане «*significant*» слабо отличается от нейтрального «*important*», но оно придает выражению «*to be of significant value*» эффе́ктность.

В рекламном тексте часто встречаются слова с диффузной семантикой, обладающие семантической неопределенностью, используемые как преднамеренный прием создания речевой неоднозначности, например, малопонятные, но броские термины (*silk proteins; the bio-culture world*) или иноязычные слова как эвфемистические субституты простых и незаманчивых названий. Такие единицы с немотивированной внутренней формой, либо ослабленной мотивацией лучше приспособлены выполнять мелиоративную функцию, иными словами — быть лингвистической косметикой.

Рынок недвижимости также использует манипулятивные и маскирующие функции эвфемизмов. Язык агентов по недвижимости содержит выражения, скрывающие отрицательные качества товара, и делающие продаваемый объект наиболее желанным для покупателя. Английские лингвисты иронизируют, утверждая: «*If you have ever purchased a property, you will know that estate agents have abandoned conventional language altogether and only use euphemisms to describe properties. They have become world champions at presenting significant problems as potential virtues*». (Если вы когда-либо покупали недвижимость, то вы знаете, что агенты по недвижимости полностью отказались от классической речи и используют только эвфемизмы для описания недвижимости. Они стали чемпионами мира по представлению серьезных проблем в виде потенциальных достоинств). Р. Холдер указывает, что возраст дома обычно указывается без уточнения фактического года или периода — *Georgian house, ante-bellum, ideal of modernization, period property* [14].

Примеров эвфемистических замен разного рода в рекламе недвижимости предостаточно. В книге А. Пиза и А. Гарнера «Язык разговора» представлен список устойчивых фраз из лексикона агентов по продаже недвижимости, который является образцом эвфемистических замен с функцией маскировки. Например: *Architect designed* — hideous building that is out of keeping with the neighbourhood; *Stylishly retro* — hasn't been decorated since 1970; *Ideal for the handyman* — will cost a fortune to renovate; *Compact* — very small; *In an exclusive, quiet area* — a long way from shops and schools [9, с. 106].

Маркетологи и рекламщики идут на многое, чтобы использовать, а иногда и изобретать слова, которые демонстрируют продукт в выгодном свете. Изобретенные замены успешно интегрируются в сознание покупателя, создают благоприятную среду и способствуют приобретению рекламируемого товара. В.П. Москвин в своей статье «Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования» выделяет основные функции эвфемизмов на основе сфер их употребления: — замена точных названий пугающих предметов и явлений; — нежелание называть что-либо неприятное своим прямым наименованием; — замена слов или выражений, считающихся непри-

личными в данную эпоху и в определенном обществе; — избегание прямых наименований из боязни обидеть либо собеседника, либо третье лицо (этикетные эвфемизмы); — искажение или маскировка истинной сути предмета или явления; — изменение наименований непрестижных по мнению конкретной социальной группы профессий и организаций [8]. Анализ использования эвфемизмов в языке рекламы позволяет утверждать, что к существующему списку, наряду с функцией маскировки, можно добавить и манипулятивную функцию. Способность эвфемизмов к манипулированию заключается в «лакировке», камуфлировании истинной сущности вещей и явлений, путем создания нейтральной коннотации.

Таким образом, в языке рекламы основными функциями эвфемизмов являются:

- коммуникативное воздействие на потребителя, желание избежать коммуникативной неудачи;
- манипулятивные и маскирующие функции эвфемизмов, желание завуалировать некоторые факты действительности, упоминание которых вызывает негативные чувства у покупателей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Арапова, Н. С. Эвфемизмы//Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. 590 с.
2. Деметрий. О стиле. Античные риторика. М., 1978. 281 с.
3. Кацев А. М. Эвфемизмы и просторечие. Семантический аспект. Актуальные проблемы семасиологии. Л., 1991. 398 с.
4. Крысин Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи./Русский язык конца XX столетия/отв. ред. Е. А. Земская. М., 1996. С. 389—390.
5. Мирзоева Ф. Р. Эвфемизмы с преобладанием функции маскировки в экономическом дискурсе//Язык. Культура. Общество. Актуальные вопросы, методы исследования и проблемы преподавания: Сборник статей. ДА МИД РФ. М.: «Квант-Медиа», 2021. С. 93—102.
6. Мирзоева Ф. Р. К проблеме использования эвфемизмов в экономических текстах//Стратегия развития высшего и среднего профессионального образования в России. Сб. материалов конференции. 2014. С. 147—150.
7. Москвин, В. П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка [Текст]/Василий Павлович Москвин. 2-е изд. М.: Ленард, 2007. 26 с.
8. Москвин, В. П. Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования. Вопросы языкознания. № 3. 2001.

9. Пиз А., Гарнер А. Язык разговора. М. 2000. 139 с.
10. Романова М. А. Еще раз о современных неологизмах в английском языке//Филологический аспект: международный научно-практический журнал. 2022. № 06 (86). Режим доступа: <https://scipress.ru/philology/articles/eshhe-raz-o-sovremennykh-neologizmax-v-anglijskom-yazyke.html> (Дата обращения: 14.09.2022 г.)
11. Шмелев Д. Н. Эвфемизмы//Русский язык. Энциклопедия. М., 1979
12. Фрейденберг О. М. Античные теории языка и стиля. Сборник под общ. ред. О. М. Фрейденберг, Ленинград, ОГИЗ, 1936. 340 с.
13. The Economist (официальный сайт журнала). URL: <https://www.economist.com/international/2011/12/17/making-murder-respectable> (Дата обращения 14.09.2022)
14. Holder R. W. Dictionary of American and British euphemisms: The language of evasion, hypocrisy, prudery and deceit. Bath, 1987
15. Neaman J. S., Silwer C. G. The Wordsworth book of euphemisms: The hilarious guide to the unmentionable. Cumberland House, 1995
16. <https://word-connection.com>... euphemisms-in-marketing-and... (Дата обращения 14.09.2022)

Мочалова Т. С.
Mochalova T. S.

ДИДАКТИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД НА УРОКЕ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

TRANSLATION IN LANGUAGE TEACHING

Аннотация: Проблема использования родного языка учащихся в процессе изучения иностранных языков, а в ее рамках оправданность применения на уроке дидактического (учебного) перевода, не теряет актуальности более столетия. Распространенные в последнее время методы обучения, в том числе, популярный коммуникативный подход, относятся к этому виду работы скептически. В то же время, практика свидетельствует о его несомненной эффективности при преподавании родственных языков. Переводные задания, используемые продуманно и дозировано помогают устранить и предупредить многочисленные ошибки, вызываемые межъязыковой интерференцией.

Ключевые слова: преподавание иностранных языков; родственные языки; методика; перевод; интерференция

Abstract: The problem of using the native language of students and didactic translation in the process of teaching foreign languages has been discussed for more than a hundred years. Recently popular teaching methods, including the communicative approach, are sceptical about this type of work in the classroom. However, practice shows its undoubted effectiveness in teaching related

languages. If translation exercises are carried out thoughtfully and metered, they help to eliminate and prevent numerous errors caused by the negative influence of interference.

Key words: teaching foreign languages; related languages; methodology; translation; interference

«Новый словарь методических терминов и понятий» определяет значение слова «перевод» как

1. вспомогательный вид речевой деятельности;
2. раскрытие значения слова средствами другого языка;
3. учебную дисциплину [1, с. 193].

Слово «перевод» можно понимать также как действие, процесс и как результат этого процесса, устный или письменный текст. Выделяется перевод устный и письменный, с иностранного языка и на иностранный язык, перевод «с листа», последовательный и синхронный, подстрочный, литературный и научный и др. Заявленная в статье тема, в отличие от перевода профессионального, касается так называемого «учебного» («педагогического», «дидактического») перевода (англ. *TILT — Translation in Language Teaching*). И если задача профессионального переводчика — своеобразное творческое перекодирование текста на одном языке в текст на другом, то цель учебного перевода — это использование в учебном процессе специально отобранных языковых единиц для более успешного овладения изучаемым иностранным языком.

Применение на уроке учебного перевода как одного из ряда предлагаемых преподавателем упражнений не является чем-то новым в арсенале методических приемов, но его целесообразность постоянно вызывает дискуссии методистов [2]. Отчасти это связано, видимо, с пониманием переводных упражнений как реликтовой формы обучения из наследия *грамматико-переводного метода*, затрудняющей усвоение иностранного языка. В грамматико-переводном методе, популярном в России вплоть до середины прошлого века, знание иностранного языка рассматривалось как умение переводить, поэтому во главу угла ставилось изучение грамматических правил и запоминание набора лексических единиц, извлекаемых из переводимых текстов.

С распространением так называемого «прямого», «непосредственного» метода главной целью обучения иностран-

ному языку провозглашалось «умение думать на этом языке». Предпринимались попытки изучать язык, имитируя речь его носителей. Это повлекло за собой фактический отказ от использования на уроках грамматики, родного языка учащихся и, как следствие, от переводных заданий. Вместо них практиковались письменные задания в виде разного рода эссе и сочинений и свободное устное изложение текста вместо его перевода. Некоторые виды работы из этого метода регулярно применяются и сегодня.

Очередной поворот в дидактике наступил в 60-х годах прошлого века, когда на фоне расцвета структурализма в лингвистике в обучении приобрели популярность *аудиолингвальный* и *аудиовизуальный методы*, основанные на автоматизации языковых структур без сопровождающего их анализа. Ученикам предлагалось повторять на иностранном языке целые фразы-шаблоны, которые можно было бы впоследствии употреблять в общении на определенные темы. Эта методика исключала использование на уроке родного языка учащихся и перевода, т.к. утверждалось, что «каждый язык имеет собственную системную организацию, а влияние родного языка может иметь негативные последствия для усвоения иностранного» [12, с. 41].

В 80-х годах XX века в методике главенствующим стал *коммуникативный подход*, подразумевающий «использование языка в реальных ситуациях повседневной жизни с определенной конкретной целью. Грамматика и перевод отходят на второй план, важно, чтобы ученик смог коммуницировать, используя адекватные данной ситуации языковые структуры» [12, с. 43]. При этом практически не учитывается, что целью изучения иностранного языка может являться не только повседневное общение, но и коммуникация в профессиональной деятельности, где цена языковой ошибки может быть велика. Именно за снисходительное отношение к допускаемым учащимися ошибкам и недостаточное внимание к грамматике коммуникативный подход в последнее время неоднократно подвергался критике.

В 2003 году появился документ Совета Европы под названием «Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, преподавание, оценка» (англ. *CEFR*,

пол. *ESOKJ*), частично «реабилитирующий» использование перевода в дидактике. Перевод рассматривается в нем как разновидность коммуникации, при этом, правда, принципы его использования не уточняются [7, с. 83]. Несмотря на то, что динамично развивавшаяся коммуникативная методика не отвергала обращения к переводу в процессе обучения, многие авторы учебников и педагоги предпочитали не использовать связанные с ним виды работы. Так, например, в строго следующих установкам стандарта *CEFR/ESOKJ* учебниках для иностранцев, изданных в Польше в первое десятилетие XXI века, язык-посредник и переводные упражнения отсутствуют. Критики учебного перевода обращают внимание на то, что он является помехой в развитии коммуникативной компетенции, тормозя продуктивные навыки и беглость речи, что перевод для многих учеников — трудная задача, что это скучное занятие, отнимающее слишком много времени, что введение в канву урока перевода текстов на ранних этапах обучения действует демотивирующим образом [13, с. 117] и т. д.

Методисты последнего десятилетия не так категоричны. В их работах перевод трактуется как естественный вид языковой деятельности и постоянный элемент общения на иностранном языке. В применении дидактического перевода (правда, в ограниченном объеме) они усматривают больше плюсов, чем минусов. К ним относятся, в частности, облегчение усвоения грамматики и запоминания лексики, снижение напряжения, возникающего из необходимости использовать на уроке иностранный язык, развитие «чувства языка» и языковой автономии учащихся, устранение проблем с непониманием инструкций к заданиям. Переводные упражнения учат пользоваться словарями, знакомят с языковыми нюансами и стилевыми особенностями родного и изучаемого языка, т. е. «перевод развивает языковую компетенцию как в иностранном, так и в родном языке, способствуя тем самым повышению языковой культуры» [9, с. 36].

Интересные данные социологических исследований на тему присутствия перевода на уроках иностранного языка приводит польский лингвист и переводчик А. Кубацкий: 53% изучающих немецкий язык в одном из польских лицеев подтвердили, что имеют дело с переводными упражнениями ча-

сто, 29% — на каждом занятии и только 18% — редко. Более 74% опрошенных сталкиваются с такими заданиями во время контрольных работ. Чаще всего переводятся отдельные слова и предложения, гораздо реже — тексты. 96% учащихся заявили при этом, что перевод полезен, интересен, важен и необходим [14, с. 200]. Аналогичный опрос среди преподавателей показал, что несмотря на то, что «действия, основанные на переводе, часто рассматриваются как нежелательная дидактическая процедура, а иногда как бессилие и/или некомпетентность педагога» [15, с. 9], все они постоянно, хотя с разной частотой и разными целями, работают с переводом на иностранный язык и с иностранного языка, причем из-за отсутствия нужных упражнений в учебниках они вынуждены составлять задания самостоятельно. В анкетах отмечалось, что вопреки распространенному мнению, перевод не представляет для учащихся особой трудности, поскольку она всегда дозируется в соответствии с их возможностями и уровнем знаний [14, с. 200—202].

Результаты своих исследований в России публикует В. М. Рагимова: опрашивались учителя и ученики старших классов средней школы, изучающие английский язык. Выяснилось, что 100% учителей используют межъязыковой перевод, соответственно, и ученики в том же количестве занимаются переводом на уроках [8, с. 56]. Собственные данные мало отличаются от приведенных: практически 100% преподавателей-респондентов, работающих в Дипломатической академии МИД России, МГИМО МИД РФ и МГУ им. М. В. Ломоносова, используют перевод в процессе обучения и считают его одним из самых экономных и эффективных способов решения ряда методических задач. Студенты этих учебных заведений также утверждают, что межъязыковой перевод при изучении иностранного языка необходим на том или ином этапе, в тех или иных формах работы. Из 20 студентов разных курсов, изучавших польский язык в Дипломатической академии в 2021/22 учебном году, ни один не высказался против переводных заданий, которые практикуются на уроках (в качестве альтернативы предлагались задания другого типа). Немаловажно и то, что во многих вузах перевод предусматривается программой и является составной частью контрольных и эк-

заменационных работ (в этом случае речь часто идет о профессионально ориентированном переводе [3, с. 215; 3, с. 146].

Конечно, родным языком или языком-посредником нельзя злоупотреблять, использование перевода на уроке имеет свои границы. Он уместен в небольших мононациональных группах, желательно при этом, чтобы преподаватель владел языком учащихся (для изучающих польский язык в России это само собой разумеется, чего нельзя сказать о занятиях с носителями языка в Польше). Задания должны быть тщательно подготовлены, продуманы и подчинены коммуникативным целям: кроме анализа формы языковых единиц, они должны «концентрировать внимание учеников на функции текста и его дискурсивной организации» [10, s. 35].

Задания, связанные с переводом, могут быть разными. Это, например, «двойной» или «обратный» перевод, когда небольшой текст (нетрудный и способный вызвать интерес) сначала переводится на родной язык, а потом «обратно». Тем самым, внимание учащихся обращается на взаимосвязь формы и значения рассматриваемых грамматических структур.

Можно попросить одного из учеников кратко высказаться на родном языке по изучаемой лексической теме. Второй должен перевести его высказывание на иностранный язык. Этот вид работы вынуждает говорящего как можно полнее передать содержание услышанного, а слушающих проконтролировать полноту и правильность перевода. Такое задание тренирует разные навыки и наглядно демонстрирует те пробелы в лексике и грамматике, над которыми следует еще поработать.

Наши ученики часто не умеют и не хотят пользоваться словарями, в том числе, электронными. Они предпочитают быстрые и, как им кажется, эффективные и надежные программы типа гугл-переводчик. Во многом по этой причине включение письменного перевода в домашнее задание, как представляется, утратило смысл. С тем, что интернет-переводчики удобны, трудно не согласиться, но всегда ли можно им слепо доверять? На среднем и продвинутом этапе можно предложить учащимся «посоревноваться» с электронным разумом: сравнить собственный и машинный перевод небольшого текста, подготовленного преподавателем, и затем проанализировать результаты и причины допущенных ошибок. Что касается

польского языка, то такие ошибки у гугл-переводчика, скорее всего, появятся во многих глагольно-именных конструкциях, различающихся в польском и русском языках предложно-падежными формами (ср., напр., рус. «жениться на ком» — пол. «*ożenić się z kim*»).

Вопрос о роли перевода при изучении родственных языков и — шире — о специфике их преподавания требует отдельного исследования. Практика обучения польскому языку и опыт коллег, преподающих в Дипломатической академии другие славянские языки, показывает, что благодаря исходной общности языков начальный этап занятий демонстрирует значительный перевес рецептивных навыков у студентов над продуктивными. Помехой в правильном оформлении устной и письменной речи является большое количество всевозможных ошибок, возникающих на фоне негативного влияния межъязыковой интерференции во всех языковых подсистемах: в фонетике, лексике, грамматике, синтаксисе [5, с. 429]. Так, например, переводя на польский язык простое предложение «Тёте Ане 51 год, она моложе мамы на 4 года», русскоязычные учащиеся могут допустить по несколько ошибок, связанных с обманчивой «похожестью» польского и русского языков (рус. «кому сколько лет» — пол. «*kto ma ile lat*»; рус. «пятьдесят один год» — пол. «*pięćdziesiąt jeden lat*»; рус. «она моложе (наречие)» — пол. «*ona jest młodsza* (прилагательное)»; рус. «на 4 года» — пол. «*o 4 lata*»; рус. «на 4 года» — пол. «*o 4 lata*»).

В польской методической литературе мало рекомендаций относительно работы с гомогенными славянскими группами, методисты по-прежнему ориентируются на коммуникативный подход, но в связи с миграционными процессами (еще в 2016/2017 учебном году 54% приезжих студентов были выходцами из Украины, сейчас эта цифра гораздо выше) преподаватели польского языка как иностранного вынуждены перестраиваться и искать новые эффективные методы обучения. По утверждению методиста и лингвиста Д. Издебской-Длугош, коммуникативный подход в преподавании польского языка славянам не совсем оправдан, родственному языку надо учить иначе [10, s. 33].

С ней трудно не согласиться, ведь если задачей преподавателя является подготовка специалистов, которые будут ис-

пользовать иностранный язык в своей профессиональной деятельности, то это должен быть *правильный*, грамотный язык, без вкрапления «межъязыковых» ошибок, нередко затрудняющих коммуникацию.

Бороться с такими ошибками можно, в том числе, с помощью дидактического перевода, причем «им надо пользоваться уже в самом начале обучения там, где встречаются потенциальные интерференционные «ловушки», причем как при введении элементов грамматической системы, так и новой лексики, например, межъязыковых омонимов» [10, s. 36]. Лучше всего, по словам некоторых польских ученых, для этого подходит так называемый дословный или близкий к оригиналу перевод. В этом случае учащиеся вынуждены употреблять конкретные интерферирующие структуры, т. е. учиться обходить упомянутые «ловушки».

Опыт преподавания показывает, что упражнения на перевод целесообразно вводить в канву урока в следующих ситуациях: для знакомства с грамматическими правилами, для автоматизации этих правил (т. наз. «*drilling*», применяемый в аудиолингвальном методе 50—60 годов XX века и отвергнутом из-за его якобы неэффективности) и в целях контроля как заключительный этап работы с конкретной темой. Такого же мнения придерживается и Д. Издебска-Длугош: в своем пособии для изучающих польский язык, составленном на основании сравнительного анализа собранного корпуса ошибок, она предлагает целый ряд упражнений, призванных помочь славяноязычным учащимся преодолеть трудности, связанные с негативным влиянием интерференции [11]. Достаточное количество таких упражнений содержится также в учебнике «Польский с нуля» [6].

Сравнительный подход как методический прием, предполагающий обращение к родному языку учеников и применяемый в переводных упражнениях, в определенном смысле перориентирует внимание учащихся со значения на форму слова или языковой структуры. Тем не менее, целью данной статьи вовсе не является призыв «возродить грамматику-переводной метод» в обучении иностранным языкам, хотя некоторые элементы из него вполне могут быть возвращены в арсенал современного преподавателя в определенных целях и с определен-

ными ограничениями. Вряд ли разумно, руководствуясь только общим трендом, не использовать то, что приносит хорошие результаты и повышает эффективность учебного процесса. Перевод является незаменимым видом работы при изучении родственных языков: демонстрируя сходства и различия в структурах родного и изучаемого языка, он позволяет не только осознанно подходить к выбору нужных речевых моделей в чужом языке, но и глубже понять систему языка родного.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий. М., 2009. 448 с.
2. Гришина Л. В. Обучение переводу на занятиях по аудированию // Новый мир. Новый язык. Новое мышление. Сб. материалов конференции. ДА МИД РФ. Москва. 2022. С. 172—178.
3. Мочалова Т. С. О политике по-польски. Из опыта обучения языку специальности. // Славянский мир: язык, литература, культура. М.: Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 2018. С. 214—217.
4. Мочалова Т. С., Сыркова И. А. О работе с профильными текстами на занятиях по славянским языкам. // Язык как фактор культурной дипломатии. Материалы межвузовской научно-практической конференции. М., 2017. С. 141—148.
5. Мочалова Т. С. Типология ошибок, вызываемых межъязыковой интерференцией (на материале польского и русского языков). // New World. New Language. New Thinking. Материалы III ежегодной международной научно-практической конференции. М., 2020. С. 427—434.
6. Мочалова Т. С. Польский с нуля. М.: ВКН, 2019. 342 с.
7. Общеевропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, преподавание, оценка. М.: Изд-во «Московский государственный лингвистический университет». 2003. 245 с.
8. Рагимова В. М. Перевод как средство обучения на уроке иностранного языка // Инновационные научные исследования. 2021. № 9—1 (11). С. 53—58. URL: <https://ip-journal.ru>.
9. Iluk J. Tłumaczyć czy nie tłumaczyć na lekcjach języka obcego. // Języki Obce w Szkole. 2008. N5. s. 32—40.
10. Izdebska-Długosz D. Praktyka przekładu w dydaktyce gramatyki języka polskiego jako obcego w grupach ukraińskich (wschodniosłowiańskich) // Roczniki humanistyczne. Tom LXVIII, zeszyt 10. 2020. s. 33—44.
11. Izdebska-Długosz D. Polski dla nas. Deklinacja i składnia kontrastywnie. Kraków, 2021. 140 s.
12. Janowska I. Od metody gramatyczno-tłumaczeniowej do mediacji językowej. // Tłumaczenie dydaktyczne w nowoczesnym kształceniu językowym. Red. Seretny. A., Lipińska E. Księgarnia Akademicka, 2016. s. 37—53.

13. Komorowska H., *Metodyka nauczania języków obcych*. Warszawa: Fraszka Edukacyjna. 2003. 138 s.

14. Kubacki A. D. Rola ćwiczeń tłumaczeniowych na lekcjach języka obcego. // „Neofilolog”, Nr 35. 2010. s. 195—205.

15. Seretny A., Lipińska E. Tłumaczenie dydaktyczne w nowoczesnym kształceniu językowym. Red. Seretny A., Lipińska E. Księgarnia Akademicka. 2016. 242 s..

Покровская Л. Ю.
Pokrovskaya L. Y.

НЕКОТОРЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗДЕЛА ПОЛИТИКИ ГАЗЕТЫ ФРАНКФУРТЕР АЛЬГЕМАЙНЕ ЦАЙТУНГ (FAZ)

SOME LEXICAL FEATURES OF POLITICAL COLUMN OF
FRANKFURTER ALLGEMEINE ZEITUNG (FAZ)

Аннотация: Статья посвящена отдельным лексическим особенностям раздела политики ведущей немецкой газеты «Франкфуртер Альгемейне Цайтунг». Исследуются методы эмоционального воздействия на фоне официального стиля. Окказионализмы, неологизмы, идиоматические выражения, а также ирония — это те средства, с помощью которых авторы влияют на формирование мнения своих читателей. Рассматриваются также заголовки данного раздела, которые в ФАЦ довольно точно позволяют судить о содержании статьи.

Ключевые слова: политическая лексика; официальный стиль; эмоциональное воздействие; информативные заголовки; электронная версия газеты

Abstract: The article deals with some lexical features of the political column of the leading German newspaper Frankfurter Allgemeine Zeitung. The author dwells upon methods of the emotional impact against the backdrop of the official style. Among the means that the reporters employ to form the readers' opinions are occasionalisms, neologisms, idiomatic expressions, as well as irony. The article also examines the headlines of this section, which allow evaluating quite accurately the content of the article.

Key words: political vocabulary; official style; emotional impact; informative headlines; electronic version of the newspaper

В Германии издается более 300 ежедневных газет. Немецкие печатные издания дифференцируются в зависимости от их функции. Если региональные газеты рассчитаны на широкий круг читателей, но ставят своей задачей обзор местных новостей, то общегерманские, национальные издания

(Überregionale Zeitungen) призваны донести до читателя актуальные мировые политические и экономические проблемы и рассмотреть их с разных точек зрения, так, чтобы читатель получил всю полноту информации. К числу национальных изданий принадлежит газета «Франкфуртер Альгемейне Цайтунг», впервые изданная 1 ноября 1949 и получившая свое название по месту выхода в свет. Франкфурт — это финансовая столица Германии. ФАЦ предназначена для образованного, взыскательного читателя — для представителей деловых и общественных кругов, интеллигенции — не только в стране, но и за ее пределами.

Основные функции ФАЦ, как и любого печатного издания, это информирование, влияние на формирование определенного мнения, контакт с читателем [1]. Что касается лингвистических признаков, то язык прессы отражает реальное состояние немецкого языка. Газета выходит ежедневно, поэтому лексика привязана к настоящему историческому моменту больше, чем любая другая.

Предметом исследования данной статьи станут лексические особенности раздела политики, который открывает ФАЦ. Используется метод сплошной выборки, период обзора с начала 2022 года по настоящее время.

Первые классификации политической лексики были предложены в 60—70 годах прошлого века. Автором одной из таких работ является Вальтер Дикманн [см. 4, с. 47—57]. Он и его последователи выделили следующие слои политической лексики.

1. Институциональный язык — Institutionssprache

Сюда относится лексика, касающаяся основных политических понятий, таких, как «конституция, партия, председатель фракции».

2. Специализированная лексика, язык специалистов какого-либо конкретного ведомства — Fachsprache des verwalteten Sachgebiets, например, «Фонд инвестиций Евросоюза, Европейский фонд устойчивого развития, европейский план внешних инвестиций».

3. Язык идеологии — Ideologiesprache. Это лексика, употребляемая в контексте конкуренции политических партий.

Вся эта лексика присутствует на страницах ФАЦ. При этом газету отличает официальный стиль, сложные речевые обороты. Следующие примеры, подтверждают данное утверждение.

„Dennoch sollte man sich nicht **in gegenseitigen Schuldzuweisungen ergehen**.“ — Тем не менее, не стоит упражняться во взаимных обвинениях.

„Die Kommissionspräsidentin mahnte, dass vor allem in den Bereichen Rechtsstaatlichkeit und Korruptionsbekämpfung noch **Handlungsbedarf bestehe**.“ — Председатель комиссии отметила, что в вопросах правового государства и борьбы с коррупцией существует необходимость действий.

„Ein Abkommen der amerikanischen Staaten soll **der Migrationskrise entgegenwirken**.“ — Договор стран американского континента должен воспрепятствовать миграционному кризису.

„**Der Plan beinhaltet** ein gemeinsames Konzept...“ — План содержит общую концепцию...

„Aber zum Abschluss gelang es dem amerikanischen Präsidenten ein vorzeigbares **Ergebnis zu präsentieren**.“ — В конечном итоге американскому президенту удалось представить достойный результат.

Данные речевые обороты уместны в официальной лексике. Именно такой стиль используется в статьях, информирующих об официальных зарубежных визитах, переговорах, подписании документов. Типичным для данного издания является употребление сложных существительных и прилагательных, что отражает тенденцию к экономичным речевым конструкциям, так как рамки газетной статьи не допускают многословия.

„... wenn es einen **Meinungsumschwung** im Kongress gibt“ — Если произойдет изменение мнения (позиции) в Конгрессе.

„die **Abschreckungsfähigkeit** Europas“ — Способность Европы держать в страхе (вероятных противников)

„das nukleare **Machtungleichgewicht**“ — Ядерное неравновесие

„der **faktenbasierte** Bericht“ — Отчет, опирающийся на факты — сложное причастие, представляющее собой неологизм [2].

То, что стиль такого издания, как ФАЦ, официальный, что влияет на выбор лексики, является закономерным и ожидаемым фактом [3]. Именно так подается материал практически всех статей политического раздела.

Однако, наряду со строго официальным стилем, в статьях на первых полосах газеты мы встречаем также эмоционально окрашенную лексику.

Например, проявления иронии. Чаще всего — не по отношению к первым лицам своей страны или крупнейших мировых держав, однако это всегда люди, хорошо известные в политических кругах. Данный стилистический прием позволяет показать восприятие конкретного политика определенной частью общества.

„Merz rüttelt den Bundestag mit einer **Hallo-wach- (auf)Rede auf**.“ — «Мерц пытается встряхнуть Бундестаг выступлением в духе «здравствуй — просыпайся!» Речь идет о лидере оппозиции в Бундестаге. Ирония выражена с помощью словосочетания в повелительном наклонении, которое при написании через дефис представляет собой окказионализм. Между строк читается, что призыв к парламенту лидера оппозиции не достигает цели.

„Die Skepsis gegenüber einer weiteren **Ausdehnung** (der EU) ist groß.“ — «Скептицизм в отношении дальнейшего расширения ЕС достаточно высок». Ирония выражается в употреблении вместо нейтрального выражения «расширение» существительного со значением «растягивание в разные стороны».

„Das würde den **Einschlafffaktor** bei Debatten im Bundestag stark erhöhen.“ — «Это повысит фактор снотворного действия дебатов в Бундестаге». Ирония в данном случае достигается за счет неожиданного объединения двух разных существительных в один окказионализм.

Перенесение выражений, вполне нейтральных в определенном контексте, в другой, неожиданный контекст, также позволяет добиться эмоциональности.

„Kein **Freifahrtschein** für EU-Beitritt der Ukraine.“ — «Нет билета на льготный проезд» (для вступления Украины в ЕС). Речь идет не о транспорте. Выражение «отсутствие льготного билета» в данном контексте означает, что от Украины ждут выполнения необходимых требований для вступления в ЕС.

„NATO hat ihren **360-Grad-Ansatz** formuliert.“ — «НАТО сформулировало программу на 360 градусов». Нейтральным является выражение «обзор на 360 градусов». В данном случае «программа на 360 градусов» имеет значение «полная, подробная программа».

„Über die **Kronjuwelen** der Sicherheit verhandeln“ — «Вести переговоры, касающиеся «важнейших средств обеспечения безопасности» (в дословном переводе — сокровищницы). В статье говорится о переговорах по поводу финансирования безопасности Европы. Само словосочетание «сокровищница короны» является вполне нейтральным. Однако в данном случае под сокровищницей подразумевается вооружение.

„Der amerikanische Präsident **flankierte** die Bemühungen, indem er mit Erdogan telefonierte.“ «Американский президент поддержал усилия, позвонив Эрдогану.» Поддерживать с флангов — flankieren — военный термин.

Использование лексических единиц в неожиданном контексте позволяет расставить определенные акценты в тексте, вызывая эмоциональный отклик у читателя.

Периодические издания относятся к тем СМИ, где активно используются неологизмы [2]. ФАЦ не является исключением. Неологизмы оживляют язык и влияют на восприятие читателем информации — иногда это необходимо и в том случае, когда речь идет о политических проблемах.

Например:

Eine Beistandsklausel, aus der sich neutrale Staaten **herausop-tieren** können.

Пункт договора, предусматривающий возможность (опцию) выхода из него для нейтральных стран. Неологизм представляет собой глагол, образованный от существительного «опция», и приставки со значением «вон, наружу» [10]. В контексте смысл этого необычного, неожиданного глагола вполне понятен.

Den Frieden **herbeibomben**. Добиться мира с помощью бомб.

Приставка имеет значение приближения. В этом неологизме соединяются противоположные по смыслу понятия «мир» и «бомбы» — приблизить мир с помощью бомб.

Man habe es mit einem „**parlamentarischen Schweinsgalopp**“ zu tun. — Мы имеем дело «галопом свиней» в парламенте. Свиной галоп или забег свиней в сочетании с прилагательным «парламентский» означает бессмысленную трату усилий и времени в парламенте, а вместе с этим и денег налогоплательщиков [6].

В разделе политики ФАЦ мы можем встретить также идиоматические выражения. Идиомы представляют собой устойчивые словосочетания, которые нельзя понимать дословно. В политических статьях авторы используют их по мере необходимости для эмоционального воздействия на читателя, например:

Guatemala und El Salvador **gaben** Biden **einen Korb**. — Гватемала и Эль Сальвадор ответили Байдену отказом.

„Einen Korb geben“ — отвергнуть предложение руки и сердца, ответить отказом на предложение вступить в брак. Дословно «получить корзину» [9].

Das ist die **Achillesferse** der strategischen Sicherheit Europas. Ахиллесова пята стратегической безопасности Европы.

Die Partner der Bundeswehr können davon **ein Liedchen singen**. Партнеры Бундесвера имеют негативный опыт в этом вопросе. Дословно: «могут спеть песенку про это.»

Der türkischen Führung ist **ein Dorn im Auge**, dass die USA das neuste Kampfflugzeug nicht an die Türkei liefern. Тот факт, что США не поставляют Турции новейший истребитель, раздражает турецкое руководство. Дословно: «соринка в глазу» для турецкого руководства.

Die Türkei **drückte** gegenüber islamistischen Extremisten **beide Augen zu**. Турция закрывает глаза на действия исламских экстремистов. В немецком языке существует выражение „ein Auge zudrücken“ — «прикрыть один глаз», то есть не особенно обращать внимание на что-либо. В данном случае «прикрыть оба глаза» — такое изменение должно подчеркнуть полное попустительство по отношению к экстремистам [8]. При этом автор не использует нейтрального выражения со значением «не обращать внимания», которое лишило бы это предложение необходимой экспрессии.

Важной составляющей каждой статьи является заголовок. При анализе заголовков статей раздела политики, мож-

но прийти к выводу, что в своем большинстве они очень информативны, в нескольких словах раскрывают содержание статьи.

Вот несколько типичных примеров.

“CHINA NOFIERT AUSSENMINISTER LAWROW” — *КИТАЙ ОКАЗЫВАЕТ ПОДЧЕРКНУТЫЕ ЗНАКИ ВНИМАНИЯ ЛАВРОВУ*

“SCHWEDEN UND FINNLAND FÜHREN GESPRÄCHE IN ANKARA” — *ШВЕЦИЯ И ФИНЛЯНДИЯ ПРОВОДЯТ ПЕРЕГОВОРЫ В АНКАРЕ*

„FINNLAND MÖCHTE MITGLIED DER NATO WERDEN“ — *ФИНЛЯНДИЯ ХОЧЕТ СТАТЬ ЧЛЕНОМ НАТО*

„XI JINPING WEIST EINMISCHUNG BEI MENSCHENRECHTEN ZURÜCK“ — *СИ ДЗИНПИН ОТВЕРГАЕТ ВМЕШАТЕЛЬСТВО В СИТУАЦИЮ С ПРАВАМИ ЧЕЛОВЕКА*

„NORDKOREA FÜHRT KURZ NACH BIDENS ABREISE AUS ASIEN RAKETENTEST DURCH“ — *СЕВЕРНАЯ КОРЕЯ ПРОВОДИТ ПОСЛЕ ОТЪЕЗДА БАЙДЕНА ИЗ АЗИИ ИСПЫТАНИЕ РАКЕТЫ*

„BIDEN BEKRÄFTIGT POLITIK DER „STRATEGISCHEN ZWEI-DEUTIGKEIT“ IM UMGANG MIT TAIWAN“ — *БАЙДЕН ПОДТВЕРЖДАЕТ ПОЛИТИКУ «СТРАТЕГИЧЕСКОГО ДВОЙНОГО ПОДХОДА» ПО ОТНОШЕНИИ К ТАЙВАНЮ»*

Так информативно озаглавлено большинство политических материалов ФАЦ, что больше похоже на тезисы по содержанию. Абстрактные заголовки — большая редкость для политических статей. Читатель, который ценит свое время, может сразу определить, интересует ли его данная тема. И даже не имея времени на подробное чтение, только пробежав глазами заголовки, он уже представляет себе, какими были самые важные политические события за последние сутки.

На основании рассмотренных примеров можно сделать вывод, что материалы в разделе политики ФАЦ подаются официальным языком. Это соответствует статусу газеты и ее месту в ряду других печатных изданий. Однако авторы не пренебрегают возможностью эмоционально воздействовать на читателя, с помощью стилистических средств вызывая необходимую реакцию на те или иные политические события или политиков. Благодаря использованию образного языка — устойчивых словосочетаний, идиоматических выражений, неологизмов, авторам удается оживить официальный текст,

придать ему динамизм и наглядность, подавать сухой материал более непринужденно.

В последние десятилетия с печатными изданиями успешно конкурируют их электронные версии. ФАЦ не является исключением. Газета реагирует на происходящее, оперативно размещая материалы в своей интернет-версии. Достоинством электронного варианта являются ссылки на предыдущие статьи по конкретной теме, предоставляется возможность всестороннего изучения вопроса. Другой плюс — это право читателя выразить собственное мнение, прокомментировать проблему, вступить в полемику с автором или другими читателями [1]. Обратная связь — безусловное достоинство электронной версии, а политические статьи вызывают активный отклик. Обе версии ФАЦ, печатная и электронная успешно сосуществуют.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Панченко Л. В. Сопоставительный социокультурный анализ традиционной и электронной версий британской газеты The Financial Times//Филологический аспект. 2020. № 8 (64). С. 103—112.
2. Покровская Л. Ю. Неологизмы в современном немецком языке//New World. New Language. New Thinking. Сб. материалов конференции ДА МИД РФ. Москва. 2019. С. 580—586.
3. Ризель Э. Г, Шендельс Е. И. «Стилистика немецкого языка». Издательство «Высшая школа». 1975. 316 с.
4. Dieckmann W. Sprache in der Politik Einführung in die Pragmatik der politischen Sprache. Mit einem Literaturbericht zur 2. Auflage.- Heidelberg: C Winter-Universitätsverlag, 1975.-147 S.
5. Dieckmann W. Deutsch: politisch — politische Sprache im Gefüge des Deutschen//Kilian J. (Hrsg.): Sprache und Politik. Duden Band 6. -Mannheim; Leipzig, Wien; Zürich: Dudenverlag, 2005. -S.11—30.
6. Duden. Deutsches Universalwörterbuch. Bibliographisches Institut Mannheim/Wien/Zürich. Dudenverlag, 2006. Lempp Beile, Werner und Alice. Themen und Meinungen im Für und Wider. Inter Nationes, 1999
7. Heinz Griebbach, Dora Schulze. 1000 deutsche Redensarten mit Erklärungen und Anwendungsbereichen. Langenscheidt, Berlin, München, Wien, Zürich. 1985
8. Kurz, G. Metapher, Allegorie, Symbol. Göttingen: Vandenhoeck Ruprecht, 1982.-107 S.
9. Rigotti, F. Die Macht und ihre Metaphern. Über die sprachlichen Bilder der Politik. Frankfurt/Mein -New York: Campus-Verl., 1994.-239 S.
10. Wörterbuch der Deutschen Gegenwartssprache (WDR), herausgegeben von R. Klappenbach und W. Steinitz, Berlin, Akademie-Verlag, 10 Auflage 1980

ИСТОЧНИКИ

11. Frankfurter Allgemeine Zeitung [электронный ресурс]. URL: <http://www.faz.net/aktuell>

12. Angewandte Linguistik TU Dresden — YouTube. URL: <https://tu-dresden.de/gsw/slk>

Рубцова Б. Я.
Rubtsova B. Ya.

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЯЗЫКОВ В МОЗГЕ БИЛИНГВА

FEATURES OF INTERACTION OF LANGUAGES IN THE BRAIN OF BILINGUAL

Аннотация: В данной статье дается определение билингвизма как широко распространенного явления в современном мире, а также, рассматривается проблема пластических изменений головного мозга при владении двумя или несколькими языками. Согласно исследованиям изучение и использование нескольких языков оказывает прямое влияние на общие когнитивные функции человека, механизмы которого еще плохо изучены. Таким образом, целью данной работы является исследование характера взаимодействия языков в мозге билингвов, и механизмы выбора между известными билингву языками. Несмотря на наличие большого объема экспериментального материала по этой проблеме, данные остаются противоречивыми. Возможно, причиной разночтений является: степень владения языками, языковой контекст, частотность слов и общий уровень когнитивного контроля у билингвов.

Ключевые слова: язык; речь; билингвизм; мультилингвизм; когнитивный резерв

Abstract: The article gives definition of bilingualism as a widespread phenomenon in the modern world, as well as considers the problem of plastic changes in brain while mastering two or more languages. According to studies, acquisition and usage of several languages has a direct impact on cognitive functions of a person, the mechanisms of this process are poorly studied. Thus, the purpose of this work is to study the nature of language access in bilingual mind and define the mechanisms of interaction between known languages. Despite the existence of a large amount of experimental material on this problem, the results remain contradictory, the reasons can be: the degree of language proficiency, the language context, the frequency of words and the general level of cognitive control among bilinguals.

Key words: language; speech; bilingualism; multilingualism; cognitive reserve

Как известно человек — существо социальное, поэтому ему крайне важно контактировать с представителями все

большого количества культур из разных уголков планеты, а в большинстве случаев дети с рождения растут в поликультурной среде. В связи с этим увеличивается число билингвов и, так называемых, мультилингвов. Таким образом, **актуальность** данной работы обусловлена возрастающей распространенностью би- и мультилингвизма в обществе, однако изучение этого феномена не развернуто в достаточной мере. Практически отсутствует целостная картина того, как в голове билингвов умещаются и взаимодействуют друг с другом сразу несколько языков. Соответственно, **целью** данной работы является исследование характера взаимодействия языков в мозге билингвов, и каким образом происходит выбор между известными билингву языками.

Для достижения поставленной цели необходимо выполнить следующие **задачи**:

- 1) определить влияние билингвизма на развитие мозга;
- 2) определить доступ к лексике первого и второго (и последующих) языков, а так же механизмы обработки лексикона.

Введение

Овладение языком — это очень сложный процесс, который включает ряд когнитивных, поведенческих и социальных особенностей. Издревле ученые пытались понять, как человек овладевает языком, ведь человеческий язык уникален по сравнению с коммуникационными системами других биологических видов. Однако, несмотря на колоссальный технологический скачок и использование новейшего оборудования для наблюдения за процессом овладения языком — эта сфера когнитивной науки остается малоизученной. Существует несколько теорий происхождения языка. Самая известная — это нативистская теория, влиятельным защитником которой был лингвист Ноам Хомский (1968). Он предположил, что нервная система человека содержит психическую структуру, которая включает в себя врожденную концепцию человеческого языка. Н. Хомский назвал эту врожденную структуру устройством изучения языка или LAD (Language Acquisition Device) [1]. Нативисты утверждают, что определенные «универсальные свойства», общие для всех языков (например, подлежащее, глаголы, обстоятельства имеются во всех языках),

являются врожденными. Еще одно утверждение нативистской теории состоит в том, что набор врожденных «языковых гипотез» ребенок использует при выводе правил из языковых «данных», которые он слышит. Согласно данной теории считается, что нормальный ребенок биологически предрасположен к легкому изучению любого человеческого языка. Наконец, язык рассматривается как абстрактная система правил, которые не могут быть усвоены традиционными принципами обучения. Действительно, язык хорошо усваивается всеми нормальными детьми во многих различных культурах, причем относительно быстро. Сторонники нативистской теории отмечают, что информация, предоставляемая детям, настолько фрагментирована и неполна, что сама по себе информация окружающей среды не может объяснить удивительный феномен языка [2]. Дети получают лишь ограниченное количество примеров из огромного набора сложных структур, которые язык способен выразить. Это в свою очередь требует от них выходить за рамки примеров и выяснять закономерности. Да это трудно, но дети прекрасно справляются.

Так, дети любой культуры, помещенные в окружение другой культуры в достаточно раннем возрасте, без труда усваивают другой язык [3]. При необходимости общения между двумя или более этническими группами, говорящими на неродственных языках возникают упрощенные языковые средства коммуникации, т. е. пиджины. С другой стороны, в отдельных культурах одновременно сосуществуют две формы одного языка или два разных языка, применяемых в разных функциональных сферах (диглоссия) [4]. Таким образом, конкретный язык является, чисто культурным феноменом на основе биологического универсального языка.

Определение билингвизма

Сегодня широкую популярность приобретает термин «билингвизм», однако нет единого определения данного термина. Ниже будут представлены некоторые определения «билингвизма» или «двуязычия». Так, Х.Ф. Ханазаров в книге «Критерии двуязычия и его принципы» о двуязычии говорит следующее: «О наличии двуязычия мы можем говорить там, где люди владеют вторым языком в степени, доста-

точной для общения и обмена мыслями с носителями второго языка... важно не то, на каком языке мыслит человек, а то, может ли человек общаться и обмениваться мыслями с помощью второго языка» [5]. Л.В. Щерба дает следующее определение двуязычия: «Под двуязычием подразумевается способность тех или иных групп населения объясняться на двух языках. Так как язык является функцией социальных группировок, то быть двуязычным значит принадлежать одновременно к двум таким различным группировкам» [6]. Например, Е.М. Верещагин понимает билингвизм как процесс. «Двуязычие — это психический механизм, который позволяет человеку воспроизводить и порождать речевые произведения, последовательно принадлежащие двум языковым системам» [7]. Таким образом, все приведенные выше толкования понятия «билингвизм», помимо собственно лингвистической природы (наличие двух языковых систем в распоряжении индивида), подчеркивают социокультурную (Л.В. Щерба), психическую (Е.М. Верещагин) и психолингвистическую направленность (Х.Ф. Ханазаров).

В современном мире существует ошибочное мнение, что большая часть людей на планете являются монолингвами, на самом деле для человека характерно знание двух и более языков, что подтверждается данными исследования. Так, по данным Еврокомиссии [8], большинство европейцев (54 %) способны поддерживать разговор, по крайней мере на одном языке помимо родного, а четверть европейцев (25 %) способны говорить на двух дополнительных языках, а один из десяти (10 %) владеет тремя дополнительными языками. В России данные переписи населения 2010 г. дают суммарное значение владеющих двумя языками в 28,9 млн человек. В десятку самых распространенных языков входят английский, татарский, немецкий, чеченский, башкирский, украинский, чувашский, аварский, армянский и французский.

В последние годы возрастает интерес к тому, как процесс изучения и использования более одного языка влияет на мозг. Ряд исследований доказывает, что у взрослых, которые владеют двумя или несколькими языками, это приводит к увеличению количества серого вещества головного мозга и улучшает связь между отдельными нейронами при помощи

аксонов — белого вещества. Другими словами, изучение языка находится на одном уровне с другими сложными навыками, такими как мышление и письмо, которые приводят к значительным структурным изменениям головного мозга. В самом деле, показано, что у билингвов старческое слабоумие наступает в среднем на 4 года позже, чем у их моновязычных сверстников. Впервые это наблюдение было сделано путем сравнения историй болезни 93 двуязычных и 91 моновязычного пациента со старческим слабоумием (в основном с симптомом Альцгеймера) в больнице г. Торонто, Канада [9]. Между двумя группами пациентов не было обнаружено отличий в уровне образования и социального статуса, поэтому более позднее начало болезни у двуязычной группы, скорее всего, объясняется формированием в их мозге так называемого «когнитивного резерва». Под когнитивным резервом понимают способность человека переносить прогрессирующую патологию головного мозга, не демонстрируя клинические когнитивные симптомы [10]. Таким образом, при одинаковой степени органической деградации билингвы демонстрируют меньшую степень поведенческих нарушений, характерных для деменции.

Взаимодействие языков в мозге билингва

Логично представить, что в билингвальном мозге сосуществуют две независимо представленные языковые системы, доступ к которым происходит в зависимости от ситуации. Например, англо-французскому билингву, заказывающему кофе в парижском кафе, не составит труда сформулировать этот же запрос на английском языке, а китайско-английскому студенту, изучающему психологию в Бостоне не нужно усваивать материал через китайский язык. Однако исследования показывают, что билингвальный мозг организован совсем другим образом. Билингвы демонстрируют постоянное взаимодействие между двумя языками, даже если в определенной ситуации используют один язык [11]. В подтверждении данной теории были проведены психолингвистические исследования, в которых были даны такие задания как поиск межъязыковых соответствий (когда слово одного языка способствует поиску семантически схожего слова в другом языке) и принятие лексических решений (участникам необходимо было

определить, является ли последовательность букв словом в одном из языков) [12]. Результаты данного исследования показывают, что на понимание и воспроизведение речи влияет не используемый в данный момент язык. Таким образом, в мозге билингва происходит конкуренция языков за доступ к речевой функции. Сегодня до конца еще не выяснено, на каком лингвистическом уровне происходит эта конкуренция: фонологическом, лексическом, синтаксическом или речевом. В частности, идет активная дискуссия по поводу того, обладают ли билингвы селективным доступом к лексике одного из языков или все известные им слова всех известных языков в мозге одного человека образуют один общий лексикон, тогда мы говорим о неселективном лексическом доступе. В теоретических и экспериментальных работах защищается и обосновывается теория о параллельности и неизбирательности лексического доступа билингвов, так называемая модель Интерактивной Двуязычной Активации с Плюсом (Bilingual Interactive Activation Plus, BIA+) [13, 14]. Основная идея авторов данной модели заключается в том, что лексиконы двух языков хранятся внутри единой сети, а доступ к ним происходит параллельно и неизбирательно. Это значит, что когда билингву предъявляется последовательность букв или звуков, у него активируется сразу несколько слов — кандидатов независимо от их языковой принадлежности. Активация кандидатов определяется их поверхностным сходством со стимулом и частотностью употребления. Затем система выбирает одну из лексических единиц, подавляя все остальные. В экспериментах, ориентированных на проверку данной модели часто используются **когнаты**, **омофоны** и **омографы**. В лингвистике под **когнатами** понимаются однокоренные слова, имеющие общее происхождение и значение в двух и более самостоятельных языках. **Омофоны** — это слова, имеющие одинаковое звучание, но разное значение. **Омографы** — слова, которые совпадают в написании, но различаются в произношении и значении слова. Так, в русском и английском языках слова «МОЛОКО» и «MILK» является когнатами, слова «СПИЧКИ» и «SPEAR» (копье) являются частичными омофонами, а слова «POT» и «POT» (англ. горшок) являются омографами. Существует большой массив экспериментальных данных, подтвержда-

ющих избирательный лексический доступ у билингвов. Так, В. Мэриан и М. Спайви [15] тестировали русско-английских билингвов и англоязычных монолингвов в задаче «зрения реального мира» с отслеживанием движений глаз. Они заметили, что, когда русско-английских билингвов просили выбрать определенный объект из массива, они совершали движения глазами в сторону других объектов с фонологически похожими метками. Критически важно, что взгляд билингвов задерживался как на внутриязыковых, так и на межъязыковых конкурентах, так что инструкция поднять “маркер” на английском вызывала движения глаз в сторону штампа (“марка” на русском). Это демонстрирует, что билингвы могут рассматривать лексические кандидаты из обоих языков во время понимания речи. В другой работе Г. Тьерри и Я. Ву [16] тестировались китайско-английские билингвы и английские монолингвы. Им были представлены пары английских слов с инструкцией выявить пары со схожим значением (семантическое праймирование). Сложность состояла в том, что часть пар содержала один общий китайский иероглиф. При анализе данных ЭЭГ было замечено снижение амплитуды вызванных потенциалов (ERP) N400 (отражает уровень семантической схожести, если слова имеют схожее значение, то амплитуда N400 меньше). Подобного изменения амплитуды вызванных потенциалов не наблюдалось у английских монолингвов, что говорит об автоматической активации представления слова на родном языке при предъявлении его на втором языке у билингвов. Еще одно показательное исследование было проведено на испано-английских билингвах с использованием межъязыковых омографов также с регистрацией ЭЭГ [17]. Испытуемым были представлены пары английских слов с задачей оценить семантическую связь между двумя словами. Помимо пар со сходством английских значений слов, были представлены пары слов, где второе слово было межъязыковым омографом, и его испанское, а не английское значение подходило по смыслу к первому слову. Например, слово “PIE” по-английски означает “пирог” по-испански — это нога.) Результаты эксперимента показали, что билингвы медленнее реагировали на пары, включающие омографы (например, *pie-toe*), чем на пары без омографов. Эти результаты сви-

детельствуют о том, что испанское (нецелевое) значение омографов активируется изначально и впоследствии подавляется. Это наблюдение подтверждает гипотезу BIA+ о неселективной активации слов первого и второго языков в мозге билингва. Однако существуют исследования, подтверждающие выборочный доступ к языку у билингвов. Считается, что двуязычные люди сначала принимают решение о языке слова, а затем активируют соответствующую лексику на выбранном языке. Так, в исследовании Дж. Макнамары, С. Л. Кушнира, [18] было обнаружено, что двуязычные люди могут понимать отрывки, написанные на одном языке, быстрее, чем отрывки, состоящие из слов на двух языках. Исследователи связывают результат данного эксперимента с так называемым произвольным переключением, которое происходит, когда билингвы сталкиваются с отрывками на двух языках. То есть, когда процедуры понимания текста на одном языке терпят неудачу из-за изменения контекста языка, механизм переключения автоматически направляет ввод в другую языковую систему. Таким образом, билингвы медленнее читают отрывки на двух языках, чем на одном, потому что им приходится тратить время на переключение языков. Л. Джерард и Д. Скарборо [19] провели исследование на распознавание слов с англоязычными монолингвами и испано-английскими билингвами. Всем участниками были представлены слова, которые были когнатами, межъязыковыми омографами или не родственными (контрольные). Родственные и контрольные слова были либо высокочастотными, либо низкочастотными как в английском, так и в испанском языках. Результаты показали, что не было существенной разницы во времени реакции между билингвами и монолингвами, что позволяет предположить, что лексический доступ для билингвов в этом исследовании был ограничен только одним языком. Еще одно исследование было проведено с испано-английскими билингвами и английскими монолингвами с регистрацией движения глаз. Так, Л. Ховерстен и М. Трекслер [20] представили испытуемым английские предложения, в которых содержались англо-испанские омографы. Омографы подходили по смыслу либо в английском, либо в испанском значении, в последнем случае создавая семантическое несоответствие в английском предло-

жении. По движениям глаз измерялись время, затраченное на обработку информации. Время фиксации в предложениях, содержащих не подходящее по смыслу английское слово было больше у монолингвов как на сам омограф, так и на слово за ним, в то время как у билингвов такой разницы не обнаруживалось. Авторы делают вывод, что билингвы в этом эксперименте не испытывали влияния своего родного языка при прочтении омографов в составе английских предложений. Вместе с монолингвами они испытывали замешательство при обнаружении несоответствия английского значения омографа при прочтении следующего за ним слова. Однако билингвы быстрее монолингвов преодолевали это замешательство и переходили к дальнейшему чтению, возможно, путем вспоминания неизвестного монолингвам испанского значения омографа, это свидетельствует об избирательности выбора языка билингвами в условиях, когда контекст предполагает использование только одного из языков.

Выводы

Таким образом, несмотря на широкое распространение билингвизма в современном мире и наличие большого объема экспериментального материала по данной проблеме, сегодня невозможно с точностью ответить на вопросы: как влияет билингвизм на развитие мозга и каким образом происходит доступ к лексике первого и второго (и последующих) языков [21].

Несколько значимых факторов могут оказывать влияние на этот процесс, например, степень владения языками, языковой контекст, частотность слов и общий уровень когнитивного контроля у билингвов. В этой области предстоит множество интересных открытий, особенно при использовании современных методов картирования мозга, таких как ЭЭГ и фМРТ и усовершенствованных методик измерения поведения, включая высокоточное отслеживание движений глаз. Однако, по словам Т.В. Черниговской (советский и российский учёный в области нейронауки и психолингвистики, а также теории сознания, профессор СПбГУ) даже при наличии самой современной и мощной техники мы не сможем найти ответы на данные вопросы, по её мнению «должен родиться гений, который нам все расскажет».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Chomsky, Noam. Language and Mind. 1968. 88 p.
2. Maratsos, M. Innateness and plasticity in language acquisition; in M Rice & R Schiefelbusch (eds). 1989.
3. Kuhl P.K. Brain Mechanisms in Early Language Acquisition// Neuron. 2010. Vol. 67. № 5. P. 713—27
4. В.А. Виноградов [текст] Большая российская энциклопедия [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://bigenc.ru/linguistics/text/4095590?ysclid=l91ekpryvu119687430> (Дата обращения 22.09.22)
5. Ханазаров К.Х. Критерии двуязычия и его принципы//Проблемы двуязычия и многоязычия. М.: Наука, 1972. С. 119—124.
6. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 313—318
7. Верецагин Е.М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). М., 2009. 336 с.
8. Europeans and their Languages [Электронный ресурс]: Report/ European Commission. Brussel: European Commission, 2012. 147 p. (Special Eurobarometer 386).
9. Bialystok E., Craik F.I.M., Freedman M. Bilingualism as a protection against the onset of symptoms of dementia//Neuropsychologia. 2007. Vol. 45. № 2. P. 459—464.
10. Yaakov Stern. What is cognitive reserve? Theory and research application of the reserve concept. Journal of the International Neuropsychological Society (2002), 8, P.448—460
11. Bialystok E., Craik F.I.M., Luk G. Bilingualism: Consequences for mind and brain//Trends in cognitive sciences. 2012. Vol. 16. № 4. P. 240—250.
12. Colomé A. Lexical activation in bilinguals' speech production: language-specific or language-independent? J. Mem. Lang. 2001. P.721—736
13. Dijkstra T., van Heuven W.J.B. The architecture of the bilingual word recognition system: From identification to decision//Bilingualism: Language and Cognition. 2002. Vol. 5. № 3. P. 175—197.
14. Dijkstra T., van Heuven W.J.B. The BIA model and bilingual word recognition [Электронный ресурс]//Localist connectionist approaches to human cognition/Eds. J. Grainger, A.M. Jacobs. Mahwah, New Jersey: Psychology Press, 1998. P. 189—225.
15. Marian V, Spivey M. Bilingual and monolingual processing of competing lexical items//Appl Psycholinguist. 2003. Vol. 24. № 2. P. 173—193
16. Thierry G., Wu Y.J. Brain potentials reveal unconscious translation during foreign-language comprehension//Proceedings of the National Academy of Sciences. 2007. Vol. 104. № 30. P. 12530—12535
17. Hoshino N., Thierry G. Do Spanish-English Bilinguals have Their Fingers in Two Pies — or is It Their Toes? An Electrophysiological Investigation of Semantic Access in Bilinguals//Frontiers in psychology. 2012. Vol. 3. P. 52—57.

18. Макнамара Дж., Кушнир, С. Л. (1971). Языковая независимость двуязычных: Переключатель ввода. Журнал вербального обучения и вербального поведения, 10 (5), С. 480—487

19. Gerard L. D., Scarborough D. L. (1989). Лексический доступ двуязычных к омографам, зависящий от языка. Журнал экспериментальной психологии: обучение, память и познание, 15 (2), С. 305

20. Hoversten L. J., Traxler M. J. A time course analysis of interlingual homograph processing: Evidence from eye movements//Bilingualism: Language and Cognition. 2015. Vol. 19. № 2. P. 347—360

21. Денисенко Е. Н. Развитие русской речи двуязычных учащихся начальных классов современной школы Украины в процессе обучения чтению. Дисс. ... к. пед. наук. Москва. 2004. 173 с.

Синицын А. Ю.
Sinitsyn A.Yu.

О ЧЕМ ПОЕТ «ФИРМА»?

WHAT DOES TOP OF THE POPS SING ABOUT?

Аннотация: Статья посвящена общим темам в англоязычной песенной лирике, проанализированы некоторые лингвистические особенности песенного языка и его восприятия слушателями и приведены примеры известных текстов наиболее популярных композиций.

Ключевые слова: тексты песен, топонимы, Николай Ламм, мондегрин

Abstract: The article dwells upon common topics in English song lyrics which goes with the analysis of some linguistic peculiarities of the song lexia and its perception by the audience. Lyrics of the first division music groups has been provided.

Key words: song lyrics, toponyms, Nikolay Lamm, mondegrin

Представим на минуту, что все, что окружает человека в повседневной жизни, все вывески, указатели, названия газет, книг, все вокруг оказалось написано латиницей. Со временем все слова начинают приобретать для этого человека смысловые значения и лексические понятия, переставая быть абстрактными именами собственными, такими, например, как Dodge, Pedigree или Swift. Жизнь наполнится новым качеством распознавания слов. То же самое касается и восприятия на слух текстов песен, когда сленговый американский реп можно понимать, по крайней мере, на уровне слов так же

легко, как и песни Юрия Антонова и Би-2. Конечно, существуют тексты песен, смысл которых не ясен не только на слух, но и при прочтении их текстов, но это уже особые случаи, которые не войдут в рассмотрение данной статьи.

Все песни, которые исполнялись на иностранном, преимущественно на английском языке, отечественные музыканты называли «фирмой», причем с ударением на последний слог. Это был своего рода музыкальный профессиональный жаргон. До всепоглощающего вхождения интернета в нашу жизнь для обычных советских, а позже и российских граждан было затруднительно доставать, читать и переводить песенную лирику западных музыкантов. Тесты печатались на вкладышах к фирменным дискам и кассетам или позже — в буклетах к компакт дискам. Эти вкладыши и буклеты не поступали в широкую розничную продажу, поэтому доступ к ним был либо у тех, чья работа была связана с зарубежными командировками, либо у фарцовщиков, продававших «фирменный товар» на черном рынке. Поэтому музыканты, игравшие зарубежные композиции, были вынуждены подбирать гармонии и слова песен на слух [1]. Разумеется, чаще всего такие «подобранные на слух» тексты не имели ничего общего с оригиналами.

Люди всегда поют о том, что их заботит, в песнях отражаются человеческие радости, тяготы и потребности. Если наложить три наиболее общие темы песен на пирамиду потребностей Абрахама Маслоу, то получится три основных направления, часто пересекающиеся друг с другом: любовь как выражение принятия и самореализации, деньги как символ принадлежности и безопасности и дом как олицетворение базовых потребностей.

Первым направлением песенных текстов следует считать «песни о любви», представляющие наивысшую ступень человеческих потребностей — самореализацию. Песни о любви могут быть веселыми и печальными, как и сама жизнь, поскольку любовь может быть разделенной и безответной. Но даже безответная любовь дает поэтам силу написать глубокие слова и положить их на музыку. В поэтической балладе “Say You Won’t Let Go”, исполненной Джеймсом Артуром (James Arthur) в 2016 году лирический герой вспоминает о встрече с самым

важным человеком в своей жизни и любви к ней с первого взгляда.

*I knew I loved you then, but you'd never know
'Cause I played it cool
When I was scared of letting go
I knew I needed you, but I never showed
But I wanna stay with you
Until we're grey and old
Just say you won't let go; just say you won't let go*

Романтическая композиция 1999 года в исполнении популярного австралийского дуэта Savage Garden называлась "I Knew I Loved You" рассказывает о «магнетической связи» и обретении одновременно лучшего друга и вечной любви. Дуэт повествует о нахождении недостающего элемента в паззле жизни.

*I knew I loved you before I met you
I think I dreamed you into life
I knew I loved you before I met you
I have been waiting all my life
I am complete now that I found you.*

Никогда нельзя угадать заранее, кого можно встретить на сельском аукционе, поет Джон Майкл Монтгомери (John Michael Montgomery) в своей кантри песне 1995 года "Sold (The Grundy County Auction Incident)". В ней он рассказывает о деревенском парне, который нашел свою любовь в неожиданном месте, на аукционе в Grundy County. Это действительно существующий аукцион на пересечении трёх штатов Иллинойс, Теннесси и Миссури.

*Man I gotta have her, she's a one of a kind
I'm goin' once, goin' twice
I'm sold to the lady in the second row
She's an eight, she's a nine, she's a ten I know
She's got ruby red lips, blond hair, blue eyes
And I'm about to bid my heart good-bye.*

Популярная песня "Just Walk Away" была исполнена Селин Дион (Céline Dion) в 1995 году. В песне говорится о несчастной любви женщины, от которой ушел ее любимый. Не каждая история имеет счастливый конец.

Популярная кантри баллада 1999 года "You Had Me from Hello" была спета Кенни Чеснеем (Kenny Chesney), в которой рассказчик обернулся и встретился взглядом со своей любовью, которая обрушила все линии его обороны. Название песни представляет собой известную цитату из фильма режиссера Джерри Магвайера (Jerry Maguire) 1996 года "You had me at hello."

*Well, you had me from "hello"
I felt love start to grow
The moment that I looked into your eyes you won me
It was over from the start; you completely stole my heart
And now you won't let go
I never even had a chance you know
Well, you had me from "hello."*

Среди других популярных композиций на тему любви следует назвать "Can't Help Falling in Love" Элвиса Пресли (Elvis Presley, 1961), "Love at First Sight" Кайли Миноуг (Kyle Minogue, 2002) и "Baby, Be My Love Song" Истона Корбина (Easton Corbin, 2015).

Вторым направлением, отражающим потребность в общественной принадлежности, являются «песни о деньгах». В западном мире роль денег традиционно высока, и материальный недостаток тесно связан с концепцией Бога, который одаривает праведников богатством за их повседневный и упорный труд. Песни о деньгах в западном мире отражают стабильность внешнего мира, воздаяние за трудолюбие и, как следствие, повышающуюся общественную значимость члена сообщества.

Кантри хит "9-to-5" из 80-х в исполнении Долли Партон повествует о быстротечной, приносящей мало радости жизни, проходящей на работе по 40-часовой рабочей неделе. В песне поется, что в таком ритме жизни нет места продвижению, признанию или финансовому успеху.

*Workin' 9 to 5, what a way to make a livin'
Barely gettin' by, it's all takin' and no givin'
They just use your mind and they never give you credit
It's enough to drive you crazy if you let it.*

Еще одним хитом кантри музыки 1993 года стала песня Джина Андерсона (John Anderson) "Money in the Bank". Певец рассказывает о том, что у нет больших денег, но он считает се-

бя богачом, поскольку у него есть девушка его мечты, которую он не променяет на все богатства мира.

Right at the top, that's where you rank;

Honey, your love's better than money in the bank.

О роли денег спела и Линда Ронстад (Linda Ronstadt) в своем хите 1974 года “Silver Threads and Golden Needles”:

Silver Threads and Golden Needles

Cannot mend this heart of mine

And I dare not drown my sorrow

In the warm glow of your wine

You can't buy my love with money

Cause I never was that kind

Песни о деньгах с одноименным названием “Money” исполнялись David Guetta, Red Cafe ft. Fabolous & Diddy, песня “Money, Money” прозвучала в фильме Кабапе Liza Minelli & Joel Grey (1973 г.), к ним присоединилась целая плеяда других исполнителей «первого дивизиона» западной эстрады 60—70-х годов, среди которых были Elvis Presley, Pink Floyd, ABBA, The Beatles, Bay City Rollers. Из более современных исполнителей можно назвать Dire Straits “Money for Nothing” (1985), AC/DC “Money talks” (1990), Keith Urban “You’re Not My God” (2002), Bruno Mars “Money Make Her Smile” (2012) и знаменитый британец Ed Sheeran “I Don’t Want Your Money” (2019) [7].

Третье направление, отражающее базовые потребности человека в пище, крове и безопасности можно условно обозначить как «песни о доме». Это могут быть песни о стране, баллады о ее людях, об их повседневной жизни, о местах, где побывал лирический герой песни. В таких произведениях упоминается большое количество географических названий, это песни о дорогах, ведущих к дому и от дома, и о событиях, случающихся в пути. Ведущим музыкальным жанром этого направления можно считать американскую кантри музыку. В лирике этого направления часто используется большое количество топонимов. Примером этого может послужить песня Джорджа Сорогуда (George Thorogood And the Destroyers) “Wanted Man”:

Wanted man in California

Wanted man in Ohio

Wanted man in Kansas City

Wanted man in Buffalo

Много «географизмов» спел и Литтл Ричард (Little Richard) в своей песне “Sweet Little Sixteen”:

They're really rocking in Boston

In Pittsburgh, Pa.

Deep in the heart of Texas

And round the Frisco Bay

All over St. Louis

And down in New Orleans

All the cats wanna dance with

Sweet Little Sixteen

Им вторит и Джордж Стрейт (George Strait) в популярном кантри хите “All My Ex’s Live in Texas”:

Rosanna's down in Texarkana, wanted me to push her broom,

And sweet Ilene's in Abilene, she forgot I hung the moon,

And Allison in Galveston somehow, she lost her sanity,

And Dimples who now lives in Temples, got the law looking for me.

Отражением трех основных направлений тем песенной лирики послужило исследование Николая Ламма. Американский художник Николай Ламм исследовал тексты популярных песен хит-парада Billboard за более чем полувековой период — с 1960 по 2013 год. Н. Ламм пришёл к выводу, что о наркотиках в последние годы поют больше, чем о любви. Если слово Love встречалось в хитах шестидесятых, семидесятых, восьмидесятых и девяностых примерно в равном количестве, то начиная с середины девяностых, тема любви стала значительно меньше занимать умы и души сотрудников музыкальной индустрии. Ламм сделал вывод, что о сексуальных отношениях песни пишут гораздо чаще, а свобода изложения песенного материала и более раскрепощённые отношения между полами современного общества проявляются намного ярче, чем это было в 60-х — 80-х годах. Песни с признанием в любви можно сосчитать по пальцам, а слово «счастливый» практически перестало использоваться современными авторами, которые часто являются и исполнителями собственных песен. Согласно выводам Ламма есть слова, которые остаются часто употребляемыми в течение многих десятилетий. Например, слово baby встречается с завидным постоянством как в 1960 году, так и в 2013. О деньгах артисты также поют не пер-

вый год. Кроме того, одним из наиболее популярных остается слово «дом», хотя чаще всего оно использовалось в 1990 [2].

Но имеет смысл говорить не только о влиянии иностранной поп, рок и рэп культуры на русскоязычную аудиторию. Это улица с двусторонним движением. В 1997 году по всем музыкальным каналам передавали клип американского рэпера Уоррена Джи, который назывался «Князь Игорь». Клип неизменно приковал к себе внимание русскоговорящих слушателей, и это происходило не без причины: в песни пели по-русски! Припевом в композиции прозвучала Ария восточных невольниц из оперы русского композитора А. П. Бородина «Князь Игорь», премьера которой состоялась 23 октября 1890 года в петербургском Мариинском театре [5]. Припев композиции исполняет норвежская оперная певица Сиссель, которая поёт первые четыре строчки арии: «Улетай на крыльях ветра//Ты в край родной, родная песня наша,//Туда, где мы тебя свободно пели,//Где было так привольно нам с тобою». Клип способствовал популяризации арии, которую позже записали несколько российских и зарубежных исполнительниц. Сама же реп-композиция посвящена разобщённости чернокожих Америки. Видимо, рэпер Уоррен Джи воспринимает себя в роли князя Игоря в своих призывах держаться вместе и быть твёрже.

Еще одна композиция обратилась к русской классике и превратила песню в хит. Робби Уильямс в своей песне «Гуляй как русский» (“Party Like a Russian”) показал, как выглядит со стороны обширная и состоятельная русская диаспора, проживающая за рубежом [3]. В клипе отражены представления британцев о русских: сочетание простоты и роскоши, мундиры и военная суровость, балет, непривычный образ жизни, прекрасные выпускницы и роскошные празднества. Робби Уильямс в припеве и во время исполнения несколько раз выкрикивает слово: «Спасибо!», будто общается с русскоязычным зрительным залом.

Французская эстрадная поп-дива Милен Фармер известна своими эксцентричными клипами, больше похожими на короткометражное арт-хаус кино, в конце 80-х годов исполнила песню и снялась в клипе “Tristana”, отличительной особенностью которого является то, что клип полностью снят на рус-

ском языке. В клипе прослеживается тема революции 1917 года и Распутина. Партнером в исполнении роли в клипе выступил этнический украинец Ивченко, на русском разговаривающий свободно. Реплики других персонажей звучат с сильным акцентом, который иногда препятствует пониманию содержания. Сюжет песни основан на сказке о Белоснежке [3].

Говоря о сложности восприятия песенных текстов нельзя пройти мимо явления мондегрин. Mondegreen — это неологизм, который придумала американская писательница Сильвия Райт [4]. Когда-то в ее далеком детстве в стихотворении Перси Шелли «Реликвии» ей слышалось:

*«Ye Highlands and ye Lowlands,
Oh, where hae ye been?
They hae slain the Earl O’ Moray, (он убил графа ОМорэя)
And Lady Mondegreen. (и Леди Мондегрин)»*

В действительности последняя строчка этого стихотворения читается так:

«And laid him on the green» — «Положил его на траву». Позже Сильвия предложила все подобные ослышки называть единым словом «мондегрин».

Мондегрин, или проще говоря, ослышка — это переосмысление неверно услышанных слов. Чаще всего ослышки встречаются в восприятии людей, у которых жизненный опыт и словарный запас невелики, а некоторые грамматические конструкции не усвоены. Чаще всего ослышки случаются в восприятии детей.

Самое простое объяснение ослышкам заключается в том, что сложно правильно услышать слова из-за шума и отсутствия визуального контакта с источником звука, например, слушая радио или разговаривая по телефону. Слова песни слышать в принципе тяжелее, чем обычную речь, потому что нам приходится отделять текст от музыки. Чаще всего в это время мы не видим лицо певца, артикуляция которого может послужить подсказкой в восприятии текста песни. Трудности в восприятии также вызывают непривычные акценты или структура речи. Например, в стихотворениях построение фразы отличается от прозы, а логические ударения могут смещаться. Возникает неопределённость в понимании смысла, которую наш мозг пытается заполнить своим вариантом слов.

Существует множество примеров мондегринов из песен. Кто не заменял строчку из песни группы Boney M “What about it Daddy Cool” на «Варвара жарит кур»? Мы с удовольствием пели «Шизгара» вместо “... She’s got it” из песни “Venus” в исполнении рок-группы “Shocking Blue”.

Ослышка в песне Криса Нормана и Сюзи Куатро “Stumblin’ in” превратилась в песню про 100 балерин. Iggy Pop пел: «In the death car...», а слушателям слышалось слово «дэфка», спетое с восточным акцентом. Следует упомянуть еще и о таких исполнителях как Рамштайн: «Духаст мышь...», на дискотеках все пели вместе с Ace of Base, но вместо “All that she wants” пропевалось: «Овощевоз». К курьёзам также относятся песня Smokie «Водку найду», в оригинале “What Can I Do” и шедевр Modern Talking: Йумахо, йумасо (“You My Heart, You My Soul”).

В интернете давно широко распространены видеоролики, называемые «Караоке по-русски». В них иностранные песни как бы «транслитерированы» на русский лад. Можно легко поднять настроение себе и окружающим, используя такие русские титры, в которых несравненный «Вояж-вояж» исполнительницы *Desireless* превратился в:

*Муть, усы и клей в альбом
Глист не съел, суета, ты — диван
Вояж вояж, интерны лимон... [4].*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О чем поют в заморских песнях? <https://fishki.net/4170135-o-chem-rojut-v-zamorskih-pesnjah.html?ysclid=l56sesfzws668486909> © Fishki.net (дата обращения 16.08.2022)
2. Американский художник выяснил, о чем чаще всего поют в современных песнях <https://wek.ru/amerikanskij-xudozhnik-vyyasnil-o-chem-chashhe-vsego-rojut-v-sovremennyx-pesnyax> (дата обращения 6.09.2022)
3. 5 иностранных песен и клипов, эксплуатирующих русскую культуру <https://kulturologia.ru/blogs/301121/51844/> (дата обращения 20.08.2022)
4. «Скрипка-лиса» и другие мондегрины <https://moi-nahodki.livejournal.com/5869598.html?ysclid=l56tfjs7od220710252>
5. Синуцын А. Ю. Песенная лирика на занятиях по иностранному языку // Обучение иностранному языку: современность и перспективы. Сб. статей конференции. ЮЗГУ. 2019. С. 403—417.

6. Князь Игорь (опера) <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения 6.09.2022)

7. 91 Pop, Rock, and Country Songs About Money <https://spinditty.com/playlists/Pop-Rock-Country-Songs-About-Money> (дата обращения 6.09.2022)

8. 43 Songs About Love at First Sight <https://spinditty.com/playlists/Pop-Rock-and-Country-Songs-About-Love-at-First-Sight> (дата обращения 6.09.2022)

9. Миронова М. В. Терминосистема танца хип-хоп во французском языке. — Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2020. № 5. С. 43—57.

Степанова С. Ю.
Stepanova S.Yu.

ВАРИАНТЫ НОРМАТИВНОГО БРИТАНСКОГО ПРОИЗНОШЕНИЯ

VARIANTS OF BRITISH PRONUNCIATION NORM

Аннотация: В статье рассматриваются варианты произношения слов в рамках широко трактуемых норм литературного произношения британского варианта английского языка (Mainstream RP). На основе анализа словаря произношения Longman выделяются группы слов по принципу типичных альтернатив звуков в значимых словах, меняющейся акцентной структуры, необычной вариативности служебных слов и безударных слогов. Для сравнения приведены некоторые варианты, которые выходят за рамки норм RP. Составлен список географических названий, имеющих разные варианты произношения, что важно для преподавания курса по международным отношениям. Высокая вариативность произношения, признающегося нормативным, доказывает большую открытость RP к социолингвистическому разнообразию.

Ключевые слова: вариант; нормативное произношение; альтернатива звуков; акцентная структура; немая буква; разнообразие

Abstract: The article considers pronunciation variations of words, which exist within the broad norms of British literary pronunciation (Mainstream RP). The analysis of the Longman Pronunciation Dictionary results in listing groups of words whose variants have frequent or rare types of alternations of sounds, changes in their accentual structure; in outlining peculiar variability of form words and unstressed syllables. Some variants, which are not within the scope of RP, are pointed out for comparison. A list of geographical names with a number of pronunciation variants is also included, as it is relevant information for teaching international relations. The great variability within the bounds of RP reflects its growing openness to sociolinguistic diversity.

Key words: variant; pronunciation norm; alternation of sounds; accentual structure; silent letter; diversity

Цель статьи — выделить варианты произношения слов (предмет исследования), которые являются нормативными, субнормативными и не относящимися к норме в британском варианте английского языка, методом сплошного анализа словаря произношения Джона Уэллса.

Эта задача актуальна для преподавания современного английского языка с опорой на аутентичные звучащие материалы, которые используются на факультете английского языка Дипломатической академии МИД России.

Понятие нормы произношения (также как и языковой нормы) последнее время стало рассматриваться по-новому. Сейчас приобретает популярность мнение, что языковая норма/стандарт навязывается элитами. Общество и лингвисты (в том числе фонетисты) теперь более терпимы к языковым вариантам, которые ранее не относили к норме.

Нормирование (стандартизация) языка, в результате которого формируется литературный язык, расценивается как “прескриптивизм”, воспринимающийся теперь негативно. Пропагандирующих языковую норму обвиняют в снобизме. Норма литературного языка рассматривается как форма легитимации социального неравенства [1, с. 41].

Антинормативные настроения вызваны философией постмодернизма, в которой акцент делается на вариативности, а понятие нормы дискредитируется. В контексте лингвистики этот подход выражается в критике прескриптивизма сторонниками дескриптивизма. При этом “критика языковых норм и стандартов приобретает социально-политический характер”, так как навязывается обществу политическими и бизнес элитами для сохранения их доминирования [4, с. 47].

Тем не менее “стандартный” английский трактуется как вариант английского языка, уместный преимущественно в официальном дискурсе. Такой подход получил название “доктрины уместности” и лег в основу лингводидактической концепции британского школьного образования” [1, с. 44]. Этот стандарт неоднороден, поскольку включает в себя ряд кодифицированных норм.

К вариантам литературного английского языка в первую очередь относят национальные варианты, то есть существую-

щие в различных государствах: Великобритании, США, Канаде, Австралии, Новой Зеландии.

У национальных вариантов есть свои кодифицированные варианты произношения: региональные стандарты и общенациональные произносительные нормы, не привязанные к определенным территориям.

В британском варианте английского языка национальным стандартом произношения считается RP (Received Pronunciation), который на современном этапе развития становится все более вариативным. Это происходит, так как вследствие доминирующего дескриптивного подхода строгий консервативный стандарт нигде не навязывается и все более демократизируется.

Фонетисты описывают такой надтерриториальный вариант произношения, как Estuary English (эстуарный английский), который оказывает большое влияние на RP [2, с. 482]. Однако преподаватели фонетики английского языка не используют его при обучении иностранных студентов, так как бытует мнение, что он не может рассматриваться как национальный стандарт. Для этой цели применяется General (Mainstream) RP, который вобрал в себя некоторые черты эстуарного варианта произношения и продвинутого (advanced) RP, характерного для произношения молодых людей.

Предпочтительные варианты произношения наиболее употребимых слов, которые студенты, изучающие английский язык, часто искажают, выделены в результате анализа словаря произношения Longman [5] и включены в специальный список “Commonly Mispronounced Words” в пособии Survival Phonetics автором статьи [3, с. 26—32].

Но в наше время очевидна необходимость более гибко подходить к использованию произносительной нормы (или норм) в преподавании, поскольку в звучащих материалах, которые записаны носителями языка и часто в естественных ситуациях коммуникации, можно услышать всевозможные варианты произношения.

Проведенный нами анализ словаря произношения Джона Уэллса позволил выявить наиболее типичные допустимые варианты нормы британского варианта английского языка,

многие из которых уже описаны автором в предыдущей статье по этой теме [2].

К ним относятся следующие частотные типы вариантов произношения слов с альтернативой согласных и гласных звуков:

/s — z/: *Muslim*/'mʊzlim — 'mʊslim/. *insert*/'ɪn'sɜ: t — 'ɪn'zɜ: t/, HO *dismiss*/'dɪs'mɪs — 'dɪz-/; *dose*/'dɔ:s — 'dɔ:vz/

/ʃ — s/: *negotiate*/'nɪ'gəʊʃiət — 'gəʊs-/; *issue*/'ɪʃu: — 'ɪsju:/

/tj — tʃ/: *student*/'stju: dənt — 'stʃu: d-/; *mature*/'mæ'tʃʊə — 'tjʊə/, HO *longitude*/'lɒŋɡɪtju: d — 'tʃʊ: d/

/dj — dʒ/: *fraudulent*/'frɔ: dju: lənt — 'frɔ: dʒəl-/; HO *duty*/'dju: ti — 'dʒu: ti/

/ðz — θs/: *youths*/'ju: ðz — 'ju: θs/, HO *mouths*/'maʊðz — 'maʊθs/

/æ — ɑ:/: *exasperate*/'ɪɡ'zæspəreɪt — 'zɑ: sp-/; *Iran*/'ɪrɑ: n — 'ræn/, HO *class*/'klɑ: s — 'klæs/=France; *gather*/'gæðə — 'gɑ: ðə/, *path*/'pɑ: θ — 'spæθ/

/ɔ: — ɒ/: *assault*/'ə'sɔ: lt — 'ə'sɒlt/, *broth*/'brɒθ — 'brɔ: θ/, HO *oral*/'ɔ: rəl — 'sɒrəl/

/u: — ʊ/: *hoof*/'hu: f — 'hʊf/, HO *look*/'lʊk — 'lu: k/, *food*/'fu: d — 'fʊd/=root

/aɪ — ɪ/: *direct*/'daɪ'rekt — 'dɪ-/; *privacy*/'prɪvəsi — 'praɪ-/; HO *hypocrisy*/'hɪ'pɒkrəsi — 'ʃhaɪ-/; *simultaneous*/'sɪmə'lteɪniəs — 'səɪm-/

/i: — e/: *eco*/'i: kəʊ — 'ekəʊ/, *zebra*/'zebrə — 'zi: brə/

/u: — ju:/: *suit*/'su: t — 'sju: t (28 %)/; *lubricant*/'lu: brɪkənt — 'lju: /; HO *new*/'nju: — 'nu:/; *enumerate*/'ɪnju: məreɪt — 'nu: m-/; *student*/'stju: dənt — 'stu: d-/

/ɔ: — və/: *assure*/'ə'ʃɔ: — 'ə'ʃvə/, *poor*/'pɔ: — 'pʊə/, *your*/'jɔ: — 'jʊə/

/əʊ — ɒ/: *poll*/'pɒl — 'pɒl/, *project*/'prɒdʒekt — 'prəʊ-/; HO *involve*/'ɪn'vɒlv — 'ɪn'vəʊlv/, *toll*/'tɒl — 'tɒl/

К этому списку следует добавить следующие выявленные в данном исследовании альтернативы, несколько менее частотные, чем предыдущие:

/ʃ — sk/: *schedule*/'ʃedju: l — 'skedju: l/

/kʃ — gz/: *luxury*/'lʌkʃəri — 'lʌgz-/

/ks — gz/: *exit*/'eksɪt — 'egzɪt/, HO *exodus*/'eksədəs — 'egz-/

/t — tʃ/: *Christianity*/'krɪstɪ'ænɪti — 'krɪstʃ-/

/g — dʒ/: *hegemonic*/'hegə'mɒnɪk — 'hedʒ-/

¹ Значок § означает, что помеченный им частотный вариант не относится к RP, но не считается неправильным

/z — ts/: *tsar*/'za: — 'tsa:/

/ð — θ/: *loathsome*/'ləʊðsəm — 'ləʊθ-/

/dθ — tθ/: *breadth*/'bredθ — 'bredtθ/=width

/ʌ — ɒ/: *accomplish*/'ə'kʌmplɪʃ — 'ə'kɒmp-/; *monetary*/'mɒnɪtəri — 'mɒn-/; HO *novel*/'nɒvəl — 'nʌvəl/, *one/wan* — 'swɒn/

/ʊ — ʌ/: *bulwark*/'bʊlwək — 'bʌl-/; *buffet*/'bʊfeɪ — 'bʌf-/; HO *pulpit*/'pʊlpɪt — 'pʌlp-/

/e — eɪ/: *ate* (past of 'eat')/'et — 'eɪt/, *says/sez* — 'seɪz/

/eɪ — i:/: *credo*/'kreɪdɒ — 'kri: dɒv/, *deity*/'deɪti — 'di: əti/

/eɪ — ɑ:/: *data*/'deɪtə — 'da: tə/

/eɪ — aɪ/: *quasi*/'kweɪzɪ — 'kwa: -/

/æ — eɪ/: *patriot*/'pætriət — 'peɪtriət (21 %)/

/aɪ — i:/: *either*/'aɪðə — 'i: ðə/

/ɔ: — æ/: *falcon*/'fɔ: lkən — 'fælk-/; *mall* (ТИ)/'mɔ: l — 'mæl/

/ɜ: — ɔ:/: *courteous*/'kɜ: tiəs — 'kɔ: t-/

/ʌ-ɜ:/: *occurrence*/'ɒkʌrəns — 'ə'kɜ: r-/

/ʊə — ɜ:/: *jury*/'dʒʊəri — 'dʒɜ: ri/, *Kurd*/'kɜ: d — 'kʊəd/

/u: — av/: *route*/'ru: t — 'raʊt/

/ɔ: — av/: *trauma*/'trɔ: mə — 'traʊmə/

Следует отметить, что многие из этих вариантов произношения касаются заимствованных слов. Следующие альтернативы зафиксированы в словах французского и иного происхождения, которые еще слабо ассимилировались в английский язык:

/æ — ɒ/: *chandelier*/'ʃændə'liə — 'ʃɒn-/

/e — ɒ/: *envelope*/'envələʊp — 'ɒn-/; *enclave*/'en (ɪ)kleɪv — 'ɒŋ-/

/ɒ — ɑ:/: *genre*/'ʒɒnrə — 'zɑ: nrə/

/ɑ: — eɪ/: *charade*/'ʃə'ra: d — 'reɪd/

/aɪ — ɑ:/: *naïve*/'naɪ'i: v — 'na: -/

/i: — aɪ/: *geyser*/'gi: zə — 'gaɪzə/

Наибольшее количество вариантов имеют следующие французские заимствования, находящиеся в процессе ассимиляции:

debut —/'deɪbjʊ: /-u: /'debju: /; *détente* —/'deɪtənt/-ta: nt/'deɪtənt/-ta: nt/; *entrepreneur* —/'ɒntreprə'nɜ: /-pre-/nɜ: /; *espionage* —/'espiəna: ʒ/-na: dʒ/'espiə'na: ʒ/'espiənidʒ/; *fiancé* —/'fi'ɒnsei/-'a: ns-/vɜ: /; *garage* —/'gæra: ʒ/-a: dʒ/-idʒ/'gæ'ra: ʒ/-ra: dʒ/; *genre* —/'ʒɒnrə/'zɑ: n-/ʒɒ-/dʒɒn-/;

impasse —/æm'pa: s/ɪm-/vɪm-/-'pæs/'æmpa: s/; *rapprochement* —/ræ'prɒʃmɒ̃rə-/-'prəʊʃ-/mɒ̃ŋ/.

Очень частотны те случаи вариативности произношения слов, в которых происходит изменение акцентной структуры. Некоторые слова, с разными возможными схемами ударения, хорошо известны, другие — не воспринимались преподавателями как варианты британской нормы, хотя зафиксированы в словаре произношения Джона Уэллса как нормативные (с указанием их частотности). По-видимому, в ряде случаев смена места ударения действительно вызвана влиянием американской произносительной нормы.

Далее приводятся примеры слов с вариантами акцентной структуры, относящиеся к RP:

adult —/'ædʌlt — ə'dʌlt/; *ally* —/'ælaɪ — ə'laɪ/; *applicable* —/ə'plɪkəbl — 'æplɪkəbl/;

cacophony —/kə'kɒfəni — 'kæ-/; *café* —/'kæfeɪ — kə'feɪ/; *cigarette* —/sɪgə'ret — 'sɪgərət (15 %)/; *combat* (v) —/'kɒmbæt — kəm'bæt/; *contribute* —/kən'trɪbju:t — 'kɒntrɪbju:t (27 %)/; *controversy* —/'kɒntrəvz:si — kən'trɒvəsi (60 %)/; *complex* —/'kɒmpleks — kəm'pleks/; *decade* —/'dekeɪd — dɪ'keɪd/; *detail* —/'di: teɪl — dɪ'teɪl/; *employee* —/ɪm'plɔɪi: — ɛmplɔɪ'i:/; *expert* —/'ekspɜ: t — ek'spɜ: t/; *extraordinary* —/ɪk'strɔ: dənəri — 'ekstrə'ɔ: dənəri/; *finance* —/'faɪnæns — faɪ'næns (19 %)/; *hospitable* —/hɒ'spɪtəbl — 'hɒspɪt- (19 %)/; *incomparable* —/ɪn'kɒmpərəbl — ɪnkəm'pær- (40 %)/; *kilometre* —/'kɪlə mi: te — kɪ'lɒmɪtə (48 %)/; *overt* —/əv'vɜ: t — əv'vɜ: t/; *pariah* —/pə'raɪə — 'pəriə/; *pastel* —/'pæstəl — pæ'stel/; *primarily* —/praɪ'merɪli — 'praɪmərəli (49 %)/; *princess* —/prɪn'ses — 'prɪnses (40 %)/; *research* —/rɪ'sɜ: tʃ — 'ri: sɜ: tʃ (20 %)/; *theatre* —/'θiətə — θi'etə/; *voluntarily* —/vɒlən'terəli — 'vɒlɒntərəli (30 %)/.

Следующий тип вариативности произношения слов в RP касается исчезающих или появляющихся звуков, когда “немые” буквы начинают произноситься и, наоборот, произносимые в преобладающем варианте звуки пропадают в альтернативном. Это касается слов со следующими буквами:

“l”: *falcon*/'fɔ: (æ)lkən — 'fɔ: k-/; *salve*/sælv — sɑ: v/; *golf*/gɒlf — gɒf/. И наоборот, в вариантах некоторых слов появляется обычно нечитающийся звук/l/, помеченный значком §, который означает, что данный вариант частотен, но не признан

нормой RP. Например, *embalm*/ɪm'ba: m — §-ba: lm/; *folk*/fɒk — §fɒlk/, а также в словах *palm*, *psalm*, *Stockholm*.

“h”: *abhorrence*/əb'hɒrəns — ə'bɒr-/; *apartheid*/ə'pa: theɪ (aɪ)t — ə'pa: teɪ (aɪ)t/; *exhume*/eks'hju: m — ɪg'zju: m/; *forehead*/'fɔ: hed — 'fɒrɪd (35 %)/; *historic*/hɪ'stɒrɪk/ — *an historic*... —/ən ɪ'stɒrɪk/(9 %).

Но: *Bahrain*/'ba: 'reɪn — 'ba: x (h)'reɪn/; *vehicle*/'vi: ɪkl — §'vi: hɪkl/.

“t”: *often*/'ɒfən — ɒftən (27 %)/; *waltz*/wɔ: (v)ls — wɔ: (v)lts/; *fifth*/fɪfθ — fɪftθ/ — аналогично — *sixth*.

“d”: *sandwich*/'sænwɪdʒ — 'sænd-/; *handbag*/'hændbæg — 'hænbæg/; *Dneper*/'ni: pə — 'dni: pə/ — аналогично — *Dniester*.

“k”: *length*/lenθ — lenkθ (36 %)/; *schism*/'skɪzəm — 'sɪzəm (29 %)/.

“r”: *February*/'februəri — 'februəri/; *library*/'laɪbrəri — 'laɪbəri/.

“p”: *jumped*/dʒʌmpt — dʒʌmt (23 %).

“g”: *xero*/'ziərəʊ — 'gziərəʊ/;

“w”: *quarter*/'kwɔ: tə — 'kɔ: tə/; *Quebec*/kwɪ'bek — kə-/.

Служебные слова имеют, как известно, сильные и слабые формы, описанные в учебниках. Но в словаре Джона Уэллса зафиксированы и особые варианты их произношения, которые обычно не включают в курс фонетики, но которые часто можно слышать в речи британцев. Например, *don't* часто произносится как/də-/в *don't mind* и *don't know*=*dunno*/də'nəʊ/; *didn't* имеет форму/'dɪnt/, не являющуюся нормативной (!); *him*, *her* и производные могут произноситься без/h/; *myself* в небрежной речи произносят как/mi-/или/mə-/; *with* имеет нормативную форму/wɪð/и частотную не RP форму/ʃwɪθ/; *your* (s) имеет редуцированную форму/jə-/; которую не рекомендуют изучающим английский язык как иностранный.

Возможные альтернативы звуков в безударных слогах описаны в учебниках по фонетике, например, частотные варианты произношения суффиксов-*ful*/fəl — ful/, — *less*/-les — -lɪs/, — *sion*/-z (ʃ)ən — z (ʃ)n/и так далее. Проведенный нами анализ позволяет сделать вывод, что некоторые употребляемые носителями языка замены гласных в безударных слогах не являются нормой RP и помечены знаком §. В первую очередь это часто встречающаяся замена/ɪ/на/ə/в таких словах, как *basis*/'beɪsɪs — §-səs/, *digit*/'dɪdʒɪt — §-ət/, *fascist*/'fæʃɪst — §-əst/, *Dickens*/'dɪkɪnz — §-ənz/; и замена/i:/на/ə/: *diabetes*/daɪə'bi: ti: z — §-əs/; замена/ə/на/ɒ/: *discontent*/'dɪskən'tent — §-kɒn-/=*disconcert*. Неправильным (для

носителей языка) считается произношение /-ɪŋ/ как /ɪŋk/, помеченное значком! в словаре, и -ous/-əs/ как /-ɪəs/ (grievous).

Особое значение для студентов-международников имеет знание произношения топонимов, которые тоже имеют варианты нормы, далеко не всегда знакомые обучающимся. В результате анализа словаря произношения Longman были выделены следующие географические и иные названия, чье произношение отличается вариативностью:

Bahrain /ba: 'rein/; ba: x-/; ba: hə'rein/; *Baikal* /baɪ'kæl/-ka: l/; baɪka: l/; *Balkan* /bɔ: l'kæn/; bɔl'k-/; *Baltic* /bɔ: l'tɪk/; bɔl't-/; *Bucharest* /bu:kə'rest/; bju:k-/; bu:k-/; bu:kə'rest/; *Cannes* /kæn'kænz/; *Capri* /kə'pri:/; kə'pri:/; *Caribbean* /kærə'bi: ən/; kə'ribiən/; *Caucasian* /kɔ: 'keɪziən/; 'keɪz-/; *Celtic* /'keltɪk/ (язык) /'seltɪk/ (футбольная команда); *Colombia* /kə'lʊmbiə/; 'lʌm-/; *Dn (i)eper* /'ni: pəl/; dni: pəl/; *Dniester* /'ni: stə/; dni: stə/; *Dubai* /du: 'baɪ/; dju: /; dʒu:/; *Europe* /'juərəp/; 'jɔ: r-/; *France* /fra: ns/; s'fræns/; *Glasgow* /'glɑ: zgəv/; 'glæz-/; 'glɑ: s-/; 'glæs-/; 'glɑ: sk-/; *Greenwich* /'ɡrenɪʃ/; 'ɡrɪn-/; 'ɪdʒ/; *Helsinki* /hel'sɪŋki/; 'helsɪŋki/; *Herzegovina* /hɜ:tsə'gæʊvɪnə/; 'heɪts-/; 'gæʊ'vi:nə/; *Hiroshima* /hɪ'rɒʃɪmə/; hɪrə'ʃɪ:mə/; *Illinois* /ɪl'noɪ-/; 'nɔɪz/; *Majorca* /mə'jɔ: kə/; mə'ʃɔ: kə/; *Malaysia* /mə'leɪziə/; 'leɪzə/; *Maldives* /mə'ldi:v/; mɔl'dɪv/; 'ma:l-/; *Monaco* /'mɒnəkəv/; mə'nɑ:kəv/; *Montenegro* /mɒntɪ'ni: grəv/; 'neɪg-/; 'neg-/; *NASA* /'næsə/; 'nɑ: sə/; *Niger* /ni: 'zeɪ/; 'naɪdʒə/; *Panama* /'pænəmə/; 'pænə'mɑ:/; *Pisces* /'paɪsi: z/; 'pɪsk-/; *Qatar* /'kætɑ:/; 'gæt-/; 'kʌt-/; 'gʌt-/; 'gæ'tɑ:/; kæ-/; *Westminster* /'westmɪnstə/! (неправильно) /west'mɪnɪstə/.

В результате проведенного анализа были выделены варианты произношения широкоупотребимых слов, знание которых необходимо студентам-международникам. Эти варианты были сгруппированы по принципу типичных альтернатив согласных и гласных звуков в значимых словах, изменяющейся акцентной структуры слов, возникающих и исчезающих звуков, необычной вариативности служебных слов и безударных слогов. Также составлен список топонимов, отличающихся большим разнообразием вариантов.

Некоторые из выделенных вариантов хорошо знакомы изучающим английский язык (например, у слов *often*, *schedule*), но многие мало известны и редко упоминаются как допустимые или, наоборот, несоответствующие нормам RP (напри-

мер, допустимые варианты: *Kurd* /kɜ: d — kvəd/, *route* /ru: t — raut/, *schism* /skɪzəm — sɪzəm/, *Illinois* /ɪl'noɪ — 'nɔɪz/.

В дальнейшем планируется специальный анализ вариантов произношения слов, не относящихся к нормам RP, и “неправильных” форм, их сравнение с искажениями, типичными для изучающих английский язык как иностранный.

В целом, подтвержден тезис о динамическом развитии языка и растущей вариативности британской нормы произношения за счет большей терпимости к особенностям произношения разных социальных слоев.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Германова Н. Н. Языковое варьирование и норма в трудах британских социолингвистов. /Норма и вариативность в языке и речи.// Сборник научн. трудов. М., 2017. С. 40—59.
2. Степанова С. Ю. Вариативность орфоэпической нормы английского языка. // Ежегодная международная научно-практическая конференция “New World, New Language, New Thinking. М., 2019. С. 481—488.
3. Степанова С. Ю., Гришина Л. В. Survival Phonetics. /Пособие-справочник по фонетике английского языка. М.: Дипломатическая академия МИД России, 2015. 48 с.
4. Fairclough N. Language and Power. –2nd ed. NY., 2013. 240p.
5. Wells J. C. Longman Pronunciation Dictionary. Pearson Education Limited, 2000. 870p.

Сыркова И. А.
Syrkova I. A.

МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ РЕЧЕВОМУ ЭТИКЕТУ БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ. ЧЕШСКИЙ РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ В ЗЕРКАЛЕ РУССКОГО METHOD OF TEACHING SPEECH ETIQUETTE IN SISTER LANGUAGES. CZECH SPEECH ETIQUETTE AS REFLECTED IN RUSSIAN

Аннотация: Автор рассматривает проблемы, связанные с нормами речевого этикета в русском и чешском языках с точки зрения сопоставительного анализа двух близкородственных славянских языков. В статье объясняются при-

чины лексических, грамматических и стилистических ошибок, возникающих в результате межъязыковой интерференции и указываются пути и методы их предотвращения и устранения.

Ключевые слова: чешский язык; речевой этикет; речевая коммуникация; звательный падеж; комплимент; близкородственные славянские языки; межъязыковая интерференция; феминитив

Abstract. The author of the article considers problems related to the norms of speech etiquette from the point of view of comparative analysis of the two closely related Slavic languages. The article explains the causes of lexical, grammatical and stylistic errors resulting from interlanguage interfering and indicates the ways and methods of their prevention and elimination.

Key words: Czech language; linguistic politeness; speech communication; the vocative case; compliment; related Slavic languages; interlanguage interference; feminine

Речевой этикет представляет собой принятую в данной культуре совокупность требований к форме, содержанию, порядку, характеру и ситуативной уместности высказываний. Известный исследователь речевого этикета Н.И. Формановская отмечает, что под речевым этикетом понимаются регулирующие правила речевого поведения, система национально специфичных стереотипных, устойчивых формул общения, принятых и предписанных обществом для установления контакта собеседников, поддержания и прерывания контакта в избранной тональности [4]. К речевому этикету, в частности, относятся слова и выражения, употребляемые людьми для просьбы, извинения, прощания, принятые в различных ситуациях формы обращения, интонационные особенности, характеризующие вежливую речь и т. д.

Цель данного исследования:

- предупредить типичные ошибки при использовании норм речевого этикета,
- определить пути формирования у учащихся устойчивых навыков употребления определенных клише и адекватного использования тех или иных оборотов.

Для достижения этой цели ставятся следующие задачи:

- провести анализ лингводидактических методов и приемов при обучении будущих дипломатов нормам речевого этикета на уроках чешского языка,
- выявить различия между близкородственными славянскими языками, связанные с проблемой интерференции,

- разработать систему упражнений, позволяющую в короткие сроки и с максимальной интенсивностью сформировать у учащихся устойчивые речевые умения и навыки.

Изучение речевого этикета занимает особое положение на стыке лингвистики, теории и истории культуры, этнографии, страноведения, психологии и других гуманитарных дисциплин. Нами довольно жестко устанавливается объем необходимого минимума словарного и вообще языкового материала, которым должен овладеть обучаемый для полноценного участия его как личности в процессе общения. Этот минимум, кроме словарного и грамматического материала языка, предполагает овладение целым рядом основных экстралингвистических средств данного языка.

С похожими проблемами в обучении речевому этикету сталкиваются преподаватели всех славянских языков в ДАМИД РФ [4, 319—321]. В процессе преподавания чешского языка мы неоднократно возвращаемся к изучению и закреплению норм речевого этикета на различных этапах обучения.

На начальном этапе обучения проблемам преподавания норм речевого этикета в учебниках чешского языка «Чешский с нуля» [7, с. 124—141] и «Чешский язык от А до Ž» [6, с. 168—195] посвящены соответствующие разделы (уровень А1), где в систематизированном виде представлены соответствующие реплики с их переводом на русский язык.

Zdravíme

Jak se máte? — Как поживаете?	Děkuji, výborně. A vy? — Спасибо, прекрасно. А вы как?
Jak se máš? — Как поживаешь?	Děkuju, dobře. — Спасибо, хорошо
Jak se vám vede? — Как дела? (на работе)	No, ujde to. — Нормально.
Jak se ti daří? — Как твоё здоровье?	Jakžtakž. — Так себе.
Co je nového? — Что нового?	Nic zvláštního. — Ничего особенного.
Co máme nového v práci? — Что нового на работе?	Celkem nic. — В общем ничего.

Děkujeme

Děkuji. — Спасибо.	Prosím. — Пожалуйста.
Děkuju mockrát. — Большое спасибо.	Za málo. — Не за что.

Díky. Dík. — *Спасибо (разг.)*
 Jste moc hodný (á). Je to od vás milé.—
Очень любезно с вашей стороны.

Není zač. — *Пустяки.*
 Nestojí to za řeč. — *Не стоит.*

Omlouváme se

Promiňte, prosím. — *Извините, пожалуйста.* To je v pořádku. — *Все в порядке.*
 Pardon, nerad (a). — *Извините, виноват/а.* Nic se nestalo./To nic. — *Ничего.*
 Omluvte mě. — *Простите.* To nevadí. — *Ничего, все нормально.*
 Promiňte, že jdu pozdě. — *Извините* Nic se neděje. — *Ничего страшного.*
за опоздание.

На уровне A2 эти нормы отрабатываются в разделах «Встреча гостей», «Телефонный разговор», «В офисе. Переговоры.» И даже на уровне B1 мы возвращаемся к данной проблематике в разделах «Интервью. Пресс-конференции», «На дипломатическом приеме в посольстве» [8, с.226—241].

Далее приводятся образцы заданий, используемых на уроках чешского языка, в процессе обучения нормам речевого этикета. К примеру, студентам предлагается выбрать одну адекватную реакцию на инициативную реплику или вопрос из трех предложенных вариантов; подобрать синонимы к выделенным словам и т. д.

Выберите правильную реакцию.

1. Jak se vede?	—	A. Celkem nic.
B. Jakžtakž.
C. To nevadí.
2. Promiňte, že jdu pozdě.	—	A. To je v pořádku.
B. Za málo.
C. Nápodobně.

Подберите синонимы к выделенным словам.

1. Promiňte, prosím.	—	Nic se nestalo.
2. Mohu mluvit s panem X.?	—	Okamžik, prosím.
3. Jak se vám vede?	—	Výborně.
4. Co je nového?	—	Nic zvláštního.
5. Na shledanou.	—	Mějte se hezky.

Диалогическое единство образуют две или более смежные реплики. Реплика представляет собой высказывание говорящего, обращенное к собеседнику в устно-речевом общении. Реплики могут отличаться эмоционально-коммуникативным разнообразием и различной степенью развернутости, т. е. реплика может состоять из одного слова или словосочетания в функции предложения — (краткая реплика) или представлять собой монологическое высказывание (развернутая реплика).

В зависимости от характера речепорождения реплики делятся на инициативные (исходящие из собственного внутреннего замысла говорящего) и реактивные, стимулом к порождению которых является реплика собеседника, которая в значительной степени определяет содержание высказывания и выбор языковых средств.

Для формирования, развития и закрепления подобных речевых навыков нами разработана система упражнений, охватывающих все возможные ситуации общения (напр., соединить по смыслу реплики из левого и правого столбца, восстановить пропущенные реактивные и инициативные реплики). В качестве итогового задания в данном разделе предлагается перевод с русского языка на чешский коротких диалогов.

Далее предлагается рассмотреть образцы упражнений, благодаря которым мы отрабатываем подобные навыки.

Соедините реплики по смыслу.

Pozdravuj rodinu.	a. To je v pořádku.
Seznamte se, prosím.	b. Děkuji, přijdu rád.
Co je nového?	c. Měj se hezky.
Na shledanou.	d. Děkuju, vyřídím.
Zvu vás k nám na večeři.	e. Těší mě.
Děkuju mockrát.	f. Okamžik, prosím.
Mohl bych mluvit s panem Novákem?	g. Celkem nic.

Восстановите пропущенные реактивные реплики.

- Dobrý den. —
- Jak se máte? —
- Co je nového v práci? —
- Jak se daří rodině? —
- Měj se dobře. —

Восстановите пропущенные инициативные реплики.

—	— Ahoj.
—	— Ujde to.
—	— Už chodí do školy.
—	— Děkuju, vyřídím. Ty také.
—	— Měj se hezky.

Переведите диалоги с русского на чешский язык.

— Здравствуйте.	—
— Добрый день.	—
— Как дела?	—
— Спасибо, хорошо.	—

В среднем каждый тип упражнений содержит от 15 до 20 стандартных диалогов.

В процессе обучения нормам речевого этикета следует обратить особое внимание на существование в чешском языке звательного падежа. Необходимо отметить, что проблемы, связанные с употреблением вокатива также характерны и для польского языка [5, с.66—68].

Употребление звательного падежа в чешском языке является обязательным, вокатив играет важнейшую роль в коммуникации. В форму вокатива ставятся не только имена и фамилии, но и звания, должности и т. п. (*pane profesore, paní učitelko!*)

В женском роде изменяются только слова на -А: *Alena — Aleno! Lucie — Lucie!*

Paní — paní!

В мужском роде все гораздо сложнее. Твердые согласные чаще получают -Е:

David — Davide! Martin — Martine! Если перед -г согласный, то ее чередуем на -ř: *Doktor — doktore! Bratr — bratře!* Если м. р. заканчивается на -k, — h, — ch, — g, то добавляем -U: *Kluk — kluku! Hoch — hochu!* В существительных с мягкой основой формы звательного падежа заканчиваются на -i, сюда же относятся имена иностранного происхождения на -s, — z, — x, — l: *Tadeáš — Tadeáši! Ondřej — Ondřeji!*

Стоит отметить, что в отличие от русского языка, где лишь несколько имен имеют одинаковые формы и могут использоваться одновременно в мужском и женском роде (Женя, Саша,

Валя) в чешском практически у каждого мужского имени имеется «женская пара»: *Ivan — Ivana, Petr — Petra* и т. п. В этом случае звательный падеж будет соответственно *Ivane — Ivano!, Petře — Petro!* Кроме того, нужно иметь ввиду, что такие формы, как *Katka, Lenka, Věrka* не считаются фамильно-грубоватыми и очень распространены.

Особого внимания заслуживает более фреквентное использование в чешском языке феминитивов. Важно обратить внимание на то, что в отличие от русского феминитивы в чешском языке являются обязательными *prezidentka, kolegyň, premiérka, poslankyně*. По сравнению с русским языком, где феминитивы образуются главным образом при помощи суффикса -к-, в чешском языке таких суффиксов несколько: — k-, (-ov)na, — uně, — ice и др.

Сравните:

Pan ministr — pane ministře! no Paní miniryně!

Pan kancléř — pane kancléři! no Paní kanclérko!

Pan tajemník — pane tajemníku! no Paní tajemnice!

Для закрепления материала предлагается выполнить ряд упражнений на вокатив. Учащиеся должны поставить слова и словосочетания в форму звательного падежа, затем употребить их в собственных предложениях, придумать языковую ситуацию, в которой можно использовать эти конструкции, обратиться друг к другу и к преподавателю, поставив имена и фамилии в звательный падеж.

Употребите слова в звательном падеже. Составьте предложения по образцу.

Образец: Nazdar, Václave.

Jakub	—	Zdena	—
kolega Horák	—	Olga	—
pan ředitel	—	pan referent	—
pan ministr	—	František	—
Tomáš	—	pan prezident	—

Обращение к аудитории может сопровождаться определениями (*дорогие, уважаемые и т. д.*). В этой связи необходимо

обращать внимание на разницу в близкородственных славянских языках. На более продвинутом этапе основной акцент делается на особенности в употреблении во множественном числе форм мужского рода одушевленных (так называемые лично мужские формы) и женского рода.

Сравните: *Vážené dámy a vážení pánové!* — Уважаемые дамы и господа!

Milí kolegové a milé kolegyně! — Дорогие коллеги!

В процессе обучения необходимо учитывать тот факт, что в чешском языке для норм речевого этикета характерным является более активное нежели в русском использование согласительного наклонения (*kondicionál*).

Например: Позвольте Вам **представить** советника-посланника N.

Dovolte, abych Vám představil radu-vyslance pana N.

При вежливом обращении на Вы в форме множественного числа стоит только вспомогательный глагол *byste*, а причастие прошедшего времени на — I употребляется в форме единственного числа:

Pane velvyslanče, mohl byste to zopakovat ještě jednou?

Господин посол, не могли бы Вы повторить еще раз?

В заключение хотелось бы обратить внимание еще на один важный аспект, связанный с речевым этикетом. Пожалуй, самой трудной ситуацией общения для наших учеников является комплимент. Дипломату жизненно необходимо владеть искусством делать комплименты, на что всегда обращают внимание наши выпускники, работающие в посольствах, консульствах в Чехии и Словакии.

Деловой комплимент — это обмен любезностями между сторонами, партнерами (*Jsem rád, že Vás vidím/To Vám moc sluší* и т.п.). Деловой комплимент начинает и заканчивает любую деловую встречу, беседу, переговоры. По протоколу — это взаимная и обязательная процедура, сверхцелью которого является создание атмосферы благожелательности, а главной задачей становится выразить свою личную заинтересованность в общении.

Комплимент — это универсальный словесный приём, который не имеет гендерных предпочтений или установок. У комплиментов нет ограничений в сфере использования.

Как в личном, так и в деловом общении он уместен и плодотворен при соблюдении основных правил:

- отсутствие дидактики и двусмысленности (*Jste vynikající odborník!*)
- искренность и фактологичность: только правдивое и искреннее восхищение, похвала будут звучать и восприниматься естественно и гармонично (напр.: *Ta barva ti moc sluší!*),
- уместность: нужный тон, правильные слова, подходящий момент, верная ситуация могут придать комплименту деликатное обрамление, а неудачные могут превратить его в глупое и несвоевременное высказывание,
- оригинальность и конкретность: есть некоторые общие слова, клише и шаблоны для комплиментов, однако их нужно преподносить небанально, тактично и называя реальные качества именно данного человека (напр.: *To se vám výjimečně podařilo!*).

Умение принимать комплимент — тоже важная часть успешной коммуникации. Для этого достаточно запомнить несколько клише (*Jste moc hodný. Je to od Vás milé*).

Таким образом, знание правил и норм речевого этикета, умение реализовывать их в правильном языковом оформлении во многом определяют успех коммуникации как в частных контактах, так и при общении в профессиональной сфере.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильева В. Ф. Чешский язык. М., Дикси Пресс. 2014. 511 с.
2. Максимова А. Л. 10 уроков русского речевого этикета. М., Златоуст. 2012. 13 с.
3. Мочалова Т. С. Адресативные конструкции в польском языке// New World. New Language. New Thinking. Сб. материалов конференции. ДА МИД РФ. М., 2021, с. 615—620
4. Мочалова Т. С. Польский с нуля. М.: ВКН, 2019, с. 319—321
5. Мочалова Т. С. Польский язык. Простая грамматика. М.: ВКН, 2019, с. 66—68
6. Сыркова И. А. Чешский от А до Ж. М.: ВКН, 2018
7. Сыркова И. А. Чешский с нуля. М.: ВКН, 2019, с. 319—321
8. Сыркова И. А. В стране и в мире. Z domova a ze světa. М.: ВКН, 2019.
9. Формановская Н, Тучны П. Русский речевой этикет в зеркале чешского. М., «Русский язык». 1986. 237 с.

10. J. Guth-Jarkovský Pravidla slušnosti pro mládež. Praha, M. Klátiková. 1999. 165 s.

11. J. Kupcevičová-V. Vilímek Ruská řečová etiketa. Ostrava, Ostravská univerzita FF 2006. 165 s.

12. I. Mathé-L. Špaček Etiketa. Praha BB art 2005. 192 s.

13. V. Štastný Etiketa, aneb společenské chování v profesním styku. Praha ASPI Publishing 2005. 175 s.

Фаустова Н. А.
Faustova N. A.

ОВЛАДЕНИЕ СИСТЕМОЙ НОРМ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В РАМКАХ КУРСА «СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК И КУЛЬТУРА РЕЧИ»

MASTERING SYSTEM OF RUSSIAN LITERARY LANGUAGE
NORMS WITHIN THE COURSE "MODERN RUSSIAN
LANGUAGE AND SPEECH CULTURE"

Аннотация: В статье предлагается авторский подход к содержанию курса «Современный русский язык и культура речи». Рассматривается языковой материал, вызывающий наибольшие затруднения у учащихся, что становится причиной нарушения языковых норм и появления ошибок в речи. Предлагается комплекс упражнений, разработанный с учетом основных сложностей и направленный на формирование языковой и коммуникативной компетенций. Задания охватывают все уровни языка: орфоэпический, лексический, морфологический, синтаксический. В основу системы упражнений положены тексты СМИ.

Ключевые слова: культура речи; орфоэпические нормы; лексические нормы; морфологические нормы; синтаксические нормы

Abstract: The article proposes the author's approach to the content of the course «Modern Russian language and culture of speech». The language material that causes the greatest difficulties for students is considered, which causes a violation of language norms and the appearance of errors in speech. A set of exercises is proposed, developed taking into account the main difficulties and aimed at the formation of linguistic and communicative competencies. The tasks cover all levels of the language: orthoepic, lexical, morphological, syntactic. The system of exercises is based on the texts of the media.

Key words: culture of speech; orthoepic norms; lexical norms; morphological norms; syntactic norms

Во многих российских вузах при подготовке будущих специалистов особое место отводят, наряду с формированием профессиональных компетенций, развитию языковой и коммуникативно-речевой компетенций обучающихся для профессионального общения на русском языке в устной и письменной формах. Проблема снижения уровня культуры речи постоянно обсуждается в современном российском обществе, в связи с чем активно разрабатываются и реализуются государственные проекты по сохранению и продвижению русского языка [3, с. 43].

Обучение правильности речи, повышение уровня речевой культуры и грамотности студентов происходит на занятиях в рамках курса «Современный русский язык и культура речи». При построении данного курса перед преподавателем стоит задача систематизировать и углубить знания учащихся, полученные в школе, при этом следует избегать понижения мотивации обучения.

Конечно, понятие «культура речи» очень широкое и не ограничивается только вопросами нормативности русского языка. Однако небольшой объем аудиторных часов по учебному плану, выделяемый на эту дисциплину, заставляет преподавателя разрабатывать собственный подход к определению содержательной основы курса.

Таким образом, цель настоящей статьи состоит в представлении авторского подхода к содержанию курса «Современный русский язык и культура речи», где большое внимание уделяется нормативному аспекту культуры речи. Ведь именно «владение всеми нормами языка, выполнение этических, коммуникативных норм речи» ведет, по мнению В. Д. Черняк, к овладению «элитарным типом речевой культуры» [7, с. 15].

Кроме того, предлагается система упражнений, нацеленных на овладение орфоэпическими, лексическими, морфологическими и синтаксическими нормами, а также способствующих преодолению наиболее распространенных ошибок, встречающихся в речи носителей русского языка. В основу заданий положен материал, соответствующий содержанию программ, учебников и учебных пособий Дипломатической академии МИД России [5], [6], [9].

Предлагаемый учебный курс рассчитан на 36 академических часов, из которых 10 часов отводится на практические занятия. Каждое практическое занятие посвящено работе с определенным уровнем языка, т.к. «для современного русского литературного языка характерно наличие обязательных норм: фонетико-интонационных, лексико-фразеологических, грамматических, стилистических» [4, с. 8].

В качестве материала исследования были использованы тексты СМИ, взятые из таких газет, как «Независимая газета», «Коммерсант», «Российская газета».

Орфоэпические нормы

Наиболее подвижным пластом языка является орфоэпия, вследствие чего в устной речи часто возникают ошибки, связанные с неверным произнесением слов и неправильной постановкой ударения. Орфоэпическая норма — это единственно возможный (или предпочитаемый) вариант образцового произношения и правильной постановки ударения. К случаям, вызывающим наибольшие трудности в звукоупотреблении, можно отнести произношение звука [э] вместо звука [о], произношение согласных звуков в позиции перед буквой Е в заимствованных словах, произнесение некоторых сочетаний согласных и др. Часто причиной нарушения орфоэпических норм становится ненормативная постановка ударения в слове. Так, определенные сложности вызывают имена существительные, прошедшее и будущее время глаголов, причастия.

В качестве примера заданий, способствующих отработке трудных случаев звукоупотребления и постановки ударения, можно привести следующие.

Задание 1. Прочитайте, обращая внимание на чтение ударной гласной (Е [Э] или Ё [О]?), укажите верный вариант. Если необходимо, измените букву. Образец: атлет; безнадёжный

Афера, крестный (отец), маневры, бытие, двоеженец, жите, истекший (год), крестный (ход), обговоренная (сделка) недоуменный, несовременный, (кричит как) оглашенный, оглашенный (приказ), опека, оседлый, планер, преемник, приведший, осужденный, платежеспособный, ушедший [2, с. 33].

Задание 2. В каком ряду во всех словах правильно поставлено ударение?

- А) подня́в, граждáнство, поде́ленный
- Б) до́говор, экспе́рт, звони́т
- В) кра́ны, краси́вейший, осведоми́шься, приня́та
- Г) сиро́ты, кухо́нный, вручи́т, завидно́

Лексические нормы

Повышение уровня культуры речи происходит прежде всего при овладении лексическими нормами, под которыми принято понимать правильное словоупотребление (т.е. употребление слова в том значении, которое оно имеет в языке), а также знание лексической сочетаемости слов (т.е. способность слов соединяться друг с другом). Незнание лексических норм может привести к возникновению речевых ошибок. Наиболее часто ошибки связаны с неверным выбором слова, нарушением лексической сочетаемости слов, контаминацией, лексической избыточностью или речевой недостаточностью, неправильным выбором паронимов, синонимов, антонимов и омонимов [8].

Многие задания, разработанные в рамках курса «Современный русский язык и культура речи», нацелены на формирование умения нахождения и исправления ошибок. Совершенствование данного умения, на наш взгляд, способствует предупреждению ошибок в речи [10].

Приведем ряд упражнений, вызывающих наибольший интерес у студентов, т.к. дают им возможность выступить в роли корректора текстов.

Задание 3. Исправьте ошибки, связанные с нарушением лексических норм, и дайте им характеристику.

1. В этой монографии также еще рассматривается вопрос о правовом статусе положения родственников.
2. Намеченные правительством мероприятия направлены на улучшение жизненного уровня трудящихся.
3. В эти дни страна отмечает тридцатилетнюю годовщину со дня своего освобождения.
4. Жители этого города могли наблюдать этот необычный феномен в течение нескольких часов.
5. Предпринимаются беспрецедентные меры по обеспечению безопасности граждан РФ, оказавшихся в зоне стихийного бедствия.

В качестве творческого задания можно предложить студентам исследовать тексты профессиональной направленности (материалы газет, журналов, телепередач и т.д.) с целью выявления и анализа случаев нарушения лексических норм.

Морфологические нормы

Под морфологическими нормами понимают нормы образования форм слов. Русская грамматика сложна не только для иностранцев, изучающих русский язык как иностранный, но и для самих носителей. На этом уровне языка также нередки случаи нарушения нормативности языка. Например, основные трудности вызывают употребление форм рода и числа имен существительных, образование степеней сравнения имен прилагательных, склонение числительных, образование форм и употребление местоимений, формы некоторых глаголов.

В рамках данной статьи невозможно охватить весь материал, рассматриваемый на занятиях при изучении морфологических норм русского языка, тем не менее остановимся на темах, представляющих наибольшую сложность у учащихся. Прежде всего, речь идет о роде имен существительных, в частности определении рода несклоняемых существительных, обозначающих географические названия, органы печати, а также роде аббревиатур.

Предлагаем возможные варианты заданий.

Задание 4. *Согласуйте определения с именами существительными.*

Солнечн... Капри, слаборазвит... Мали, независим... Гаити, солнечно... Гаити, официальн... Баку, далека... Чили, олимпийск... Сочи.

Задание 5. *Согласуйте названия печатных органов с глаголами ОПУБЛИКОВАТЬ, НАПЕЧАТАТЬ, СООБЩИТЬ в форме прошедшего времени.*

«Шпигель», «Франс-пресс», «Тайм», «Таймс», «Рейтер», «Жэньминь-жибао», «Вашингтон пост», «Фигаро», CNN.

Задание 6. *Согласуйте сказуемые с выделенными словами*

1. ЮНЕСКО призван... содействовать сохранению мира и развитию взаимопонимания.

2. МАГАТЭ создан... по решению ООН в 1956 г.

3. МИД решительно возражал... против давления, оказываемого на него.

Синтаксические нормы

Не менее важно формировать у учащихся умение осознанно выбирать ту или иную синтаксическую конструкцию в зависимости от целей высказывания, а также владение основными синтаксическими нормами современного русского языка, т.е. нормами построения словосочетаний и предложений [1, с. 46].

Основные трудности связаны с неверным выбором падежа при предложном и беспредложном управлении, ошибочным употреблением падежных форм, недочетами в выборе предлога. В качестве отработки данной темы можно предложить следующие упражнения.

Задание 7. *Найдите и устраните ошибки в выборе падежа при беспредложном и предложном управлении:*

1. Никто уже не верит в эти сказки официальной пропаганды.

2. В первой главе дается характеристика состоянию экономики Германии.

3. В итоговом документе сессии указывается о недопустимости нарушения норм международного права.

Задание 8. *В приведенных предложениях исправьте стилистические недочеты в выборе предлога, а также ошибочное употребление падежных форм.*

1. Ввиду засухи и наводнений Индия должна импортировать продовольствие.

2. Согласно приказа директора предприятие перешло на круглосуточную работу.

К ошибкам может привести неправильное использование однородных членов с разным управлением. Эта проблема устраняется путем выполнения заданий, направленных на поиск и исправление неверной формы управления.

Задание 9. *Найдите и устраните ошибки, связанные с управлением при однородных сказуемых.*

1. В статье министра говорится, как предупредить и бороться с правонарушениями.

2. Мы никогда не забудем и будем гордиться теми, кто боролся за демократию в нашей стране.

На практическом занятии, посвященном работе с синтаксическими нормами русского языка, также рассматриваются причины ошибок при употреблении деепричастных и причастных оборотов, нанизывании падежей, уделяется внимание трудным случаям согласования сказуемого с подлежащим и т. д.

Подводя итоги, стоит отметить, что настоящий комплекс упражнений был апробирован на занятиях по дисциплине «Современный русский язык и культура речи» со студентами I курса бакалавриата Дипломатической академии МИД России и доказал свою эффективность. Также заслуживает внимания тот факт, что наибольший интерес у учащихся вызывают задания, связанные с поиском и исправлением ошибок в речи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барышникова Е. Н. Речевая культура молодого специалиста: учеб. пособие/Е. Н. Барышникова, Е. В. Клепач, Н. А. Красс. Москва: Флинта, 2019. 224 с.

2. Дегтева И. В. Формирование орфоэпической грамотности в процессе обучения русскому языку/И. В. Дегтева, Н. А. Фаустова//Международный журнал экспериментального образования. 2019. № 3. С. 32—35.

3. Колеватова М. И. Речевая культура дипломата как составляющая имиджа/М. И. Колеватова, И. В. Дегтева//Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 5—4 (47). С. 43—44.

4. Культура устной и письменной речи делового человека: справочник/Н. С. Водина, А. Ю. Иванова, В. С. Ключев и др. 25-е изд., стер. Москва: Флинта, 2021. 316 с.

5. Митрофаненкова А. В. Трудные случаи русской орфографии, грамматики и пунктуации: учебное пособие/А. В. Митрофаненкова, М. А. Селезнева, А. В. Старостина. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2019. 264 с.

6. Предложно-падежная система: учебник русского языка для дипломатов/Т. А. Недосугова, А. В. Белова, А. А. Гуськова.; под общ. ред. Т. А. Недосуговой. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2017. 248 с.

7. Русский язык и культура речи: учебник и практикум для академического бакалавриата/В. Д. Черняк, А. И. Дунев, Е. А. Ефремов и др.; под общ. ред. В. Д. Черняк. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2019. 363 с.

8. Стилистика современного русского языка/Т. С. Дроняева, Н. И. Клушина, И. В. Бирюкова; под ред. Т. С. Дроняевой. 13-е изд., стер. Москва: Флинта, 2019. 184 с.

9. Учебник русского языка для дипломатов (синтаксис научной речи)/А. В. Митрофаненкова, А. В. Старостина, А. А. Гуськова и др. 3-е изд., перераб. М.: Дипломатическая академия МИД России. Издательство «Канон+», 2016. 224 с.

10. Фаустова Н. А. Формирование лексической компетенции в практике обучения русскому языку в ДА МИД России/Фаустова Н. А., Гордеева М. Ю.//New world. New language. New thinking: Сб. материалов конференции, Москва, 06 февраля 2019 года/Дипломатическая академия МИД России. Москва, 2019. С. 200—206.

Щербакова О. Ю.
Scherbakova O.Yu.

МУЛЬТИМЕДИЙНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ MULTIMEDIA TECHNOLOGIES IN TEACHING FOREIGN LANGUAGE

Аннотация: Данная статья является продолжением исследования темы использования современных мультимедийных средств в процессе обучения иностранному языку. В статье рассматриваются и анализируются такие современные технологии как мультимедийная презентация и мультимедийный тест, анализируются практические возможности работы с данными видами образовательных технологий. В статье приведен практический опыт преподавания иностранного языка с помощью мультимедийных технологий.

Ключевые слова: мультимедийные технологии; учебный процесс; эффективная презентация; визуальные средства; мультимедийная оболочка

Abstract: This article is a continuation of the research on the use of modern multimedia tools in the process of teaching a foreign language. The article discusses and analyzes such means of modern technology as multi-media presentation and multimedia test, the practical possibilities of working with these types of educational technologies are analyzed. The article presents the practical experience of teaching a foreign language using multimedia technologies.

Key words: multimedia technologies; educational process; effective presentation; visual means; multimedia shell

В сфере образования цифровые современные технологии являются важнейшей частью. Особенно необходимо отметить роль цифровых технологий в обучении иностранному

языку. В данной статье особое внимание будет уделено мультимедийным средствам в процессе обучения по дисциплине «Иностранный язык». Особенное внимание будет уделено мультимедийной презентации и мультимедийному тесту.

Мультимедийное занятие — это занятие с использованием различных цифровых технологий, а именно тестовых программ, мультимедийных презентаций, онлайн схем, практикумов, аудио-видео материалов. Использование этих технологий в учебном процессе эффективно воздействует на процесс обучения, развивая у студентов критическое, нестереотипное, алгоритмическое мышление, исследовательские, познавательные навыки, навыки принятия эффективных решений в различных ситуациях, способность к обработке информации [3]. Кроме этого, у студентов наблюдается повышенный интерес к данным видам работы, что значительно влияет на качество обучения.

Используя мультимедийные технологии в рамках учебного процесса на занятиях студентам предоставляется возможность работать с текстом, графикой, видео и аудио материалами как в группе, так и в индивидуальном режиме. При работе с мультимедийными технологиями преподаватель может предоставить студенту возможность самому стать автором, при этом у студента развивается творческое и критическое мышление, тогда как преподаватель способствует структурированию мыслительного процесса обучающегося [5].

Мультимедийные презентации являются одной из эффективных технологий для включения в учебный процесс. Для проведения мультимедийной презентации на занятии необходимы компьютер и проектор. Презентации могут проводиться как синхронно, так и асинхронно, т. е. быть предварительно записанными. В процессе обучения презентации эффективными методами являются процесс иллюстрирования и изучения нового материала; закрепление новой темы. проверка усвоения материала. Работа с мультимедийными презентациями дает возможность использовать готовые шаблоны, быстро загружать информацию с любым количеством файлов, вставлять любые аудио-видео файлы, добавлять любые визуальные средства для эффективной презентации темы, форматировать текст, а также, использовать расширен-

ные функции для совместной работы, специальные возможности, такие как умный ввод и автозамена, позволяющие избежать опечаток при наборе текста [6]. Преподаватель имеет возможность пользоваться ресурсами, которые являются источниками презентаций по различной тематике (разнообразные специальные платформы), где есть возможность пользоваться коллекцией готовых презентаций, созданных и размещённых на данных платформах, что существенно уменьшает временные затраты при подготовке к занятию. С помощью авторских презентаций преподаватель имеет возможность представлять материал в последовательности, которая необходима для достижения целей и задач конкретного занятия. Студенты также имеют широкую возможность создавать презентации по темам для отработки презентационных навыков.

Совершенствование контроля — одна из самых важных проблем. Оценка, выставляемая по итогам тестирования, отличается большей объективностью. Такой вид контроля помогает осуществить индивидуальный подход к оцениванию качества образования каждого студента в отдельности и всей группы в целом, выявить пробелы в обучении по конкретным темам и ликвидировать их. **Электронное тестирование** представляет собой автоматизированный инструмент контроля и оценивания знаний преподавателем или инструмент самоконтроля, обеспечивающий наряду с устным визуальный контроль результатов [4]. Таким образом, тест позволяет проверять одновременно всех студентов группы. Выполнение теста занимает немного времени, что делает возможным его проведение практически на любом занятии; при выполнении теста все студенты поставлены в равные условия — они работают в одно и то же время с одинаковым по объёму и сложности материалом, что исключает влияние на оценку их ответов субъективного фактора. В целом тест дает возможность включать большой объём материала и контролировать не только его усвоение, но и наличие отдельных умений.

В настоящее время существует множество мультимедийных программ позволяющих проверить уровень сформированности, например, грамматических и лексических навыков, с использованием компьютера и специальных оболочек, которые сохраняют результаты тестирования в процентном

соотношении и в состоянии отследить прогресс студентов. На данных платформах предлагаются многочисленные типы заданий, которые используются для составления тестов и контрольных работ, чаще всего встречаются следующие: перекрестный выбор (matching), альтернативный выбор (true-false), множественный выбор (multiple choice), упорядочение (rearrangement), завершение/окончание (completion), трансформация, перефразирование [2].

В результате проведенного исследования можно сделать вывод, что использование различных мультимедийных сервисов представляет собой реальность и перспективу успешного их применения в современном образовании, в частности в современном обучении иностранному языку. Цифровые обучающие технологии имеют огромный обучающий потенциал. В реальном учебном контексте трудно переоценить их способности в процессе стимулирования различных видов речевой деятельности и возможности по-новому организовывать эффективный учебный процесс как на занятии, так и при выполнении самостоятельной работы. Использование цифровых технологий открывает новые возможности, как для преподавателя, так и для студента.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Захарова М. В.* Цифровые инструменты преподавания английского языка/Мир педагогики и психологии. 2020. № 06 (47).
2. *Митюн М. А.* Преподавание иностранного языка в эпоху цифровизации/Молодой ученый. 2021. № 24 (366). С 340—342.
3. *Паневкина И. И., Коптелова И. Е.* О ресурсах по развитию навыков аудирования/Язык. Культура. Общество. М. Квант-Медиа, 2020. С. 143—149.
4. *Синицын А. Ю.* Использование мультимедийных средств для изучения иностранного языка/Язык. Культура. Общество. Актуальные вопросы, методы исследования и проблемы преподавания. Квант-Медиа. Москва. 2017. С. 121—126.
5. *Чулкова Е. Д.* Особенности обучения иностранному языку в дистанционном формате: личный опыт//Новый мир. Новый язык. Новое мышление. Сб. материалов конференции. 2021. С. 414—418.
6. *Щербакова О. Ю.* Особенности структуры деловой презентации//Повышение академической мобильности преподавателей и студентов, в рамках сотрудничества РЭУ им. Г. В. Плеханова с международной образовательной корпорацией "Pearson". Сб. материалов конференции. Москва. 2016. С. 255—261.

Раздел 2. ВОПРОСЫ КУЛЬТУРОЛОГИИ, СОЦИОЛИНГВИСТИКИ И СТРАНОВЕДЕНИЯ

Андроненко И. Ф.
Andronenko I. F.

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ ИСПАНИИ, МАРОККО И АЛЖИРА В КОНТЕКСТЕ ВОПРОСА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ЗАПАДНОЙ САХАРЫ

CURRENT STATE OF INTERNATIONAL RELATIONS AMONG
SPAIN, MOROCCO AND ALGERIA IN CONTEXT OF WESTERN
SAHARA POLITICAL AFFILIATION ISSUE

Аннотация: территориальный военно-политический кризис, характеризующийся неопределенностью правовой принадлежности региона Западной Сахары и сопровождающийся претензиями множества субъектов на политическое управление данными территориями, определяет современные тенденции в динамике международных отношений дипломатического треугольника Испания — Марокко — Алжир. Целью настоящей статьи является изучение ретроспективы, современного содержания политического кризиса в Западной Сахаре и определение тенденций международного взаимодействия указанных государств.

Ключевые слова: международные отношения, политический кризис в Западной Сахаре, Испания, Марокко, Алжир

Abstract: the territorial military-political crisis, characterized by the uncertainty of the legal affiliation of the Western Sahara region and accompanied by the claims of many subjects to the political management of these territories, determines the current trends in the dynamics of international relations of the diplomatic triangle Spain — Morocco — Algeria. The purpose of this article is to study the retrospective, the current content of the political crisis in Western Sahara and to identify trends in international cooperation between these States.

Key words: international relations, political crisis in Western Sahara, Spain, Morocco, Algeria.

Истоки современных территориальных конфликтов в регионе Магриба северо-запада африканского континента берут своё начало во второй половине XX века и связаны с процессом борьбы народов Африки за независимость от колониальной власти европейских государств. Первое десятилетие второй половины XX века для региона связано с событиями, характеризующимися освобождением коренных народов от испанской и французской зависимости, образованием таких суверенных государств как Марокко, Алжир, Мавритания, а также возникновением претензий новообразованных государств в отношении Испании, сохранившей политический контроль над рядом территорий северо-западной Африки (города Сеута и Мелилья, а также Западная Сахара). И если территориальный конфликт по вопросу принадлежности городов Сеута и Мелилья, возникший в момент обретения Марокко независимости, был и остаётся предметом исключительно двусторонних отношений Испании и Марокко, то конфликт в Западной Сахаре является гораздо более глубоким и противоречивым, включая в себя множество политических субъектов конфликта, каждый из которых отстаивает свои собственные интересы в регионе.

В целях определения современного состояния конфликтов, в первую очередь необходимо рассмотреть историческое содержание вопросов и раскрыть хронологию развития событий, отразив каждый субъект конфликтов, а также их интересы.

Возникновение политических противоречий в Западной Сахаре изначально связано с тем, что в результате процесса деколонизации Испания, предоставив независимость Марокко, сохранила под своей властью регион Западной Сахары, включив его в 1958 году в состав государства, по версии марокканских официальных лиц являвшийся исторически подконтрольной территорией марокканских правителей. Наравне с территориальными претензиями Марокко в отношении заморских испанских владений, среди местного населения самой Западной Сахары образовывались многочисленные военно-политические формирования, ставившие своими целями как освобождение от испанской колониальной власти и последующее присоединение к Марокко (Национальный сахарских союз и Революционное движение «голубых фишек»

(МОРЕОБ)), так и последующее образование суверенного независимого государства (Народный фронт освобождения Сегиет-эль-Хамра и Рид-де-Оро (Фронт ПОЛИСАРИО)).

Наравне с политическими интересами в территориальном конфликте региона Западной Сахары присутствуют и геоэкономические интересы как соседствующих государств, например Алжир, поддерживающий идеи Фронта ПОЛИСАРИО о независимости Сахары в собственных геоэкономических интересах, направленных на обеспечение прямого трансграничного доступа в Атлантический океан через дружественное правительство независимой Западной Сахары, так и такие внешние государственные игроки, заинтересованные в сохранении компетенций собственных коммерческих компаний, занимающихся добычей полезных ископаемых в регионе.

Первый этап эскалации территориального конфликта в Западной Сахаре связан с вытеснением Испании из региона и директивным переходом территорий региона под контроль марокканского правительства. Так, король Марокко Хасан II, проведя в 1975 году специальную операцию по переходу более чем тремя сотнями тысяч марокканскими подданными границ Западной Сахары, получившую название «Зелёный марш», осуществил бескровный перехват политической власти над территориями Западной Сахары, достигнув политической договорённости с Испанией по выводу испанских войск из региона. Последовавшие за мирными гражданами, пересекшими границы Сахары, марокканские вооружённые силы заняли северные территории региона, столкнувшись с жестоким сопротивлением военно-политической группы Фронт ПОЛИСАРИО, стремившейся к вытеснению любых внешних субъектов с территории Западной Сахары и формированию суверенного государственного образования, получившего название Сахарская Арабская Демократическая Республика (САДР), о создании которого объявили сразу после заявления испанского руководства о выводе войск с региона в 1976 году. С этого момента на территории Западной Сахары эскалация напряжённости между участниками конфликта достигла пика, перейдя в статус вооружённого противостояния, прямыми и непрямыми участниками которого являлись Марокко, САДР, Алжир, Мавритания, Ливия, США, Франция, СССР и другие государственные субъекты междуна-

родных отношений. Предметом территориального конфликта являлся контроль над территорией Западной Сахары, а главными действующими субъектами противостояния — Марокко, поддерживаемый «западными» странами, заинтересованными в обеспечении сохранности прав транснациональных корпораций на добычу полезных ископаемых в северной части Западной Сахары, занятой марокканскими вооруженными силами и САДР, возглавляемая политическим руководством Фронта ПОЛИСАРИО и поддерживаемая Алжиром, Ливией и рядом стран социалистического блока. Мавритания, являясь третьей стороной конфликта, уже в 1979 была вынуждена объявить о завершении своего участия на правах статуса-кво. Примечателен тот факт, что покинувшая регион Испания, не обеспечив мирный консенсуальный трансфер власти, оставив после себя политический вакуум власти в регионе, образовавший фундамент текущего военно-политического конфликта, предпочла сохранить нейтралитет.

Уже спустя непродолжительное время конфликта, в направлении Марокко со стороны США и Франции были направлены конвои с вооружением, включающим, в том числе, боевые самолеты. Одновременно с этим, в адрес Фронта ПОЛИСАРИО осуществлялись поставки оружия со стороны социалистического блока, а Алжир предоставил борцам за независимость Сахары инфраструктурную возможность координировать военные действия со своей территории.

Продолжающаяся война за независимость во многом обернулась не в пользу Фронта ПОЛИСАРИО, оказавшегося отрезанным от Атлантического океана и зажатым в узком коридоре безжизненной пустыни. К 1987 году силы САДР контролировали лишь пятую часть территории Западной Сахары. Тем не менее, САДР в качестве суверенного независимого государства была признана 70 странами мира, однако признания со стороны Организации Объединенных Наций так и не было достигнуто.

Постепенное перетекание конфликта в состояние позиционного военно-политического противостояния сформировала фундамент для проведения переговоров между Марокко и САДР. Консенсуальное решение, достигнутое сторонами конфликта, подразумевало проведение всенародного референдума на территории Западной Сахары с двумя вероятны-

ми исходами — вхождение в состав Марокко на правах широкой автономии или утверждение независимого государства САДР на всей территории Западной Сахары.

В этой связи необходимо отметить этносоциальные условия, сложившиеся в регионе за более чем десять лет военно-политического конфликта. Наиболее вероятный сценарий референдума, направленный на формирование суверенного государства, оказался куда менее оптимистичным в тот момент, когда стало очевидным, что десятилетняя политика руководства Марокко на контролируемых территориях, направленная на стимулирование переселения мирных марокканцев в регион Западной Сахары, способствовала постепенной этнокультурной динамике состава населения региона и, в конечном итоге, перелому в сторону формирования марокканского социального большинства, составившего две трети от совокупного населения Западной Сахары.

Достигнутый в ходе первого этапа переговоров консенсус о необходимости проведения референдума значительно омрачился полным отсутствием взаимных уступок в ходе дипломатического диалога и намеренного затягивания переговоров по вопросу состава избирателей, допускаемых к референдуму.

Так и не достигшие окончательного разрешения территориально-политического конфликта стороны, в конце концов оставшиеся каждый при своем мнении, вступили в долгий период непрерывно стагнирующего, малоинтенсивного противостояния, сопровождающегося достижениями режима прекращения огня и, в то же время, периодически вспыхивающими локальными вооруженными столкновениями.

В данном контексте примечательна оценка, высказанная специальным посланником Организации Объединенных Наций по вопросу территориального конфликта в Западной Сахаре Хорстом Келером, занимающий данный пост с 2017 года: «Настоящая проблема заключается в том, собирается ли какой-либо участник Совета безопасности ООН тратить политические очки на вопрос о Западной Сахаре. Именно это и усложняет ситуацию, потому что важность вопроса очень низка, и они, занимая твердую позицию, не захотят рисковать осложнением отношений ни с Марокко с одной стороны, ни с Алжиром с другой стороны. И они не желают просить

ни одну из сторон, ни обе стороны сделать то, чего эти стороны не хотят делать» [1].

Рассмотренная ретроспектива данного конфликта позволяет сформировать однозначный вывод по вопросу современных отношений Алжира и Марокко. В период с 2010 по 2017 годы между двумя странами не состоялось ни одной двухсторонне встречи, а в 2021 году, на фоне эскалации вооруженных столкновений между Марокко и Фронтом ПОЛИСАРИО, обеспечивающегося военно-технической, разведывательной и инфраструктурной и политической поддержкой Алжира, дипломатические отношения между государствами и вовсе были разорваны на официальном уровне.

В контексте разрешения территориально-политического конфликта в Западной Сахаре особую значимость играет изучение динамики внешнеполитической позиции бывшей метрополии данного региона, а именно Испании, позволяющей раскрыть содержание современных отношений государства Пиренейского полуострова с обеими странами северо-западной Африки. Представляется возможным заметить, что именно внешнеполитическими позициями в отношении территориального конфликта Западной Сахары и определяются современные отношения Испании, Марокко и Алжира.

Территориальный конфликт в Западной Сахаре получил своё геополитическое развитие в 2020 году, когда Соединенные Штаты Америки, первоначально придерживающиеся относительного нейтралитета в данном противостоянии, официально заявили о поддержке королевства в его территориальных претензиях в регионе Западной Сахары, признав суверенитет Марокко над контролируемыми южными землями в ответ на признание королевством суверенитета Израиля [5].

Подобная геополитическая поддержка со стороны внешнего игрока не могла не получить дальнейшего развития. Уже через несколько дней со стороны высокопоставленного официального лица Марокко, представленного премьер-министром государства Садеддином аль-Османи, прозвучали территориальные дипломатические претензии в отношении испанских заморских владений, а именно городов Сеута и Мелилья, по версии Марокко, с момента образования государства в 1956 году незаконно удерживаемых Испанией,

так и не завершившей процесс деколонизации африканского континента. Так, согласно официальным заявлениям премьер-министра Марокко, существующий на протяжении веков статус-кво в отношении Сеуты и Мелилья может быть в любой момент нарушен со стороны Рабата, который, несомненно, поднимет вопрос принадлежности контролируемых Испанией территорий в Африке. Одновременно, в ходе беспрецедентного дипломатического давления официальный Рабат указал на необходимость скорейшего разрешения территориального вопроса Западной Сахары и обязательствах Испании, которая, являясь бывшей метрополией данных территорий, несет ответственность за создание условий, способствовавших образованию данного конфликта, по участию в указанном урегулировании [6].

Последовавший ответ министра иностранных дел Испании Аранча Гонсалес Лайя на дипломатическое давление Марокко, характеризующийся отказом официального Мадрида в каком-либо формате обсуждать вопрос принадлежности Сеуты и Мелилья, а также отказом в поддержке позиции США в отношении утверждения суверенитета Марокко над Западной Сахарой и приверженности позиции ООН о проведении референдума, возымел глубокие неблагоприятные последствия в 2021 году для испанского государства.

Поводом для эскалации и так недружественных дипломатических отношений между двумя государствами послужил визит в Испанию главы САДР, одновременно являющегося лидером Фронта ПОЛИСАРИО, в медицинских целях. Информационный портал «Público», комментируя внезапный пограничный штурм Сеуты со стороны более чем восьми тысяч марокканских мигрантов и намекая на настигнувшие Испанию геополитические последствия отказа признавать суверенитет Марокко над Западной Сахарой, сообщал: «И без того сложные отношения испанского и марокканского правительств переживают один из худших моментов в истории. Глава правительства Испании Педро Санчес столкнулся с самым крупным кризисом с момента вступления в должность, не считая пандемии. Месть Марокко, однако, объясняется и предшествующими обстоятельствами. Спор о статусе Западной Сахары вновь возвращается в испанскую политику» [7].

Таким образом, два, на первый взгляд совершенно не связанных друг с другом территориальных конфликта Западной Сахары и Сеуты/Мелильи, оказались инструментом единой геополитической игры в руках руководства Марокко, реализовавшего миграционный шантаж Испании в рамках одного территориального конфликта с целью утверждения геополитической и дипломатической победы в рамках другого территориального конфликта. В этой связи, необходимо заметить, что инициированный Марокко миграционный кризис в Сеуте, действительно возымел беспрецедентный благоприятный дипломатический эффект в рамках урегулирования кризиса в Западной Сахаре.

В 2022 году, вероятно, Марокко удалось достигнуть достаточного уровня внешней дипломатической поддержки в рамках разрешения территориального противостояния с Фронтом ПОЛИСАРИО на своих условиях.

Так, в марте 2022 года официальный Мадрид, спустя десятки лет нейтралитета в отношении урегулирования территориального спора в Западной Сахаре в пользу какой-либо стороны конфликта, стремясь ослабить дипломатическое давление со стороны Марокко, в том числе по вопросу Сеуты и Мелильи, и наладить дружественные отношения с королевством, определился в своей внешнеполитической позиции по данному вопросу, поддержав план по Марокко по вхождению Западной Сахары в состав государства на правах широкой автономии [2]. Как отмечает информационный портал «Русская Испания»: «премьер-министр Педро Санчес направил письмо королю Марокко Мухаммеду VI, в котором отметил, что официальный Мадрид «признает важность проблемы Сахары для Марокко». Глава правительства подчеркнул, что «Испания считает марокканскую инициативу об автономии, представленную в 2007 году, наиболее серьезной, реалистичной и надежной основой для разрешения этого спорного вопроса» [3].

Одновременно, необходимо отметить крайнюю утвержденную позицию Организации Объединенных Наций, характеризующуюся тридцатилетним бездействием в отношении разрешения вопроса о проведении референдума, а также признанием Западной Сахары в качестве самоуправляющейся территории, на управление которой могут претендовать со-

седствующие государства (в первую очередь Марокко) в случае соответствующего волеизъявления народов, проживающих на данной территории [4]. Основой данной позиции выступает право народов на самоопределение согласно статье 1 Международного пакта о гражданских и политических правах, принятого на пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН в 1966 году.

Подводя итог по вопросу территориального конфликта в Западной Сахаре, представляется возможным сформулировать вывод, в соответствии с которым, руководство Марокко, применяя широкий спектр дипломатических и геостратегических инструментов, заручилось поддержкой внешнего крупного игрока в лице США, поддержкой державы, несущей историческую ответственность за процесс деколонизации оспариваемой территории, а значит играющей одну из важных ролей в разрешении конфликта, в лице Испании. Таким образом, в условиях практического бездействия ООН в вопросе проведения референдума и негласного подтверждения теоретической возможности государства присоединить земли Западной Сахары, руководство Марокко значительно увеличило свои шансы на урегулирование конфликта на своих условиях.

На фоне последних внешнеполитических решений Испании по вопросу Западной Сахары, необходимо сформировать выводы касательно международного взаимодействия Испании, Алжира и Марокко, отметив тенденции современных отношений в рамках дипломатического треугольника в контексте конфликта в Сахаре.

Смена внешнеполитической позиции официального Мадрида применимо к изучаемому территориальному конфликту направлено на улучшение дипломатических отношений с Марокко и, вероятно, приведет к ответным уступкам марокканского государства в вопросе африканских территорий Испании (Сеута и Мелилья). В то же время, президент САДР и глава Фронта ПОЛИСАРИО Брахим Гали заявил о том, что Испания бросила народ Западной Сахары на произвол судьбы [3]. Одновременно с этим, с большой долей вероятности указанное решение Мадрида нанесет непоправимый ущерб дипломатическим и торгово-экономическим отношениям с Алжиром, которые по состоянию на апрель 2022 года уже ознаменовались за-

претом экспорта алжирского газа в Испанию и выбора Италии в качестве транзитного хаба. На фоне торгово-экономического обострения между Испанией и Алжиром наблюдается резкое падение доверия к Педро Санчесу внутри самого испанского королевства, особенно среди оппозиционных партий [8].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Каоуар Р. Роль и усилия ООН в урегулировании конфликта вокруг Западной Сахары//Международные отношения. 2019. № 2. DOI: 10.7256/2454—0641.2019.2.29712

2. Информационный портал «The New York Times»//Spain, Seeking Better Ties With Morocco, Shifts Stance on Western Sahara [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.aa83f704—633b0fe9—1f928a99—74722d776562/https/www.nytimes.com/2022/03/19/world/europe/spain-morocco-western-sahara.html (Дата обращения: 15.09.2022)

3. Информационный портал «Русская Испания»//Испания в третий раз подло предала жителей Сахары, которые ей верили [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://russpain.com/news/ispaniya-v-tretij-raz-podlo-predala-zhitelej-sahary-kotorye-ej-verili/> (Дата обращения: 15.09.2022)

4. Информационный портал «Организация объединенных наций»//Западная Сахара. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.un.org/dppa/decolonization/ru/nsqt/western-sahara> (Дата обращения: 15.09.2022)

5. Информационный портал «РИА Новости»//США признали суверенитет Марокко над Западной Сахарой. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ria.ru/20201210/suverenitet-1588666643.html> (Дата обращения: 15.09.2022)

6. Информационный портал «Коммерсантъ»//Премьер Марокко выдвинул территориальные претензии к Испании. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4626727> (Дата обращения: 15.09.2022)

7. Информационный портал «ИноСМИ»//Público (Испания): Марокко вновь давит на Испанию из-за вопроса Сахары, направляя мирных жителей через границу и развязывая значительный дипломатический кризис. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://inosmi.ru/20210519/249752960.html> (Дата обращения: 15.09.2022)

8. Информационный портал «Русская Испания»//Позорный провал внешней политики Испании. А ведь Санчеса предупреждали. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://russpain.com/news/mir-i-mid/pozornyj-proval-vneshnej-politiki-ispanii-a-ved-sanchesapreduprezhdali/> (Дата обращения: 15.09.2022)

Грейдина Н. Л.
Greidina N. L.

МЕДИАОБРАЗ И НАЦБРЕНДИНГ РОССИИ В ПРЕССЕ США: ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ

MEDIA IMAGE AND NATION BRANDING OF RUSSIA IN THE US PRESS: FROM THEORY TO PRACTICE

Аннотация: В статье подвергнуты анализу теоретические и практические аспекты политико-медийного дискурса, в контексте создания медиаобраза России. На сопоставительной основе излагается анализ понятий образа и имиджа страны, медиаобраза и образа страны. Представлены как лингвистические, так и междисциплинарные исследования по данной тематике. Указаны конститuenty медиаобраза России и языковые средства его реализации посредством детального интерпретационного анализа конкретных примеров. Анализу подвергаются тактики создания медиаобраза России в контексте диахронической релевантности. Приводятся определение национального брендинга России и его показатели. Обозначены способы практического противодействия медийным манипуляциям на уровне авторских выводов.

Ключевые слова: медиаобраз; пресса США; медийные манипуляторные приемы; политический дискурс; медийный дискурс; национальный брендинг

Abstract: The article highlights the theoretical and practical aspects of political and media discourse in the context of creating a media image of Russia. The analysis of the concepts of image and image of the country, media image and image of the country is expressed on a comparative basis. Both linguistic and interdisciplinary studies on this topic are presented. The constituents of a media image of Russia and the linguistic means of its implementation through a detailed interpretative analysis of specific examples are indicated. The tactics of creating a media image of Russia in the context of a diachronic relevance are analysed. The definition of the nation branding of Russia and its indicators are given. The ways of practical counteraction to media manipulation at the level of author's conclusions are outlined.

Key words: media image; US press; media manipulative techniques; political discourse; media discourse; nation branding

Предметом исследования является медиаобраз России и ее национальный брендинг в контексте политико-медийного дискурса в современном межгосударственном контексте.

Цель работы — определить специфику медиаобраза России и средств его создания в рамках построения национального брендинга контекста современной политико-медийной коммуникации.

Методология исследования охватывает методы когнитивной лингвистики, в частности семантико-когнитивного

анализа. Последний преломляется в формате семантико-когнитивного подхода, позволяющего проводить интерпретационный анализ от языка к смыслу. Данный методологический принцип подразумевает движение от ключевого слова или словосочетания, выявляющих комплекс семантических параметров, которые посредством когнитивной интерпретации раскрывают сущностную смысловую структуру контекста. Наряду с этим используются методы текстового анализа с политических и социокультурных позиций, контекстного содержательно-семантического и лингвориторического типов анализа медийных текстов.

Материал исследования представляет собой медийные тексты периода 2021 г. — 2022 г., опубликованные в ряде информационно-новостных источников США: «Уол Стрит Джорнал» (The Wall Street Journal), «Вашингтон Пост» (The Washington Post), «Нью-Йорк Пост» (New York Post), «Нью Йоркер» (The New Yorker), «Атлантик» (The Atlantic).

В современном мире средства массовой информации, в том числе пресса, являются ключевым источником формирования и трансляции представлений об окружающей действительности. Значительный интерес исследователей фокусируется на социально-политическом восприятии других стран, формируемом на основе эмоционально-ассоциативных, метафорических, иных лингвокогнитивных средств, которые становятся составной частью политического дискурса.

Информация о других странах, представленная американскими СМИ, является для американцев основным источником сведений, ввиду того факта, что исключительно небольшая часть населения США путешествует за пределы собственного континента (например, в допандемийном 2019 г. только 7,3% американцев совершили подобные поездки) [14, с. 6].

Необходимо определить понятие образа страны и сравнить его с понятием ее имиджа. Несмотря на тот факт, в соответствии с которым ряд исследователей [7, с. 139; 8, с. 361] противопоставляют данные понятия, указывая на стихийный характер образа, подлежащего восприятию, и целенаправленную специфику имиджа, в данной научной статье они представлены на уровне синонимичных.

Медиаобраз страны являет собой формируемые средствами массовой информации в системе общественного мнения и восприятия представления о стране, способствующие ее продвижению на международной арене — от более идеологических позиций по развитию мягкой силы ее влияния, распространению ее ценностных установок и культурных смыслов до более прагматичных позиций — привлечения инвестиций и развития экспортной базы.

Необходимо дифференцировать понятия медиаобраза и образа страны. Первое из них акцентирует внимание на целенаправленное создание образа страны средствами массовой информации с использованием существующих манипуляторных технологий, охватывающих техники, способы, приемы, средства. Второе понятие отражает историческое, континуальное во временном смысле формирование образа страны в сознании собственного народа и народов других стран посредством опыта взаимодействия и сотрудничества, включая личные впечатления, сведения из документальных и художественных источников, мнения журналистов, выраженные в средствах массовой информации. В этой связи важно отметить, что в случае анализа второго понятия формируемый средствами массовой информации образ страны представляет собой один из многочисленных способов в рамках данного процесса, не является доминирующим и тем более единственным по сравнению с первым понятием.

Ряд исследователей [6, с. 39; 4, с. 160; 7, с. 173] приходит к выводу о том, что медиаобраз страны формируется посредством оперативных знаний о национально-культурной специфике ее действительности, основанной на исторических, социально-культурных реалиях, которые находят преломление в анализе и мнении журналистов.

Однако реалии современной действительности указывают на релевантный фактор фейковой информации, сознательно распространяемой СМИ для достижения поставленных целей «игры на повышение» или «игры на понижение».

Некоторые исследования [11, с. 68] показывают, что только 17% от общего числа публикаций о России в средствах массовой информации США могут быть оценены в качестве положительных.

Анализируя медиаобраз России в средствах массовой информации США, необходимо отметить, что с позиции сегодняшнего дня он вписывается в медийный трансляционный формат «чужой». Если в конце XX в. данный медиаобраз сводился к формату «другой», «иной», то на современном этапе ощущается его дрифтинг в сторону отчуждения и трансформация в формат «чужой». Несмотря на близость значений данных понятий, существует значительное смысловое различие между ними. Так, «иной» предстает как «отличающийся» [5, с. 318], «другой» — как «не такой» [5, с. 96].

Соответственно осознание страны как «другой» сопряжено с появлением интереса к ней и ее особенностям на основе сравнения или воспроизведения ценностных установок, других национально-культурных характеристик на фоне сохранения определенной разделяющей дистанции.

Восприятие страны как «иной» связывается с некоторым противопоставлением ценностных установок и других национально-культурных характеристик на фоне потенциального интереса и готовности их понять, возможно, и принять. Значит, вектор развития национально-культурных взаимоотношений в формате «другой» обращен в прошлое, в формате «иной» — в будущее. При этом в обоих случаях наблюдается единство данного вектора для двух стран.

Формат «чужой» интерпретируется как «не родной, не свой, далекий по духу, взглядам» [5, с. 938]. В результате акцентирование обретает семантический смысл скрытой или явной угрозы, т.е. намеренного и сознательного нанесения вреда общественным национальным интересам страны. Вектор развития национально-культурных взаимоотношений в формате «чужой» связан с настоящим ввиду фактора опасности, требующего незамедлительного разрешения возникающих проблем. При этом наблюдается дифференцированность этого вектора для двух стран, каждая из которых имеет свое начало и конец. Данный формат частотно трансформируется в таковой, который связан с образом врага. Это является следствием существующей конфронтации с США.

С семантико-когнитивной точки зрения архетип врага основан на таких вербальных составляющих как «чужак», «варвар», «агрессор», «преступник» [3, с. 18]. Данные вербальные

конституенты медиаобраза обладают манипуляторным потенциалом, формируя восприятие и отношение американцев к России на уровне подсознательных характеристик, косвенно или прямо отражающих сущность страны и народа. Подобные параметры связаны с понятиями агрессивности, враждебности, жестокости, насилия, угнетения, лживости, коварства.

Важно указать, что медиаобраз страны непосредственно создается и на основе портрета ее лидера, отраженного СМИ. Медиаобраз государственного руководителя формируется посредством описания и анализа его личностных и профессиональных качеств, специфики его вербальной и невербальной коммуникации.

Контекстный содержательно-семантический анализ медиаобраза президента России В.В. Путина формируется посредством используемых СМИ США метафор властного авторитарности и властности. Несмотря на то, что подобная характеристика имеет отношение к позициям профессионализма, компетентности, авторитета, лидерства, как положительных составляющих медиаобраза, фокусированное внимание приобретают именно вышеобозначенные качества, связанные с деспотизмом.

Анализируя американский медийный массив информации, необходимо констатировать значительное уменьшение частотности позитивных профессиональных и личностных качеств нынешнего российского лидера после начала специальной военной операции на Украине.

До начала военных действий медиаобраз российского лидера В.В. Путина периодически отражал позитивные коннотации в СМИ США. Так, одна из подобных положительных ассоциаций формировала медиаобраз В.В. Путина, сравнивая его с новым шерифом Ближнего Востока:

“Some observers call the Russian president the Middle East’s New Sheriff and for good reason” («Некоторые обозреватели называют российского президента новым шерифом Ближнего Востока, и небезосновательно») (перев. — Н. Г.) [12, с. 8].

При этом ранее выстраиваемый медиаобраз подкреплялся подтверждающими комментариями СМИ, сформированными на основе действительности — *“... and for good reason”* («... и небезосновательно») (перев. — Н. Г.) [12, с. 8].

Наряду с этим медиаобраз В. В. Путина строился по линии успешного игрока:

"Putin arguably has played a weak hand brilliantly" («Путин блестяще сыграл, имея на руках слабые карты») (перев. — Н. Г.) [12, с. 8].

Подобное отражение медиаобраза российского президента является очередным свидетельством в пользу его авторитета на международной арене.

Другие вербальные метафоры, созданные американскими СМИ, имели отношение к образам геополитического гения (*"geopolitical genius"*) [12, с. 8], серого кардинала Ближнего Востока (*"Middle East power broker"*) [12, с. 8].

В то же время, не успев построить представленные медиаобразы, СМИ США последнее время низвергают их, противопоставляя образ реальности и нанося этим, по их мнению, сокрушительный удар по международной политической репутации лидера России:

"Putin may have emerged as a Middle East power broker, but his gains elsewhere are tenuous" («Возможно, Путин стал серым кардиналом Ближнего Востока, но его достижения в других странах — незначительны») (перев. — Н. Г.) [12, с. 8];

"It's time to realize that claims of his (Putin's — Н. Г.) geopolitical genius are more myth than reality" («Пришло время осознать, что заявления о его геополитической гениальности — больше миф, чем реальность») (перев. — Н. Г.) [12, с. 8].

Политическая пропаганда, которой занимаются ряд средств массовой информации США, строится на уничтожении как должностного, так и человеческого достоинства российского лидера, которое создается

- риторической фигурой антитезы:

"... his legacy appears to be that of a small, frustrated man — Vladimir the Petit, itching to be a Peter the Great" («... его наследие похоже на наследие маленького, разочарованного человека — Владимира Малого, жаждущего стать Петром Великим») (перев. — Н. Г.) [17, с. 6].

"... he [Putin — Н. Г.] thinks of himself as a latter-day Ivan the Terrible, but the Russians have realized he is Czar Nicholas with a Breitling watch..." «...он [Путин — Н. Г.] думает о себе как о ново-явленном Иване Грозном, но русские поняли, что он — царь

Николай с часами Брайтлинг. ...» (перев. — Н. Г.) [17, с. 6]; упоминание царя Николая I, очевидно, связывается с аллюзией к конфликту с британскими и французскими военными, что в результате не способствовало развитию конкуренции с передовыми державами;

- анималистическими метафорами:

"Putin has a reptilian aura, only missing the scales and a tail that can grow back ..." «У Путина аура рептилии, не хватает только чешуи и хвоста, которые могут снова отрасти ...» (перев. — Н. Г.) [17, с. 6];

- сравнениями:

"Like Trepleff, for years Putin has been frustrated for what he considers the disrespect shown Russia by the west, likely personalized to be interpreted as disrespect for himself" («Как и Треплев, в течение многих лет Путин был разочарован тем, что, по его мнению, неуважение, проявленное к России Западом, вероятно, персонифицировано, чтобы быть истолкованным как неуважение к нему самому») (перев. — Н. Г.) [17, с. 6].

Данное литературное сравнение с героем повести А. П. Чехова «Чайка» достаточно неожиданно. Очевидно, СМИ США отражают попытку связать медиаобраз российского лидера с категорией героев, проповедующих духовную элитарность, с одной стороны, и стремящихся отдалиться от реальных проблем действительности, с другой стороны. Наряду с этим можно допустить и аллюзию к сюжету пьесы, когда неудавшийся спектакль Треплева, воспринимаемый как метафора к политическим делам и поступкам российского лидера, формирует ассоциативный ряд осмеянных США претензий личности на идеалы в политике.

Метафорическое отражение специфики правления современного лидера России представлено монархической метафорой, которая находит частотное выражение в образной характеристике президента В. В. Путина посредством:

- сравнения с понятием «царь»:

"The emergence of a new tsar" («Появление нового царя») (перев. — Н. Г.) [15, с. 3];

- прямого сопоставления с прецедентными именами «Иван Грозный» и «Сталин»:

"Putin the Terrible" («Путин Грозный») (перев. — Н. Г.) [18, с. 19],

"Ivan the Terrible's style of ruling seems to have set the pattern for Russia over the last 400 years including today's wannabe czar, Vladimir Putin" («Стиль правления Ивана Грозного, похоже, задал образец для России за последние 400 лет, включая сегодняшнего подражателя царя Владимира Путина») (перев. — Н. Г.) [18, с. 19],

"Putin has quietly revived Stalin in Russia" («Путин тихо возродил Сталина в России») (перев. — Н. Г.) [18, с. 21],

"... he thinks of himself as a latter-day Ivan the Terrible" («... он (Путин — Н. Г.) считает себя новоявленным Иваном Грозным») (перев. — Н. Г.) [18, с. 21],

"Writing in the Washington Post, Peter Rutland calls Putin a Stalin-lite" («В своей статье в Washington Post Питер Ратленд называет Путина смягченным вариантом Сталина») (перев. — Н. Г.) [18, с. 19];

- косвенного сопоставления с прецедентными именами «Иван Грозный» и «Сталин»:

"Nor did Putin win the hearts and minds of the people he tried to subdue" («Путин не покорил ни сердца ни умы людей, которых он попытался подчинить») (перев. — Н. Г.) [16, с. 7],

"Some suggest the Oprichniki were the ancestors of the KGB" («Предполагают, что опричники были предками КГБ») (перев. — Н. Г.) [18, с. 19],

"The cruel tendencies of Ivan the Terrible survived well into the 21st century" («Жестокие наклонности Ивана Грозного сохранились и в XXI веке») (перев. — Н. Г.) [18, с. 19],

"Stalin was particularly hard on Ukraine. ...Stalin, like Putin, couldn't stand the idea of an independent Ukraine and did his utmost to kill any movement toward independence from the Soviet Union" («Сталин был особенно суров к Украине. ...Сталин, как и Путин, не мог смириться с идеей независимой Украины и делал все возможное, чтобы пресечь любое движение к независимости от Советского Союза») (перев. — Н. Г.) [18, с. 19].

Медиаобраз Ивана Грозного может быть нарисованным и в современных реалиях. В подобном случае этот медиаобраз смыкается с портретом крутого парня и сопровождается такими характеристиками как сила с соответствующими атрибутами:

"Seizing Crimea gave Putin a trophy at the West's expense and boosted his tough-guy reputation" («Захват Крыма для Путина —

это трофей за счет Запада, который усилил его репутацию "крутого парня"») (перев. — Н. Г.) [16, с. 7].

Медиаобраз, основанный на сравнении с монархом, представляет лидера России в позиции противопоставления незыблемым американским ценностям — демократии и свободы, тем самым формируя общественное мнение в контексте негативного отношения к руководителю России.

С другой стороны, монархический медиаобраз тирана диссонирует с навязываемыми американскими СМИ якобы развивающимися признаками «трусости», прогнозируя и предвещая развитие ситуации на Украине в нужном ключе:

"Putin The Terrible: The Cowardice Of A Shunned Tyrant" («Путин Ужасный: Трусость Отверженного Тирана») (перев. — Н. Г.) [13, с. 3].

СМИ США, в том числе пресса, предпринимают целенаправленные попытки противопоставить Россию и ее лидера. Если в рамках проведения профессионального анализа национальных достижений во внимание принимается совокупный взгляд как на страну непосредственно, так и ее лидера [4, с. 163], то в отношении России периода специальной военной операции на Украине вышеобозначенные позиции расчлняются и рассматриваются автономно.

Данный подход находит отражение в беспрецедентных попытках средств массовой информации США осуществить противопоставление России и ее лидера. С одной стороны, утверждается величие страны и ее народа:

"What we know about the Russian people is that they are gifted beyond measure in literature, music, poetry, drama, dance, sports, the hard sciences, and of course, chess" («Что мы знаем о русском народе так это то, что он безмерно одарен в литературе, музыке, поэзии, драме, танцах, спорте, точных науках и, конечно же, в шахматах») (перев. — Н. Г.) [17, с. 6].

С другой стороны, внимание фокусируется на отсутствии соответствия между величием народа России и ее руководства:

"So to see such a great land ruled by such a small, diminished but cruel man is painful" («Поэтому больно видеть, как такой великой страной правит такой маленький, униженный, но жестокий человек») (перев. — Н. Г.) [17, с. 6].

Подобные манипуляторные технологии привели к тому, что национальный бренд России отразил понижение своих позиций на 8 пунктов в 2022 г. по сравнению с предыдущим годом. В результате российская держава заняла 24 место в общемировом рейтинге национального брендинга [10, с. 93].

В рамках данного исследования под понятием национального брендинга подразумеваются сферы теоретической и практической деятельности, нацеленные на процесс построения, измерения и управления репутацией и образом (имиджем) стран [9, с. 8]. При этом понятие бренда страны связывается с совокупностью отличительных особенностей страны, способствующих выделению ее преимуществ на фоне конкуренции с другими странами и привлечения внимания заинтересованных сторон [1, с. 8; 2, с. 63].

Соответственно медиаобраз России, формируемый средствами массовой информации США, предстает как несоответствующий свойственным американской культуре ценностям, чуждый духу современной цивилизации, а национальный брендинг отражает недостаточность и несовершенство используемых технологий по его практической реализации на международном уровне. Это, в свою очередь, создает помехи в урегулировании политического кризиса между США и Россией, в налаживании межгосударственных отношений двух стран.

Такие медийные манипуляции необходимо замечать и быть в состоянии им противостоять. Для этого необходимы знания в области лингвострановедения, истории и культуры анализируемой страны, этнопсихологии ее народа, с одной стороны. В то же время важно иметь требуемую лингвистическую подготовку для аналитического чтения информационного или новостного материала. Данная подготовка становится особенно продуктивной в совокупности с риторическим анализом текста.

В рамках освоения лингвориторического подхода к текстовому анализу важно развивать умение определять соответствие текста реальной политической ситуации, понимать поставленные прессой США задачи, видеть их отражение в медийном продукте. Не менее важным представляется оценить целевую установку редакции или автора текста на фоне

взаимоотношения последнего со своей реальной и потенциальной аудиторией. Навык нахождения в тексте аргументов отражаемой точки зрения и их отнесение к соответствующим типам и видам аргументации также является полезным в этом процессе. Это способствует осознанию, нахождению и противостоянию текстовым манипуляторным приемам. Подобная работа может быть достаточно эффективной в ходе практических занятий по английскому языку на всех уровнях его изучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анищенко К.Л., Смык Г.Б. Национальный бренд как явление в международных экономических и политических отношениях//Либерально-демократические ценности. 2019. Т. 3. № 4. С. 8—16.
2. Анхольт С.П. Создание бренда страны//Менеджмент. 2021. № 1. С. 57—64.
3. Балика З.С. Роль архетипов в политической жизни общества//Общество. 2019. № 3. С. 16—23.
4. Зеленин М.В. Акторы формирования образа России в зарубежном медиапространстве//Вопросы теории и практики журналистики. 2018. Т. 4. № 2. С. 159—169.
5. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М.: Русский язык, 2021. 1263 с.
6. Орлова Е.Л. Метафорические образы России, Америки и Германии в политическом дискурсе немецких СМИ: дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2012. 93 с.
7. Почепцов Г.Г. Имиджелогия. М.: Слово, 2018. 496 с.
8. Шишкина М.А. Паблик рилейшнз в системе социального управления. СПб.: Из-во С.-Петерб. ун-та, 2019. 398 с.
9. Anholt S.K., Govers R.P. The good country index. New York: Appleton, 2022. 369 p.
10. Brand Finance Nation Report. Washington, 2022. 126 p.
11. Dinnie K.P. Nation branding: concepts, issues, practice. Oxford: University Press, 2021. 329 p.
12. Fidler S.B. Don't call Mr. Putin a genius//The Wall Street Journal, 2021, March 16, p. 8.
13. Harvey M.T. Putin the Terrible: the cowardice of a shunned tyrant//3 Quarks Daily, March 14, 2022, p. 3.
14. Lock S.P. Annual change in number of United States residents traveling overseas from 2002 to 2022//Statista, 2022, Jun 3, p. 6.
15. McCarthy A.P. Russia choice: Putin at war//New York Post, 2022, September 16, p. 3.
16. Phillips A.T. Putin won but Russia is losing//The Washington Post, 2022, March 18, p. 7.

17. *Remnick D.K.* The weakness of the despot//The New Yorker, 2022, March 11, p. 6.

18. *Taylor J.P., Starobin P.K.* Putin the Terrible//The Atlantic, 2022, September, pp. 18—26.

Коптелова И. Е.

Koptelova I. E.

HUNGARIKUM — ЭТО О ВЕНГРИИ

HUNGARIKUM IS ABOUT HUNGARY

Аннотация: Статья содержит некоторые сведения о хунгарикумах, которые используются для обозначения уникальных реалий Венгрии. Хунгарикум — это особый термин в венгерском языке для обозначения редких и типично венгерских предметов, явлений, продуктов и услуг. Кратко излагается процесс регистрации хунгарикумов, а также обращается внимание на существующую коллизию, возникшую в подходе к определению хунгариков, в первую очередь в двух категориях — пищевые продукты и гастрономия.

Ключевые слова: хунгарикумы; гастрономия; рыбный суп (халасле); Токайское асу; конная стрельба из лука

Abstract: The article contains some information about Hungarikums, which are used to designate unique realities in Hungary. Hungarikum is a special term in the Hungarian language for the designation of rare and typical Hungarian realities — objects, phenomena, products and services. The article outlines briefly the process of registering hungarikums and draws attention to the existing collision arising from different approaches when designating what can be called Hungarikum, especially those associated with two categories of hungarikums, i. e. food products and gastronomy.

Key words: hungarikums; gastronomy; fish soup (halaszle); Takaj aszu; L. Kassai's horse archery technique.

Все больше и больше люди денационализируются, изменяя национальный стереотип, а нации и культуры приобретают космополитические черты. Нам говорят, что обращаться к национальным стереотипам — политически некорректно, нетолерантно. Национальный стереотип, который представляет собой мифологическую модель осознания и оценки окружающего мира, существует у многих народов. Он дает возможность индивиду предсказывать модели поведения окружающих его людей другой национальности. Но националь-

ный стереотип может сложиться не только у представителей той или иной национальности, но и у самой страны.

Когда вы думаете о Венгрии, какие ассоциации у вас рождаются? Суп гуйяш и бокал токайского асу, венгерская оперетта и венгерские гусары, огненный чардаш и огненная паприка. Правильно, все перечисленное — это составляющие национального стереотипа страны, а сейчас это все — хунгарикумы.

Если классические мифы сознания формировались стихийно, то современные мифы зачастую имеют авторство. Хунгарикумы — это попытка создать образ страны или ее бренд (зависит от цели создания, но это не является предметом данной статьи).

Само слово «хунгарикум» (hungarikum) представляет собой бленд, созданный из «осколков» из двух латинских слов: Hungaria + unicum, т. е. название страны + уникальный/единственный (с заменой буквы “с” на “k” для сохранения в венгерском языке звука [k] в новообразованном слове).

Определение, что такое хунгарикум, можно найти на официальном сайте Хунгарикум www.hungarikum.hu [5]. «Хунгарикум — это собирательный термин, обозначающий ценность, достойную отличия и выделения в единой системе квалификаций, классификации и регистрации, которая представляет собой высокое достижение венгерского народа благодаря его типично венгерским характерным признакам, уникальности, специфичности и качеству. В начале XXI века было организовано движение, целью которого было систематизировать и обобщить венгерские ценности».

Как уже упоминалось, создание системы хунгарикумов имеет своих авторов. Движение за «хунгарикум» началось в 1999 г. Тогда четыре венгерские компании, известные во всем мире — винный торговый дом Токай (Tokaj Kereskedőház Rt.), производитель венгерского бальзама Уникум Цвак (Zwack Unikum Rt.), предприятие в г. Сегед по изготовлению венгерской «зимней» колбасы салями Пик (Pick Szeged Rt.) и фарфоровая мануфактура в Херенде (Herendi Porcelanmanufaktura Rt.) — объединились в клуб «Хунгарикум» для создания и продвижения образа страны и своей продукции. Затем к ним присоединились и другие организации: например, в 2003 году

в клуб «Хунгарикум» вступил Фонд производителей халашских кружев (г. Кишкунхалаш).

Целью объединения изначально явилось желание защитить уникальные венгерские торговые марки при их продвижении на международный рынок (а у торгового дома Токай были споры с соседями-словаками относительно бренда «асу»). А лучшая защита — доказать, что твоя продукция уникальная, единственная в своем роде. Благодаря этому объединению, в начале XXI века в Венгрии возникла стихийная инициатива по сбору и сохранению национальных ценностей, которая затем преобразовалась в широкое общественное движение. Главной его целью стали сбор и подробное описание хунгарикумов, внесение их в специальный реестр, который сможет обеспечить им соответствующую защиту, учёт и сохранение для последующих поколений. Эти ценности должны быть основой национального самосознания и укрепить единство венгерского народа, наряду с этим сохранение и популяризация народных обычаев и традиций может принести Венгрии и культурные дивиденды с позиции дипломатии и туризма. Собрание национальных ценностей способно доказать как венгерским гражданам, так и всему миру, что созидательный талант венгров достоин признания. Противопоставить этому было нечего, и гражданскую инициативу поддержало государство.

Для придания соответствующего правового статуса процессу отбора, документирования и популяризации национальных ценностей и хунгарикумов венгерский парламент 02 апреля 2012 года единогласно принял законодательный акт о национальных ценностях и хунгарикумах (**A magyar nemzeti értékekről és a hungarikumokról szóló 2012. évi XXX. törvény**), в который в 2015 году были внесены изменения (относительно венгерских культурных и природных объектов из списка ЮНЕСКО). Закон, вступивший в силу 01 июня 2012 года, определяет хунгарикум следующим образом: «Хунгарикум — это обобщающее понятие, которое при единой системе классификации и учёта обозначает такую заслуживающую избирательности и отличия ценность, которая, благодаря своим особым свойствам, качеству и уникальности, является высшим достижением венгерской нации» [7].

Рис. 1 Структура формирования Реестра национального достояния

Как именно что-то становится хунгарикумом? Система построена по принципу пирамиды и имеет три четко дифференцированных уровня. В базовый уровень входят поселковые, региональные и областные реестры, отраслевые реестры и зарубежный национальный реестр — уровень национальных ценностей. Интересно, что этот уровень формируется представителями различных отраслей, включая традиционные производства, населением муниципальных и областных единиц и венгерскими общинами за рубежом, что правительство считает особенно важным для поддержания венгерской идентичности среди тех, кто сейчас проживает за пределами этнической родины.

Средний уровень — Реестр национального достояния, и ценности, достигающие этого уровня, уже считаются выдающимися национальными ценностями. Высший уровень — Реестр Хунгарикумов, который на 22 января 2022 г. состоял из 83 исключительных ценностей. Мы можем говорить о «национальных ценностях», когда городские, уездные, областные или зарубежные комитеты по ценностям данной местности решают, что что-то представляет для них особую ценность. На практике это означает, что, например, если Комитет по сбо-

ру ценностей Веспреме принимает решение о том, что конкретная местная вещь должна быть зарегистрирована как ценность, то она становится частью системы. Предмет, который уже был выбран в качестве национальной ценности, может по решению комитета Хунгарикум попасть в середину пирамиды, Реестр национального достояния, а это означает, что сделан первый шаг на пути к тому, чтобы стать высшей общенациональной ценностью — хунгарикум. Ценности могут войти в вышеупомянутую высшую категорию только в том случае, если они уже находятся в Реестре национального достояния. Решение об этом также принимает комитет Хунгарикум.

Уже во время работы над законом столкнулись два основных подхода. Один из них предлагал централизованное управление и контроль, таким образом, создавался бы единый центральный орган, который на основе единых разработанных критериев принимал бы решение о содержании местных (региональных) реестров. Однако, эту позицию многие не поддерживали: не может «человек со стороны» указывать местным жителям, что для них является ценностью. Только они сами в реальности знают и помнят свои обычаи и традиции, хранимые местными сообществами веками. Для выбора региональных ценностей необходима определённая методическая помощь, но никак не орган контроля сверху. И этот, второй, подход поддержало большинство. Таким образом, открытие регионального реестра ценностей стало добровольным решением каждого населённого пункта, а местные жители получили право выбора и предложения местных хунгарикумов [2, с. 97—98].

Чем можно объяснить такую всенародную поддержку инициативы по созданию системы хунгарикумов? На наш взгляд, существуют несколько причин.

Во-первых, венгры — последний кочевой народ, пришедший в Европу и создавший собственное государство. По историческим меркам это произошло недавно — в IX веке. Венгры осознают, что, хотя их история писалась в Европе, и Европа оказывала влияние на культуру, она также несет в себе следы их азиатского происхождения. Их культурные коды не относятся ни к англосаксонскому, ни к латинскому, ни к славянскому миру. Это создает ощущение замкнутости, «инаково-

сти» и заставляет вновь и вновь обращаться к проблеме самовосприятия [3, с. 17].

В свое время немецкий философ Й. Г. Гердер дал довольно пессимистичную оценку будущего венгров. «Единственный народ во всей этой расе, оказавшийся в числе завоевателей — это венгры, или мадьяры. Здесь, между славян, немцев, валахов и других народностей, венгры составляют меньшую часть населения, так что через несколько веков, по-видимому, нельзя будет найти и сам их язык» [1, с. 324]. С этого определения Й. Г. Гердера, шокировавшего образованные круги венгерского общества, «определения, — как писал венгерский мыслитель Дюла Ййеш, — не злоумышленного, но все же фатального», — началось то «пробуждение», которое провозгласит венгров инородным телом среди многих, связанных друг с другом общностью судьбы, народов». Практически весь XIX век шла дискуссия о венгерской идентичности, об их месте в Европе и исторических корнях.

Во-вторых, после Первой мировой войны венгры оказались разделенным народом: часть этнических венгров остались на отчужденных территориях, которые в тот момент стали частью других стран. Консервативность венгерского общества еще больше возросла, в первую очередь, уважение к традициям, которые помогали сохранять этническую идентичность, в том числе и в общинах венгров, оказавшихся за границами своего государства.

Поэтому первоначальная инициатива знаменитых брендов и получила такую широкую поддержку, причем именно снизу.

Все хунгарикумы делятся на несколько категорий. На 22 января 2022 г. таких категорий восемь:

- 1) сельское хозяйство и пищевая промышленность (26 объектов);
- 2) здоровье и образ жизни (5 объектов);
- 3) архитектурные объекты (1 объект);
- 4) промышленные и технологические решения (3 объект);
- 5) культурное наследие (37 объектов);
- 6) спорт (2 объекта);
- 7) природные объекты (3 объекта);
- 8) туризм и гостиничное хозяйство (6 объекта)

Интересно, какие культурные объекты попали в раздел «Культурное наследие». Во-первых, это объекты из списка ЮНЕСКО — их семь плюс 1 из категории «Природные объекты», например, Национальный парк Венгерская пуста — Хортобадь или тысячелетнее бенедиктинское аббатство в Паннонхалме и его природная среда. Часть этого списка — традиционные ремесла: вышивка различных регионов и традиционное кружево, без которых невозможно представить традиционный праздничный наряд венгерских женщин.

К этой категории относится музыка: старинные венгерские музыкальные инструменты (тарогато и цимбалы), народные песни. А какая музыка может быть без цыгана-премьера? Поэтому в список хунгарикумов внесен Цыганский оркестр из 100 музыкантов, который исполняет и народные песни, и танцевальные мелодии, и мелодии венгерской оперетты, которая тоже является хунгарикумом.

Своеобразная ситуация возникла с венгерским фарфором и керамикой. Мы упоминали, что фарфоровая мануфактура в Херенде (Herendi Porcelanmanufaktura Rt.) была одним из основателей клуба «Хунгарикум». Фарфор ее производства внесен в список хунгарикумов. Здесь же в списке — Культурный квартал Жолнай (квартал мастеров), в основном место, где когда-то производили отмеченный медалями Всемирных выставок фарфоровый фаянс, украшенный высокотемпературной глазурью. К сожалению, фабрика закрылась в 1999 г., но была переделана в культурный квартал, гуляя по которому с трудом верится, что окружающие здания — производственные и административные, а не декорации к сказкам. Здания — лучшая реклама керамике Жолнай. Но поскольку В. Жолнай потребовалось много лет на разработку своей продукции, то сам фарфор и керамика Жолнай относятся к категории «Промышленные и технологические решения», что, если не знать историю развития фарфора в Венгрии, несколько сбивает с толку.

Отголоски кочевого прошлого венгров можно найти в двух хунгарикумах: венгерском традиционном луке IX—XI вв. и в соколиной охоте. С венгерским композитным луком связан еще один хунгарикум, но из раздела «Спорт»: метод конной стрельбы из лука, разработанный Л. Кашшаи, который

возродил навыки стрельбы кочевого народа в качестве вида спорта и успешно продвигает его как в самой Венгрии, так и в других странах.

Однако, представители промышленности все чаще выражают скептицизм в отношении такого подхода. Это касается, прежде всего, хунгарикумов в категориях «Сельское хозяйство и пищевая промышленность» и «Туризм и гостиничное хозяйство». В первую входят 26 хунгарикумов, из них 21 — продукты питания, среди них **Unikum keserűlikőr**/Лечебный ликер на травах «Уникум», всемирно известное вино **Tokaji aszu**/Токайское Асу, **Palinka**/Палинка (венгерская фруктовая водка), молотая красная паприка (несколько видов); различные сорта колбасы и упоминавшейся уже салями. Вторая категория из 6 наименований представлена в основном знаменитыми блюдами венгерской кухни, такими как **Birkapörkölt**/жаркое (пёркёлт) из баранины, **Gulyásleves**/суп Гуйяш [4], **Halászlé**/уха, **Dobostorta**/торт Добош [6].

Не совсем понятно, какое преимущество дает то, что продукт указан как хунгарикум. Но что еще более важно, это — какова гарантия хорошего качества, когда дело касается понятия, которое довольно часто используется в общих чертах? Среди хунгарикумов можно найти различные виды колбас. Некоторые из них (**Csabai**, **Gyulai** и **Debreceni kolbász**) получили свое название от городов, где они производятся (**Békecsaba**, **Gyula**, **Debrecen**). Они широко известны еще с XIX века, награждались медалями на Всемирных выставках, и даже в таких «колбасных» странах как Германия и Австрия можно встретить колбаски, которые называются **Debrecziner**. Но представители пищевой промышленности задают вопрос: как можно сравнивать конкретные бренды, такие как **Pick**, **Herz**, **Unicum**, с общими понятиями, такими как колбаса **Csabai** или фруктовая водка **rálinka**, упомянутые без какой-либо категоризации или региона происхождения. Производство первых осуществляется по строгим правилам, а иногда даже по секретным семейным рецептам (напримар, **Unicum**), а продукты общего понятия могут быть любого качества. Несмотря на то, что закон о производстве палинки улучшил качество напитков, продаваемых в магазинах, все еще можно найти поддельные

или низкокачественные версии, которые весьма далеки от того, что следовало бы относить к хунгарикам.

После Трианонского договора часть Токайского винодельческого региона заходит на территорию Словакии, где тоже производят Токайское асу. Поскольку долгое время Токайские виноградники в Словакии (Чехословакии) были небольшими по площади, споров не возникало. Он начался в 1964 году, когда из словацкого Токая впервые было экспортировано вино в Австрию, рынок которой заполнялся исключительно Венгрией. Конфликт был урегулирован в двустороннем соглашении, по которому Венгрия выкупала у Словакии излишки вина, которые не мог «поглотить» внутренний рынок. Так было до 1989 года включительно, затем срок соглашения истек, и спор возобновился.

В ноябре 2012 года Европейский суд отклонил иск Венгрии об удалении словацкой записи *Vinohradnícka oblasť Tokaj* из *E-Bacchus*, электронной базы данных, содержащей реестр наименований происхождения и географических указаний, охраняемых в ЕС. Венгрия подала апелляцию на решение суда общей юрисдикции. В феврале 2013 года Суд ЕС отклонил апелляцию Венгрии. В своем решении суд заявил, что регистрация Словакией своей *Vinohradnícka oblasť Tokaj* в европейской базе данных *E-Bacchus* не дает основание для судебного иска. В результате, согласно действующему законодательству ЕС, винодельческий регион Токай расположен как в Венгрии, так и в Словакии. Поэтому производители вина как из венгерского региона Токай, так и из словацкого региона Токай могут использовать товарную марку **Tokaj**.

Представители туристической и гостиничной отрасли указывают на ситуацию с рыбными супами-хунгариками (**Bahai Halászlé** и **Tiszai Halászlé**), которая еще более сложная. Халасле (**halászlé**) — это разновидность свежеприготовленной ухи из дикой речной рыбы. Из-за проблем с получением дикой речной рыбы (в течение нескольких лет существует запрет на вылов рыбы из Тисы из-за резкого сокращения популяции, вызванного техногенной катастрофой) рестораторам приходится либо использовать свежую рыбу, произведенную на рыбных фермах, либо вообще закупать мороженую. Вторая проблема с рыбными супами в том, что многие рестораны

до сих пор готовят рыбный суп заранее в большом количестве, а затем замораживают его. Такую уху вряд ли можно считать свежеприготовленной, что, однако, является требованием для качественного хунгарика.

Несмотря на усилия по обеспечению хорошего качества, нынешний обобщающий подход системы хунгарикум в случае с блюдами венгерской кухни или продовольственными товарами ведет к невятным критериям качества. Как заявляют некоторые эксперты (например, Тамаш Б. Молнар, основатель Венгерской гастрономической ассоциации), было бы лучше определить критерии качества, как это делают в Испании или Франции (маркировка *Label Rouge*, которая отличает продукты, ингредиенты и растения отличного качества от продуктов общего качества). «Без строгих профессиональных критериев это только понты, или развитие национального чувства...» [6] Венгерская гастрономическая ассоциация создала и зарегистрировала торговую марку «Золотая лента», которая означает высокое качество. Ассоциация была бы счастлива, если бы смогла убедить правительство изменить подход, потому что считает, что должна принимать участие в процессе контроля. Ассоциация основывала свои критерии на французском опыте. Проще говоря, качественные злаки, овощи и животные должны поступать с экоферм и быть натуральными продуктами. Между ассоциацией, Министерством сельского хозяйства и Национальным управлением безопасности пищевых цепочек было заключено соглашение; дела продвигаются медленно, и ведомства не совсем осознают важность дела. Ассоциация считает, что создание настоящей гастрономии представляет интерес всей страны, а система Хунгарикум все больше и больше движется в другом направлении.

Мы полагаем, что именно в этих случаях наблюдается конфликт между желанием венгерского народа создать образ своей страны благодаря хунгарикам и стремлением представителей промышленности (в первую очередь пищевой и туризма и гостиничного бизнеса) разработать бренд страны. Удастся ли разрешить эту коллизию — покажет будущее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гердер И. Г. Избранные сочинения, М.-Л., 1959. С. 324.

2. Дремина Л. Д. Хунгарикумы как отражение венгерских реалий // Филологические науки в МГИМО. 2019. № 2 (18). С. 96—105.

3. Коптелова И. Е. Концепты «Восток/Азия» в венгерском политическом дискурсе // Диалог культур Востока и Запада через призму единства и многообразия в преемственности и модернизации общественного сознания: древний мир, средневековье, новое и новейшее время. Сб. научных статей. Алматы, Екатеринбург. 2020. С. 16—21.

4. Коптелова И. Е. Гуйаш, наследие кочевников // Филологический аспект. 2021. № S2 (3). С. 6—12.

5. *Hungarikumok*. Hivatalos oldal (electronic resource). URL: www.hungarikum.hu

6. *Magyar Kormany*. Hivatalos oldal (electronic resource). URL: <https://hungarikum.kormany.hu/hungarikumok-gyujtemenye> (Date of retrieval 03.11.2022)

7. A magyar nemzeti értékekről és a hungarikumokról szóló 2012. évi XXX. törvény (electronic resource). URL: <https://hungarikum.kormany.hu/jogszabalyok> (Date of retrieval 03.11.2022)

8. Alexandra Béni. What exactly are the hungarikums? Daily news Hungary · 08/04/2017 (electronic resource). URL: <https://dailynewshungary.com/what-exactly-are-the-hungarikums/> (Date of retrieval 03.11.2022)

Лобанова О. Н.
Lobanova O. N.

СТАНОВЛЕНИЕ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИСПАНО-ЕВРЕЙСКОГО СУБЭТНОСА И СЕФАРДСКОГО ЯЗЫКА

FORMATION AND CURRENT STATE OF THE SPANISH-JEWISH
SUBETHNOS AND SEPHARDIC LANGUAGE

Аннотация: современное состояние и тенденции сефардского языка характеризуются перманентным и повсеместным сокращением собственного использования, в том числе внутри самой испано-еврейской субэтнической группы, а также вытеснением языками, являющихся доминантными в различных географических ареалах. Подобные тенденции во многом определяются историческим процессом и условиями жизни народа-носителя, направленными на географическую децентрализацию, территориальную разрозненность сефардов, учитывая разнонаправленность эмиграционных потоков данного народа.

Ключевые слова: сефардский язык; ладино; испано-еврейский субэтнос; сефарды; миграция

Abstract: the current state and trends of the Sephardic language are characterized by a permanent and widespread reduction in their own use, including within the Spanish-Jewish subethnic group itself, as well as the displacement of languages that are dominant in various geographical areas. Such trends are largely determined by the historical process and conditions in relation to the carrier people, aimed at geographical decentralization, territorial fragmentation of the Sephardim, characterized by the multidirectional emigration flows of this people.

Key words: Sephardic language; Ladino; Spanish-Jewish subethnos; Sephardim; migration

Становление и развитие сефардского языка (ладино, еврейско-испанский) на территории Пиренейского полуострова неразрывно связаны с протекающими в данном регионе историческими административно- и военно-политическими, миграционными, а также культурно-религиозными процессами, начиная с распространения влияния Римской Империи в Иберии, последующего подчинения Западного Средиземноморья власти Арабского халифата и заканчивая периодом Реконкисты христиан, в результате которой народ, являющийся носителем языка ладино, подвергся гонению и вытеснению с территории Иберийского полуострова. Последующее развитие сефардского языка в большинстве своём связано с вынужденным переселением в другие географические местности и влиянием иных культур, распространённых на территории стран, в которые осуществлялась эмиграция носителей. Иудео-испанский ладино не следует путать с ладино или ладинским языком, на котором говорят в части северо-восточной Италии, который тесно связан с румани-ладинским языком Швейцарии. Эти два языка не имеют ничего общего ни с евреями, ни с испанским языком, кроме того, что они, как и испанский, романские языки [2; 3].

Истоки формирования еврейско-испанского языка связаны с переселением на европейский полуостров Западного Средиземноморья представителей еврейского народа из Святой земли и образованием в Иберии самостоятельной субэтнической группы евреев, впоследствии получившей наименование «сефарды», что с современного иврита переводится как «испанцы».

Первая многочисленная волна эмиграции евреев в Испанию сформировалась в результате завоевания Иудеи в 70 г. н. э. римским императором Титом Флавием Веспасианом, напри-

вившим многих пленных евреев Иерусалима в Иберию. Первым же официальным документом, доказывающим факт проживания евреев на территории Пиренейского полуострова, стал Свод норм и правил, принятых в ходе Эльвирского собора во втором десятилетии IV века в городе Гранада, расположенного на юге современного испанского королевства.

Период арабского владычества над обширными территориями Иберийского полуострова 711—1492 гг. связан с так называемым «Золотым веком» еврейской культуры и языка в Испании, характеризующимся терпимым отношением мусульман в отношении еврейства. «Золотой век» еврейства, длившийся вплоть до XII века, отмечен всеобъемлющими свободами, процветанием еврейской религиозной и культурной жизни, занятием евреями многих высоких административно-политических должностей в мусульманской Испании. «Золотой век» еврейства — деятельностью знаменитых испанских философов, поэтов, литераторов и ученых еврейского происхождения, проживавших на территории Испании в период арабского владычества — Шмуэль ха-Нагид, Шломо ибн Габироль, Моше ибн Эзра, Иегуда Галеви, Моше бен Нахман, Авраам ибн Эзра и многие другие еврейские деятели [1].

Реконкиста — возвращение христианами утраченных территорий Иберии, имела значительные последствия для испанских евреев. Завершившийся в начале XII века «Золотой век» еврейской культуры и языка сменился новыми притеснениями народа как со стороны некогда терпимых мусульман Испании, обратившихся за военной и политической помощью к единоверцам в Северной Африке, являвшихся куда менее лояльными к иным культурам, языкам и вероисповеданиям, так и со стороны христиан, стремившихся обратить в свою веру население, проживавшее на освобожденных территориях Иберии.

Одним из проявлений гонения испанских евреев со стороны христиан являлся указ 1412 года, в соответствии с которым евреям запрещалось носить дорогую одежду в общественных местах, занимать государственные посты, а также заниматься ростовщичеством. Период насильственной христианизации Испании, начавшийся в 1469 году, распространившись как на иудеев, так и на мусульман, был отмечен стремлением хри-

стианских правителей воссоздать монорелигиозное католическое испанское государство. К 1480 году гонения только усилились. Так, испанские евреи подвергались политике сегрегации, в рамках которой место их проживания ограничивалось строго отведенным резервациям, покидать которые разрешалось исключительно в период осуществления трудовой деятельности. В этот период особые полномочия получила инквизиция, которой разрешалась казнь и конфискация имущества в случае доказательства проведения иудейских религиозных обрядов крещеными евреями. Так, к 1490 году порядка 13 тысяч испанских евреев были осуждены за мнимые крещения. Часть из них были подвергнуты процедуре сожжения.

Апофеозом гонений испанских евреев со стороны христиан стал Альгамбрский эдикт, изданный после окончательного искоренения власти мусульман на Пиренейском полуострове и завершения Реконксты. В соответствии с ним все евреи, проживавшие на территории Иберии, были обязаны покинуть Испанию в случае отказа от публичного обращения в христианство. По истечении срока для всех испанских евреев, исповедующих иудаизм, прекращалось распространение любых испанских законов [10].

Остаётся дискуссионным вопрос о том, каково реальное число евреев, покинувших Испанию. По различным подсчетам их количество варьируется от 130 тысяч до 300 тысяч. Многочисленной группой являлись евреи, принявшие христианство и оставшиеся жить на территории Испании, их принято называть марранами. Так, в результате исследования Лидского университета Великобритании, порядка 1/5 населения современного испанского королевства имеют еврейские гены. Аналогичная судьба ждала евреев, проживавших на территории Португалии или эмигрировавших в эту страну из Испании в результате Альгамбрского эдикта. Так, уже спустя пять лет после изгнания испанских евреев, идентичные предписания издал португальский король Мануэль I, окончательно покончивший с вопросом проживания евреев на всём Иберийском полуострове [7].

Таким образом, фактически утвердившийся в качестве самостоятельного субэтноса, имеющего идентичные культурные обычаи и язык, народ иберских евреев был вынужден по-

кинуть ареал собственного полуторатысячелетнего обитания и оказался разбросан по множеству стран Средиземноморья.

Как уже было отмечено, евреи, проживавшие на территории Испании, Португалии и изгнанные с Пиренейского полуострова в результате гонений со стороны христиан, были названы сефардами, что с современного иврита означает «испанцы». В большинстве своём сефарды переселялись в регион Балканского полуострова, находящийся к моменту эмиграции под властью турецких султанов, активно привлекавших сефардов для заселения захваченных в результате падения Византийской империи территорий, где переселенцам предоставлялись свобода вероисповедания, возможности беспрепятственной экономической, культурной деятельности, а также государственной службы. Одним из примеров проводимой турками миграционной политики в регионе Балкан в отношении евреев является греческий город Салоники, в котором вплоть до начала XX века доля сефардов составляла более 50 % всего населения, а язык ладино утвердился не только в качестве официального, но и первого языка города [9].

Рис. № 1 Миграционные потоки сефардов в результате изгнания из Испании 1492 г.

Сефардов принято рассматривать именно в качестве самостоятельной субэтнической группы еврейского народа. Идентичность сефардов связана с тем, что более чем полуторатысячелетнее пребывание в иберском регионе способствовало возникновению культурно-религиозных черт, отличных от других субэтнических групп евреев, например ашкеназов (евреев Северной Европы) или мизрахов (евреев Востока).

Одновременно с этим, для культуры евреев Иберии были характерны идентичные языковые черты, сформировавшиеся под влиянием кастильского диалекта испанского языка и, в период проживания евреев на территории Пиренейского полуострова, образовавшие собственную еврейско-кастильскую идиому «ладино», схожую с испанским языком и относящуюся к иберо-романской подгруппе романских языков, но также сохранившую ивритские слова.

Формирование же самостоятельного сефардского языка напрямую связано с описанными выше событиями, связанные с гонением иберийских евреев с территории Пиренейского полуострова. Изгнание сефардов способствовало дальнейшему развитию еврейско-испанского языка в уникальном, отличном от испанского, ключе, а также его преобразованию в самостоятельный сефардский язык, включивший в себя черты различных еврейских иберо-романских диалектов и обладающий собственной уникальной структурой.

В связи с тем, что ареал расселения сефардов в результате изгнания из Испании оказался географически обширным, сефардский язык приобрел множество собственных диалектов, поддающихся классификации по принципу географического распространения и рассматривающийся в качестве восточной «джудио» (диалекты Турции, а также государств Балканского полуострова) и западной «хакития» (диалекты Северной Африки) групп диалектов сефардского языка.

Особенности сефардского языка, имеющего черты древнееврейской идиомы, в частности по вопросу сохранения алфавита, касаются произношения букв, которое отличается от такового среди, например, ашкеназской субэтнической группы евреев. В связи с тем, что древний иврит включает в себя множество букв, по своему звучанию схожих друг с другом, различие в произношении букв ашкеназами в процессе

собственного лингвистического развития утратилось. В то же время сефардский язык, содержащий древнееврейский алфавит, сохранил указанные фонетические различия. К соответствующим примерам можно отнести буквы «хет», «хаф», «аин», «алеф».

Также особенностями сефардского языка в части фонетической составляющей являются пересечение с лингвистическими чертами кастильского языка, включающими фрикативные согласные “s” и “z”, а также “f” и “v”. Перечень фонем сефардского языка включают самостоятельные [dʒ] и [ʒ], отсутствующие в современном испанском языке.

Особенностью сефардского языка в фонетической части является отсутствие палатализации согласных букв, трансформации гласных букв “e” и “o” в “u” и “i” в случае, если ударение не ставится на указанные буквы, а также ряд других фонетических характеристик.

Лексические особенности сефардского языка значительно разнятся в зависимости от региона географического распространения и влияния доминирующих языков на определенных территориях. Так, например, восточные диалекты сефардского языка изобилуют по своему лексическому составу словами, заимствованными из турецкого языка или же итальянского языка. Можно выделить особое влияние лексического состава французского и греческого языков в рамках балканского географического ареала распространения сефардского языка. В то же время, ареал распространения в североафриканском регионе характеризуется серьезным лексическим влиянием арабского языка. Одновременно, лексическую основу сефардского языка составляют именно слова иберо-романского происхождения, тем не менее, подвергшиеся значительным фонетическим и морфологическим изменениям. Многие из иберо-романских слов на сегодняшний день являются архаизмами. Наличие в сефардском языке древнееврейской лексики формируется в большинстве своём на культурно-религиозном, церемониальном фундаменте.

Текущий лексический состав сефардского языка представлен в виде множества испанских архаизмов периода средневековья, уже не употребляемых в современном испанском языке. Отмечается обилие словарного состава, используемого

в старых арагонском, астури-леонском, каталанском, галисийском диалектах. В общей сложности доля лексики диалектов региона Пиренейского полуострова в сефардском языке составляет примерно 60%. Немалую долю занимает лексика доминирующих языков, употребляемая в различных ареалах распространения сефардского языка [4].

Особенности морфологического характера заключаются в отличии сефардского языка от испанского в части применения рода к тем или иным существительным, а также формам единственного и множественного чисел. Наблюдается отличное от современного испанского языка использование местоименных форм и падежей. Так, в сефардском языке сохраняются местоимения второго лица *tu*, *vos* и *vosotros*. При этом, местоимения *usted/ustedes* в сефардском языке отсутствуют. Особенностью является наличие в сефардском языке большего числа падежей в сравнении с испанским языком.

Рис. № 2. Географическое распространение сефардского языка (XXI век)

В середине XX века ареал географического распространения сефардского языка претерпел значительные изменения. Первопричиной данного явления оказались многочисленные волны миграции сефардов, связанные с доминирующей в Европе в тот период политикой антисемитизма, направленной на политические гонения евреев независимо от их субэтнической принадлежности. Сефарды, являвшиеся носителями

одноименного языка, очередной раз были вынуждены менять место собственного проживания. Основными географическими направлениями новой волны миграции стали государства дальнего Запада (США, Бразилия, Аргентина, Венесуэла, Уругвай и ряд других стран обоих континентов Америки), в границах которых сефарды проживают по сей день [5].

Иным политическим событием, определившим текущий ареал распространения испанских евреев и сефардского языка, стало образование в 1948 году современного Израиля, что способствовало возвращению евреев многих субэтнических групп, включая сефардскую, на историческую родину.

Современные географические ареалы распространения сефардского языка, а также сефардской субэтнической группы еврейского этноса в качестве его носителя в значительной степени определялись вышеописанными историческими процессами.

На сегодняшний день общее число сефардов оценивается в диапазоне 1,5—2 миллионов человек [8]. Современное географическое распространение сефардов выглядит следующим образом:

— Израиль (650—750 тыс.);	— Италия (30 тыс.);
— Франция (300—350 тыс.);	— Бразилия (20—60 тыс.);
— США (50—80 тыс.);	— Турция (25 тыс.);
— Аргентина (37—60 тыс.);	— Великобритания (16 тыс.);
— Венесуэла (35 тыс.);	— Греция (8,5 тыс.);
— Испания (31 тыс.);	— Румыния (5 тыс.);
— Канада (30—60 тыс.);	— Болгария (5 тыс.);
— Уругвай (30—60 тыс.);	— Сербия (3 тыс.);

В то же время, необходимо отметить тот факт, что, несмотря на совокупное число представителей сефардской субэтнической группы евреев, приближающееся к двум миллионам человек, общее число носителей, в зависимости от источников, оценивается в диапазоне 1 миллиона человек, в разной степени владеющих сефардским языком. Так, сефардский в качестве первого языка межличностной коммуникации рассматривается 100—150 тысячами человек. Около 900 тысяч оценивает сефардский язык в качестве второго [6].

В соответствии с данными, представленными комитетом Организации объединенных наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), статус сефардского языка оценивается как «серьезная угроза». Так, количество носителей сефардского языка в рамках всего своего обширного географического ареала распространения постоянно и повсеместно снижается.

Нужно отметить, что сефардский язык не имеет официального статуса ни в одном государстве мира. Тем не менее, в 1996 году парламент Израиля утвердил закон, направленный на формирование официального структурного подразделения, целью которого ставится охрана культурного наследия, представленного в виде сефардского языка.

Четко прослеживается взаимосвязь современных тенденций, а именно сокращения употребления сефардского языка, и влияния других языков. Одной из важных причин вышеуказанного явления остаётся значительная географическая разрозненность носителей и отсутствие центростремительных тенденций, которые могли бы способствовать концентрации исключительно сефардского языка на определенной территории. Как правило, фундамент, способствующий развитию языка, заключается именно в сосредоточении большого количества носителей в одном месте, где отсутствует иной доминирующий язык, способный не только воспрепятствовать развитию другого, но и угрожающий самому существованию малого языка. В большинстве случаев это достигается путем становления собственной административно-политической единицы — национального государства.

Сложившиеся для сефардского языка условия демонстрируют следующее:

- употребление языка малыми группами носителей, разбросанными
- по множеству стран, в которых наличествуют самостоятельные доминантные идиомы;
- отсутствие территориально-административной единицы, где сефардский язык являлся бы официальным, доминантной идиомой.

Таким образом, даже среди самих сефардов предпочтительным становится употребление языка, являющегося до-

минантным для определенной территории проживания и вытесняющим коренной.

В заключение необходимо отметить, что описанная тенденция является перманентной. Средний возраст носителей сефардского языка постоянно увеличивается, а их общее число неуклонно уменьшается. Молодые сефарды предпочитают использовать доминирующий язык государств их проживания. Так, использование сефардского языка вытесняется ивритом в Израиле, турецким языком в Турции, арабским языком в странах Северной Африки и т. д. Подобная тенденция ведет к сокращению употребления сефардского языка самим народом-носителем, представляя угрозу его существованию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Митчелл Серельс. Исследования по сефардской истории, изд. Нью-Йорк: Институт сефардских исследований Джейкоба Э. Сафра, 2001.
2. Назаренко А. И. Защита миноритарных языков в Трентино — Альто-Адидже и Венето: плюсы и минусы // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. № 9 (825). С. 236—247.
3. Назаренко А. И. Южный Тироль и Венето: поиски идентичности в эпоху глобализации // Языковая политика многонациональных государств в эпоху глобализации. Проблема малых и исчезающих языков. Сб. материалов конференции. 2017. С. 174—188.
4. Нарумов Б. П. Еврейско-испанский (сефардский язык) // Языки мира: Романские языки. М: Академия, 2001, С. 557—574.
5. Раушенбах, Сина, Сефардская Атлантика. Колониальные истории и постколониальные перспективы. Нью-Йорк: Palgrave Macmillan, 2019.
6. Шилова Д. Сефардский язык и ареалы его распространения. — Минск: Материалы ежегодной научной конференции, 2020, — С. 233—234.
7. Изгнание иудеев из Испании 1492 года [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://masterok.livejournal.com/1231401.html> (дата обращения: 05.10.2022).
8. Информационный портал “Jewish Virtual Library”. Vital Statistics: Jewish Population of the World. URL: <https://www.jewishvirtuallibrary.org/jewish-population-of-the-world> (дата обращения: 05.10.2022).
9. Информационный портал “Wikidea”. Сефардские евреи — Sephardi Jews. URL: https://wikidea.ru/wiki/sephardi_jews (дата обращения: 05.10.2022).
10. Perez Joseph. History of a Tragedy: The expulsion of the Jews from Spain. — Illinois: University Press, 2007, — 174 p.

Погодина Т. Ю.
Pogodina T.Yu.

ЭНТОНИ ТРОЛЛОП: ДВОЙНАЯ ЖИЗНЬ ПОЧТОВОГО ЧИНОВНИКА

ANTHONY TROLLOP: DOUBLE LIFE OF POSTAL OFFICIAL

Аннотация: Цель данной статьи — напомнить российскому читателю о незаслуженно забытом в России английском писателе Энтони Тrollope, талант и заслуги которого на литературном поприще ничуть не меньше, чем у его более известных собратьев по перу — таких, как Чарльз Диккенс, Джейн Остин или Уильям Теккерей. Автор надеется, что читателю захочется взять в руки книгу этого замечательного писателя и погрузиться в уютную атмосферу провинциального викторианского городка и с удовольствием и улыбкой следить за жизнью его обитателей.

Ключевые слова: Барчестерские башни, Барсетширские хроники, священнослужитель, викторианская эпоха, почтовое ведомство

Abstract: The purpose of this article is to remind the Russian reader of the English writer Anthony Trollope, whose talent and merit in the field of literature is no less than that of his more famous peers, such as Charles Dickens, Jane Austen or William Thackeray. The author hopes that the reader will want to take the book of this wonderful writer and plunge into the cozy atmosphere of a provincial Victorian town and watch the life of its inhabitants with pleasure and smile.

Key words: Barchester Towers, Chronicles of Barsetshire, clergyman, Victorian era, post office

*Роман должен представлять картину обыденной жизни, оживленную юмором и подслащенную чувством.
The novel must present the picture of the ordinary life animated by humor and sweetened feeling.*

Э. Тrollop/A. Trollope

Энтони Тrollop — один из наиболее успешных, плодотворных и уважаемых английских писателей викторианской эпохи, однако в России после революции его произведения почти не издавались. Исключением был лишь роман «Барчестерские башни» в переводе И.Г. Гуровой в 1970 г. В отечественном литературоведении Тrollop также был причислен к второстепенным именам и может называться «забытым» писателем. При этом в англоязычном мире его имя известно так же хорошо, как имена других авторов того периода — Джейн Остин,

Чарльза Диккенса, сестер Бронте, Уильяма Теккерея. Тrollop написал сорок семь романов, несколько пьес, а также рассказы, повести, очерки и путевые заметки. В дореволюционной России его книги были очень популярны. Литературный талант Тrolloпа высоко ценил Лев Толстой, который обычно весьма критически относился не только к своим, но и к чужим произведениям. Достаточно сказать, что это тот самый автор, которого Анна Каренина читала в поезде: «Анна ответила несколько слов дамам, но, не предвидя интереса от разговора, попросила Аннушку достать фонарик, прицепила его к ручке кресла и взяла из своей сумочки разрезной ножик и английский роман... нна Аркадьевна читала и понимала, что ей неприятно было читать, то есть следить за отражением жизни других людей. Ей слишком самой хотелось жить. Читала ли она, как героиня ухаживала за больным, ей хотелось ходить неслышными шагами по комнате больного; читала ли она о том, как член парламента говорил речь, ей хотелось говорить эту речь; читала ли она о том, как леди Мери ехала верхом за стаей и дразнила невестку и удивляла всех своею смелостью, ей хотелось это делать самой. Но делать нечего было, и она, перебирая своими маленькими руками гладкий ножичек, усиливалась читать.

Герой романа уже начал достигать своего английского счастья, баронетства и имения, и Анна желала с ним вместе ехать в это имение, как вдруг она почувствовала, что ему должно быть стыдно и что ей стыдно этого самого.»

Это не какой-то конкретный роман Тrolloпа, это обобщенный образ его романов. Любимым же романом Толстого был «Премьер-министр» — пятый из шеститомного «палисерского цикла», в котором, по интересному совпадению, главный герой совершает самоубийство, бросившись под поезд. По мнению английского публициста Ч.П. Сноу, особое восхищение у Л.Н. Толстого вызывал его дар «апперцепции» — то есть способность ясно видеть суть человеческих характеров и поступков, умение самозабвенно и терпеливо сосредоточиваться на других людях. [3]

Вообще о романах Энтони Тrolloпа Толстой отзывался с необыкновенным восхищением и даже завистью: «Тrollop убивает меня своим мастерством, — пишет он в дневнике

2 октября 1865 года, — утешаюсь, что у него свое, а у меня свое. Знать свое — или, скорее, что не мое, вот главное искусство.» [3] Толстой особо отмечал в его романах художественный психологизм, которым отличаются и его собственные произведения. В фондах яснополянской библиотеки хранятся 12 романов Тrolloпа, все — на английском языке. Многие исследователи также обращают внимание на сходство тем и образов двух писателей [8].

Энтони Тrollop родился в 1815 году. Он был пятым ребенком в семье небогатого юриста. Будучи вхож по долгу службы в общество небогатых аристократов, отец Тrolloпа и своих детей воспитывал соответственно. Однако он был не очень успешен в карьере и непрактичен в денежных делах, не мог оплатить счета на домашние расходы, часто скрывался от кредиторов и едва не попал в тюрьму. Энтони чувствовал себя несчастным. После окончания школы он устроился младшим клерком в Почтовое Ведомство. Когда ему было 26 лет, его направили из Лондона в Ирландию в качестве инспектора Почтового Ведомства, и там, по словам самого Тrolloпа, он наконец обрел свободу и настоящее дело. Там же он начал писать. В 1851 году работодатели вернули Тrolloпа в Англию, ему было поручено улучшать почтовую службу в сельской местности и приграничных районах Западной Англии и Уэльса, выезжал он и за границу. Когда в 1861 году в возрасте пятидесяти двух лет Тrollop вышел в отставку, он занимал один из самых высших чинов Почтового Ведомства. Его начальник Роланд Хилл при его участии изобрел наклеивающуюся почтовую марку для предварительной оплаты писем, что сыграло большую роль в развитии связи в Британии. Кроме того, именно Тrollop ввел уличные почтовые ящики красного цвета, все еще привычные для жителей Британии.

Сразу же после ухода из Почтового Ведомства Энтони Тrollop баллотировался в Парламент от Либеральной партии, вел избирательную кампанию на свои средства, но не смог победить представителя консерваторов. От всего избирательного процесса у него остались ужасные впечатления, однако ему удалось вскрыть коррупцию в стане соперников. Как выяснилось позже, именно на это и рассчитывали те, кто уговорил его баллотироваться, ибо знали его как человека чрезвычай-

но честного и порядочного. Больше Тrollop никогда не участвовал в выборах, но начал писать «политические романы» — так называемый «Палисеровский цикл» («Можешь ли ее простить?» (1864—1865), «Премьер-министр» и др.)

Ранний, ирландский период творчества не принес Тrolлопу особенного успеха, первой его значительной работой стал роман «Попечитель», изданный в 1855 году. Это трогательная история о пожилом, смиренном слугителе церкви, которого обвиняют в получении излишнего дохода от работы в качестве попечителя приюта для бедных стариков прихода.

В следующие двенадцать лет Тrollop написал еще пять романов, действие которых происходит в выдуманном графстве Барсетшир — «Барчерстерские башни» (1857) — роман, который сделал его знаменитым; «Доктор Торн» (1858), «Приход Фремли» (1861), «Маленький домик в Аллингтоне» (1864), и «Последняя хроника Барсетшира» (1866—1867).

В последний период творчества (с 1869 года) Тrollop все больше внимания уделяет психологии героев. Первым таким романом стал роман «Он знал, что прав» (1869) — история о богатом человеке, одержимом ревностью к своей ни в чем не повинной жене.

Среди более поздних его работ были и сатирические романы: «Бриллианты Юстаса» (1871—1873), «Дороги, которые мы выбираем» (1874—1875) и другие.

Тrollop уже при жизни считался выдающимся литератором, однако его репутации повредила опубликованная уже после его смерти «Автобиография» (1883), в которой он честно описал процесс написания им романов. Выяснилось, что он платил дополнительно пять фунтов в год слуге-ирландцу за то, что тот будил его каждый день в пять утра. Тrollop затем до восьми писал, ведь «три часа достаточно, чтобы написать все, что человеку следует, и если не грызть перо, не глядеть в окно и не отвлекаться, то всякий может написать 250 слов за четверть часа, или сорок страниц в неделю в лучшем случае, двадцать страниц — в худшем.» Закончив роман, Тrollop уже на следующий день, если не в тот же, начинал писать следующий. Вся эта бухгалтерия плохо сочеталась с образом вдохновенного творца, многие не поняли такого «ремесленного» отношения к творчеству, однако Тrol-

лоп, работая таким образом, успевал одновременно делать карьеру в Почтовом Ведомстве. Такой метод работы он перенял от своей энергичной матери, Френсис Тrollop, которая стала зарабатывать написанием очерков и романов, когда осталась вдовой с семью детьми.

Тем не менее, этот методичный и мало романтичный человек стал знаменитым автором «бытописательных» романов. В начале двадцатого века литературные критики вновь оценили литературное мастерство Энтони Тrolлопа. Работы таких исследователей, как Рут Робертс, Роберт М. Полемус, Джеймс Кинкейд и др. вернули Тrolлопу репутацию крупнейшего английского романиста. У публики интерес к его творчеству возродился после Второй мировой войны, он уже не казался старомодным, люди опять зачитывались его романами. В настоящее время Энтони Тrollop — один из самых популярных романистов наряду с Джейн Остин. Его читают, по его книгам снимают фильмы, а британское издание «Дейли Телеграф» включило роман Тrolлопа «Барчестерские башни» в десятку лучших произведений классической литературы, которые, по мнению экспертов газеты, изменили мир. [1] Роман «Барчестерские башни», входящий в цикл «Барсетширские хроники», стал самым его известным и популярным произведением благодаря юмору, живой иронии, замечательным диалогам героев.

Сама идея написания «Барсетширских хроник» появилась у Тrolлопа во время посещения в качестве чиновника Почтового Ведомства городка Солсбери, когда теплым летним вечером, стоя на небольшом мостике, он любовался великолепным местным собором. В описании Барчестерского собора Тrollop использовал некоторые черты соборов в Солсбери, Винчестере и Эксетере. Часто издатели используют в оформлении обложки романа «Барчестерские башни» репродукцию картины Дж. Констебля «Вид на собор в Солсбери с лугов».

Несмотря на то, что главными героями этих романов являются слугители церкви, их никак нельзя назвать «религиозной прозой», как нельзя назвать «политической прозой» романы Палисеровского цикла (которые сам Тrollop называл «парламентскими») В романе «Барчестерские башни» речь идет не о поисках веры, идеалов, сомнениях на этом пути.

Центральная тема романа — это приезд в кафедральный городок нового епископа на смену умершему и связанные с этим нововведения и реформы. Вообще, викторианская эпоха в Англии была временем реформ, и далеко не все из них Тrolлоп одобрял (например, изменение порядка приема на государственную службу).

Нужно отметить, что отличительной особенностью романов Тrolлопа является их современность. Другие писатели этой эпохи, такие как Джордж Элиот, Шарлотта Бронте, Уильям Теккереи, Чарльз Диккенс, Томас Харди, обычно помещали своих героев во времена, на тридцать — сорок лет предшествовавшие их собственным. Так, действие романа «Джейн Эйр», написанного в 1846—1847 годах, происходит в начале 19 века. «Барчестерские башни» — роман о современниках автора, о проблемах, актуальных на тот момент. В центре сюжета — реформы в англиканской церкви в середине 1850-х годов, которые привели к противостоянию так называемой «высокой» и «низкой» церкви. Основной вопрос, который стоял тогда перед англиканской церковью — нужно ли идти на компромисс с Ватиканом или начать открытую войну со своим давним врагом?

Сын покойного епископа архидиакон Грантли выступает за старые традиции, бережно хранимые в его любимом соборе, в то время как вновь прибывший епископ Прауди, его властная супруга и его капеллан Слоуп (ханжа и карьерист) начинают череду изменений. Тrolлоп не высказывает своего мнения относительно происходящих реформ, однако его герои говорят за него. Автор же иронично наблюдает за всеми перипетиями этого конфликта со стороны. Борьба же разворачивается нешуточная. Разменной монетой в ней становится многодетная семья бедного священника, жена которого исполняет в романе роль хора в греческой трагедии, напоминая главным героям о нелегкой судьбе бедных священнослужителей.

Еще одной характерной чертой романа является дилемма. Тrolлоп постоянно ставит своих героев перед моральным выбором. В начале романа архидиакон Грантли разрывается между любовью к умирающему отцу и желанием срочно отправить в Лондон телеграмму о его смерти, чтобы получить назначение на его место, пока не сменилось правительство.

С подобными моральными дилеммами сталкивается и наиболее близкий автору герой д-р Эрабин, которому посвящена целая глава (гл.20. «М-р Эрабин»).

Персонажи Тrolлопа настолько достоверны, что Натаниель Готорн сравнивал писателя с великаном, который взял кусок земли вместе с населяющими его людьми и поместил под стекло. [6]

«Барсетширские» романы Тrolлопа — в некотором смысле уникальное явление в литературе 19 века. Крайне трудно отыскать примеры других романов, где бы так подробно описывалась жизнь священнослужителей, а писатель размышлял бы над самим феноменом «духовного сословия» в современном ему мире. Единственным исключением является роман Н.С. Лескова «Соборяне» (1872 г.)

О возможности сопоставления «Соборян» с романами Тrolлопа говорили не раз — так, о сходстве романов упоминал литературовед и переводчик Д. Рейфилд [2]. Д.С. Мирский в «истории русской литературы от истоков до 1900» называет Старгород «Русским Барчестером». [7] Оба писателя работали в жанре «хроники». Эта форма подходила для романов, поднимающих такие сложные вопросы, как «священник и мир», «долг священнослужителя», «роль церкви в современном обществе» и т.д.

У обоих авторов священнослужители — люди очень разные, их образы тщательно прописаны — часто с юмором и большой симпатией. Таковы архидиакон Грантли, ученый д-р Эрабин и смиренный попечитель приюта Септимус Хардинг у Тrolлопа; мудрый протопоп Туберозов и преданный ему великан с душой ребенка дьякон Ахилла Десницын. И в том, и в другом романе много юмора и почти комических персонажей — достаточно вспомнить миссис Прауди, управляющую епархией своего безвольного супруга, попытки изворотливого капеллана Слоупа ухаживать за богатой вдовой Элеонор Болд; а у Лескова — неистового дьякона Ахиллу, преследующего через весь городок местного неблагочестивого учителя, сына просвирни Варнавку Препотенского с воплями «Гряди, гряди, плешиве!» за то, что тот выкопал на кладбище безымянный труп для исследования; того же Ахиллу, который при встрече с протопопом кричит своим «непомерным» ба-

сом: «Грядет поп Савелий, грядет наш поп велий!», а тот ему отвечает: «Замолчи, Каин неистовый!»

У обоих авторов мы наблюдаем столкновение старого и нового, причем наиболее симпатичные, положительные герои являются представителями старого, традиционного уклада. Так, о Френсисе Эрабине мы читаем у Тrolлопа: «Сочинял стихи, писал на политические темы, в Оксфорде был всеобщим любимцем, священником был красноречивым, интересным, добросовестным, энергичным, кроме того... он был истинным джентльменом.» О доброте и сочувствии кроткого мистера Хардинга Тrolлоп пишет: «Щедрый ко всем, он особенно щедр был к тем двенадцати старикам, которых поручили его заботам.»

А вот что пишет Лесков о протопопе Савелии Туберозове: «Глаза у него коричневые, большие, смелые и ясные. Они всю жизнь не теряли способности освещаться присутствием разума... В эти глаза глядела прямая и честная душа протопопы Туберозова, которую он, в своем христианском уповании, полагал бессмертною...» [5]

Представители «нового» уклада и у Тrolлопа, и у Лескова, в основном, заняты вопросами «полезности», политики, не всегда честны, властолюбивы и эгоистичны и находятся в явном конфликте с представителями «старого». Так, «разночинцы», явившиеся в Старгород, специально коверкают фамилию отца Савелия и зовут его Туберкуловым.

Одна из главных проблем англиканской церкви — это абсолютно «светский» образ жизни священнослужителей. Церковь, подчиняясь королю и премьер-министру, находится в сильной зависимости от государства. В романе «Барчестерские башни» это особенно наглядно показано в первой главе, когда все герои романа гадают: старый епископ умрет до того, как сменится правящая партия (тогда преемником станет его сын) или после (тогда епископом назначат нового человека).

Кроме того, на бытовом уровне священнослужители мало отличаются от своих прихожан: поиск спутницы жизни, выгодные знакомства, доход... Однако герои Тrolлопа понимают свою зависимость от условий жизни. Так, мистер Эрабин говорит: «Внешний мир постоянно порицает нас за наши человеческие слабости, швыряет нам обвинение в том, что, будучи священниками, мы остаемся просто людьми, требует

от нас божественно идеального выполнения наших обязанностей. Но мы не боги: мы отличаемся друг от друга как простые смертные, мы можем соперничать друг с другом, являя человеческие пороки, наши взгляды по вопросам о божественном могут вызвать между нами совсем не божественную неприязнь и вражду. Все это правда: «Как же всего этого избежать?» Поможет ли централизация церкви, переустройство ее на манер католической? «Нет, — рассуждает дальше Эрабин, — непогрешимой церкви на земле не существует.»

Вопросы эти — вечные, они в той же мере стоят и перед современными церковнослужителями, независимо от их веры и национальности. Вопросы религии неотделимы от вопросов нравственности. Идеальный священнослужитель и у Тrolлопа, и у Лескова — это, прежде всего, носитель непреходящих ценностей, нравственный ориентир для современников — честный, образованный, думающий.

Смерть мистера Хардинга в финале последней из «Барсетширских хроник», как и смерть отца Савелия в финале «Соборян», символизирует наступление новой эпохи, времени обновления. Протопоп Туберозов остается верен своим убеждениям до конца, но с его смертью умирает и надежда на более сильную церковь, способную удержать общество от духовной и нравственной деградации. Тrolлоп более оптимистичен: мистер Хардинг умирает, однако путь д-ра Эрабина далек от завершения.

Если говорить о стиле Тrolлопа, то необходимо отметить его разнообразие: иногда, показывая жизнь различных слоев общества, он выступает таким же реалистом, как Бальзак; иногда, изображая комедию нравов, он приближается к стилю Филдинга; временами он сентиментален и мелодраматичен, как Диккенс или ироничен, как Теккерея; местами серьезен как Элиот; и, конечно, при этом он остается гениальным повествователем — как Конрад. [6]

Кроме того, Энтони Тrolлопа часто сравнивают с другой яркой представительницей литературы викторианского периода — Джейн Остин. Некоторые даже называют Тrolлопа ее мужским воплощением. И действительно, они оба очень подробно изображают своих героев в домашней обстановке, они пишут только о том, что очень хорошо знают, не пытаясь вый-

ти за пределы своего мира. Это позволяет им сосредоточиться на главном — на тех мыслях и чувствах, которые они пытаются передать. Оба автора искренне любят своих героев и хотят передать эту любовь своему читателю. В автобиографии, опубликованной посмертно в 1883 году, Тrollop дает любому начинающему писателю совет: романист должен познакомить своих читателей со своими персонажами столь близко, чтобы вымышленные герои стали для них живыми людьми. Этому ему никогда не достичь, если он сам не знает этих вымышленных персонажей, а он никогда не сможет их хорошо знать, если не будет жить с ними бок о бок в реальной жизни. [11]

Оба автора в деталях рисуют неспешную жизнь сельской Англии, оба с юмором и часто сочувствием описывают человеческие страсти и слабости. Однако Джейн Остин основное внимание уделяет чувствам героев, жизни семьи, в то время как Тrollop сосредотачивается на описании жизни викторианского общества. В произведениях Остин больше романтики, у Тrollopa — иронии и сатиры. Кроме того, он мастер убедительного, часто остроумного диалога. При этом обоих писателей можно назвать реалистами викторианской эпохи.

Иногда литературные критики обвиняют Тrollopa в некоторой ограниченности в описании мест и событий, в отсутствии оригинальных идей, однако важно не то, что он описывает, а то, как, с каким мастерством он это делает. В своих романах он играет роль умного, ироничного наблюдателя, способного четко и ненавязчиво донести до читателя разницу между добром и злом, подлостью и благородством; а великолепные реалистичные картины жизни в уютных городках и поместьях викторианской Англии оставляют у читателя желание вновь и вновь возвращаться к полюбившимся героям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алябьева Т. Т. Энтони Тrollop — великий бытописатель викторианской Англии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: Chelreglib.ru (Дата обращения 20.10.2022)
2. Бячкова В. А. Образ священнослужителей в романах «Барчестерского цикла» Э. Тrollopa и «Соборянах» Лескова//Филология и культура. 2013. № 2 (32). Стр. 80—84.
3. Гнусова И. Ф., «Утешаюсь, что у него свое, а у меня свое»//Вестник Пермского университета. 2014. Стр. 15—21.

4. Данилова Н. Ю., «Соборяне» в зеркале авторской и журнальной критики. Лесков Н. Соборяне. СПб. Азбука — классика, 2009. С. 5—22.
5. Лесков Н., Соборяне. СПб. Азбука — классика, 2009.
6. Mambrol N., Analysis of Anthony Trollope's Novels. Literariness.org.
7. Mirsky D. S., A History of Russian Literature from its Beginnings to 1900. Evanston, Illinois, Northwestern University Press, 1959, с. 383.
8. Нуралова С. Е., Лев Толстой и викторианский роман [Электронный ресурс]. Режим доступа: Academia.edu. (Дата обращения 18.10.2022).
9. Sutherland J., Introduction to "Barchester Towers", 15.05.2004.
10. Trollope A., Barchester Towers. Oxford; N.Y., Oxford University Press, 1996.
11. Хьюитт К. Энтони Тrollop: с терпимостью и сочувствием //Вопросы литературы. № 6. 2015. Стр. 276—299.

Потапов Ю. Б.
Potapov Y. B.

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ КУЛЬТУРНОЙ ДИПЛОМАТИИ ИРАНА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

ON SOME ASPECTS OF IRAN'S CULTURAL
DIPLOMACY OF OUR TIMES

Аннотация: В эпоху глобализации культура стала важным показателем совокупной мощи государства, а также начала выступать важным фактором взаимоотношений между акторами международной политики. Иран является родиной древней восточной цивилизации и имеет богатую историю культурных обменов, которые сегодня составляют фундамент его взаимодействия с другими странами. В то же время исламские ценности занимают важное место в межкультурной дипломатии Ирана. В статье рассматриваются некоторые аспекты культурной дипломатии Ирана. Статья также содержит анализ ряда вопросов, которые могут быть учтены в ходе преподавания общественно-политического дискурса на персидском языке.

Ключевые слова: культурная дипломатия; «мягкая сила»; преподавание; персидский язык

Abstract: In the era of globalization, culture has become an important indicator of the aggregate power of the state, and has also begun to act as an important factor in the relationship between actors in international politics. Iran is the birthplace of an ancient Eastern civilization and has a rich history of cultural exchanges, which today form the foundation of its interaction with other countries. At the same time, Islamic values occupy an important place in Iran's intercultural diplomacy. The article discusses some aspects of cultural diplomacy of Iran. The article also

contains an analysis of a number of issues that can be taken into account during of teaching social and political discourse in Persian.

Key words: cultural diplomacy; "soft power"; teaching; Persian language.

Культурная дипломатия занимает определенное место во внешнеполитической деятельности Исламской Республики Иран (ИРИ) и считается одной из существенных ее составляющих на современном этапе. Разумеется, международная деятельность ИРИ, осуществляемая в классическом виде в двустороннем и многостороннем форматах на высшем уровне и по линии МИД Ирана и других профильных ведомств, вопросы экономической дипломатии являются приоритетными для иранского руководства, особенно, в условиях санкций Запада, когда основной целью является борьба за их снятие, а также стремление снизить отрицательное воздействие этих рестрикций на экономику страны и жизнь простых иранцев. Тем не менее, вопросам культурной дипломатии, пропаганде иранской и исламской культуры за рубежом уделяется достаточно большое внимание.

Летом 2021 г. в ИРИ прошли очередные президентские выборы на которых победу одержал Э. Раиси — представитель консервативных сил страны, стоящих на позициях исламского фундаментализма, который возглавил правительство Ирана 13-го созыва, и чья кандидатура была поддержана Верховным лидером страны аятоллой С. Хаменеи. Поскольку глава предыдущего правительства ИРИ 12-го созыва президент Х. Роухани, находившийся у власти два срока (8 лет), считался представителем крыла реформаторов, то нетрудно было предположить, что в области внутренней и внешней политики Ирана, а также в составе правительства, в том числе и в ведомствах, отвечающих за вопросы культурного строительства в стране и культурные связи с другими государствами, произойдут определенные изменения.

Цель статьи — дать представление об основных направлениях и развитии культурной дипломатии в период существования Исламской Республики Иран, уделив при этом большое внимание ее реализации на современном этапе правительством Э. Раиси. Как нам представляется, вопросы межкультурной коммуникации во времена шахского Ирана и более ранних этапов истории страны могут стать предметом от-

дельного исследования. Актуальность данной статьи обусловлена тем, что в ней делается попытка проанализировать последние изменения и тенденции, которые происходят в сфере межкультурной коммуникации Ирана и могут быть учтены в ходе преподавания общественно-политического дискурса на персидском языке.

На наш взгляд, два фактора являются наиболее существенными для культурной дипломатии с точки зрения основных векторов ее осуществления и содержания. Во-первых, это цели и направления развития страны на внутренней и международной аренах, т.к. вопросы реализации культурной дипломатии, в частности, как и развитие культуры, в целом, зависят от курса, проводимого руководством государства на определенном историческом этапе как внутри страны, так и за ее пределами. Во-вторых, это само содержание культурной дипломатии, ее основа и источники. Иными словами, что предполагается пропагандировать и донести до иностранной аудитории в ходе межкультурной дипломатии.

Если говорить о культурной дипломатии под углом зрения международной деятельности ИРИ на современном этапе, то необходимо отметить, что одним из основных внешнеполитических приоритетов, провозглашенных с самого начала своей деятельности президентом Э. Раиси, являются «отношения с соседними государствами» (*siyasat-e hamsayegi*). Исходя из этого, основное внимание культурной дипломатии Ирана направлено на страны региона, о чем более подробно будет сказано ниже.

Рассматривая содержательное наполнение, становление и развитие культурной дипломатии, необходимо признать, что эта составляющая международной деятельности ИРИ прошла непростой путь и не сразу сформировалась в ее нынешнем классическом виде. Дело в том, что ее основа, а именно — все многовековое культурное наследие шахского режима и древней иранской цивилизации, «культура 7-тысячелетней цивилизации» были отвергнуты на начальном этапе исламской республики. Можно констатировать, что исламская революция 1979 г. в Иране, как и любая другая революция независимо от ее целей (социалистическая, буржуазная, демократическая и др.), начала свое существование с ниспровержения

всего старого, присущего прежнему общественному строю. Невольно на ум приходят классические строки из «Рабочей Марсельезы» — гимна русской революции 1917 г.: «Отречемся от старого мира, отряхнем его прах с наших ног!»

Первое постреволюционное десятилетие в Иране, когда у руля государства стоял основатель исламской республики — аятолла Р. Хомейни, характеризовалось исламизацией всех сторон жизни страны, и культура не стала исключением. Главной целью «культурной революции», провозглашенной в 1980 г. имамом Хомейни, «стало создание новой, самобытной иранской культуры, пропитанной духом ислама и базирующейся на мусульманских традициях при полном отрицании культурного наследия Ирана, включая и то, что было создано при старом шахском режиме» [4, с. 145]. Отказ от старого культурного наследия принимал самые различные, порой абсурдные формы. Например, классическая персидская поэзия средних веков, входящая в сокровищницу мировой цивилизации, была фактически забыта и перечеркнута. Так, имя великого поэта Фирдоуси было предано забвению, а Мешхедский университет, названный его именем при шахском режиме, был переименован. Однако позднее, после начала пересмотра основных подходов к культурной политике внутри страны и за ее пределами, университету было возвращено имя Фирдоуси [9, с. 134].

После смерти имама Хомейни в июне 1989 г. и прихода к власти новых руководителей (рахбаром стал аятолла С. Хаменеи, а президентом — А. Хашеми-Рафсанджани) начинается процесс переосмысления курса развития и поиска новых путей интеграции Ирана в мировое сообщество и выхода из международной изоляции, вызванной боязнью угрозы распространения исламского фундаментализма и «экспорта» исламской революции в регионе. Здесь также следует упомянуть и 8-летнюю ирано-иракскую войну, которая завершилась в августе 1988 г. и нанесла существенный урон иранской экономике. Все это заставило руководство Ирана вырабатывать новые подходы к развитию страны во многих областях, включая культуру, которая теперь была призвана сыграть важную роль в изменении имиджа страны за рубежом и налаживании отношений с соседними странами.

Изменение отношения к культуре как одной из важных составляющих духовной жизни иранского общества заключалось в создании некой гармонии между двумя началами, которые определяли ее сущность. С одной стороны, это — иранское начало (*iraniyat*), а с другой, исламское начало (*islamiyat*). Иными словами, под иранским началом (идентичностью) понималась вся многовековая иранская культура, включавшая доисламский и шахский периоды, а исламское начало предполагало опору на догмы и положения ислама. Этот симбиоз двух начал привел к появлению понятия «ирано-исламская культура», которое в настоящее время активно используется официальными лицами Ирана, в том числе, и в ходе международных контактов.

Эволюция и расширение понятия «иранская культура» в ИРИ происходило постепенно, она стала включать в себя и доисламский период, уже начали говорить о связи с древней историей, с эпохой империй Ахеменидов (примерно 7—3 вв. до н.э.) и Сасанидов (2—6 вв. н.э.). Иран стали представлять как страну древней цивилизации, которая в прошлом сыграла огромную роль в развитии обширного региона Ближнего Востока, Центральной и Южной Азии, а в настоящее время может стать связующим звеном между Востоком и Западом. Результатом развития этого тезиса стало появление концепции «Диалог цивилизаций» (*goftegu-ye tamadonha*), предложенной в 1997 г. президентом С.М. Хатами, который отмечал, что «Иран находится на пересечении двух культур — восточной и западной, подобно тому, как в человеке сосредоточены ум Запада и душа Востока. Сердце и разум иранца — есть средоточие справедливости, любви и доброжелательности. Вот почему иранцы являются сторонниками «диалога» и приверженцами справедливости и мира» [10, с. 25]. Очень показательными в этом отношении являются и шаги, предпринятые следующим президентом Ирана М. Ахмадинежадом, который, с одной стороны, стремился укреплять в общественном сознании исламские ценности послереволюционного периода, а с другой стороны, поддержал инициативу о включении в 2009 г. «неисламского» общенационального праздника Новруз в Список нематериального наследия ЮНЕСКО [9, с. 135].

Линию на диалог цивилизаций и его особую роль в международных интеграционных процессах продолжает и нынешний президент Ирана Э. Раиси. Выступая на саммите ШОС в Самарканде в сентябре 2022 г., он, в частности, затронув тему связи цивилизаций, отметил, что «величественные и культурообразующие (*farhangsaz*) города Самарканд, Бухара и Хорезм всегда как яркие звезды блистают на небе цивилизации и персидской поэзии», и сказал, что «ШОС является «большим домом цивилизаций», который может на основе справедливости, духовности и уважения человеческого достоинства открыть новые горизонты для региональной интеграции и сотрудничества, укрепляющего безопасность». [11]

Вопросы культурного строительства в стране и культурные связи с другими государствами в Иране курируют три основных органа: Высший совет культурной революции (*showra-ye ali-ye enqelab-e farhangi*), Министерство культуры и исламской ориентации (*vezarat-e farhang va ershad-e eslami*) и подведомственная этому министерству Организация культуры и исламских связей (ОКИС) (*sazman-e farhang va ertebat-e eslami*). Последняя структура отвечает за осуществление культурной дипломатии через международную деятельность культурных представительств в ряде зарубежных стран.

В настоящее время в подчинении ОКИС находятся более 80 представительств в 60 странах мира, в том числе, в 9 соседних странах действуют 17 культурных представительств. Иными словами, получается практически по два культурных представительства на одну соседнюю страну, что свидетельствует об активной работе ОКИС на этом направлении. Все эти факты говорят о влиянии Организации культуры и исламских связей, которая, как отметил ее руководитель Мехди Иманипур на совещании послов Ирана в соседних государствах в Тегеране в декабре 2021 г., является «центром культурной дипломатии ИРИ» и призвана «консолидировать всю культурную деятельность страны за рубежом и представить миру яркую картину иранской и исламской культуры и цивилизации» [3, с.489].

М. Иманипур, анализируя работу своей Организации на перспективу, отметил, что в русле выполнения указания Верховного лидера Ирана аятоллы А. Хаменеи новому прави-

тельству страны, назначенному летом 2021 г., о необходимости «революционной, рациональной и мудрой перестройки» во всех областях управления государством, следует осуществить такие изменения и в сфере международной культурной деятельности, которые должны затронуть три области: организационную структуру Организации, работу внутри Ирана по максимальной мобилизации имеющихся ресурсов для поддержки культурной дипломатии и непосредственно международную деятельность [3, с.489].

К основным направлениям взаимодействия Организации с зарубежными государствами М. Иманипур относит такие области, как формирование и активизация работы совместных комиссий (комитетов) по культуре на самостоятельной основе или в составе межправительственных (МПК) с соответствующими странами; активизация работы и сотрудничества профильных культурных, творческих и литературных объединений Ирана с другими странами; оптимальное использование потенциала международных и региональных организаций (ЮНЕСКО, ШОС, ОЭС, ИСЕСКО/ICESCO — Организация исламского мира образования, науки и культуры); расширение межвузовского обмена; активизация культурного и экспертного диалога и др. [3, с.490].

По мнению Верховного лидера Ирана, правильное развитие культуры, его поощрение и противодействие неверным шагам являются главным способом противостоять «мягкой войне врагов» исламской революции и «культурной экспансии» Запада, которые значительно усилились в последнее десятилетие. Интересно использование здесь термина «мягкая война», который созвучен в определенной степени с классической дефиницией «мягкая сила», но отличается большей агрессивностью. В данном случае можно согласиться с мнением некоторых исследователей о том, что речь идет об использовании противоправных инструментов «мягкой силы» и «здесь подразумеваются ситуации, когда деятельность неправительственной организации не подкрепляется ресурсами или интересами местных социальных групп, а финансируется внешними силами» [2, с. 120].

Для осуществления политики культурной дипломатии у Ирана в регионе есть большой и неосвоенный потенциал,

а реализации этой политики будет способствовать ряд благоприятных факторов.

Во-первых, говоря о регионе, в первую очередь иранские руководители называют «страны сопротивления» или «страны оси сопротивления» (*keshvarha-ye mehvar-e moqavemat*), что представляется далеко неслучайным. Как мы ранее отмечали, под термином «ось сопротивления» понимается «установление прочных связей между Ираном, Ираком, Сирией и Ливаном, и главенствующая роль в этом процессе отводится официальному Тегерану» [6, с. 44]. Разумеется, приоритетным для Ирана является развитие политического и экономического сотрудничества с вышеупомянутыми странами, но и культурная дипломатия, которая «является продуктом национального культурного обмена» [1, с. 20], тоже занимает немаловажное место во взаимодействии с этими государствами, т.к., помимо чисто культурного обмена и распространения исламских и иранских культурных ценностей, предполагается получать и некую экономическую выгоду, например, от совместного с какой-то страной производства фильмов, которые затем в этой же стране пойдут в кинопрокат.

Вторым благоприятным фактором для проведения политики культурной дипломатии, является наличие единого и обширного «культурного и цивилизационного пространства», которое, помимо вышеназванных «стран оси сопротивления», охватывает такие государства, как Пакистан, Афганистан и весь регион Центральной Азии [8, с. 21]. Культурная, религиозная и языковая близость всех перечисленных стран позволяет им легче налаживать и поддерживать связи, и находить проекты и сюжеты, которые могут затем без особых проблем быть реализованы. Например, таким понятным и приемлемым для всех мусульманских стран может стать экранизация истории об исламском пророке Юсуфе (*hazrat-e Yusef*), который отождествляется с библейским пророком Иосифом.

Иран может и должен, как подчеркнул президент Э. Раиси, играть важную роль в процессах культурной региональной интеграции (*mantaqegerai-ye farhangi*), т.к. эта страна явилась колыбелью многих событий и творений в области искусства и культуры, которые затем получили большое распространение на Ближнем и Среднем Востоке, а также в Центральной

и Южной Азии. В своем выступлении на саммите ШОС в Душанбе в сентябре 2021 г. он подчеркнул, что «основное культурное и духовное богатство мира» находится в Азии — «колыбели мировой цивилизации», чье «пульсирующее сердце» в свое время создавало культуру в Китае, Индии, Таджикистане и Иране, который сегодня, в свою очередь, может сыграть важную роль в «культурной региональной интеграции» [3, с. 487].

Заинтересованы иранцы в популяризации и преподавании за рубежом персидского языка, который они называют ключом, «вратами» (*darvaze*) в мир иранской и исламской культуры. Организация культуры и исламских связей осуществляет эту деятельность через аппарат советников (атташе) по культуре и культурные представительства (центры) при иранских посольствах за рубежом в тесном взаимодействии с Фондом Саади, созданном в 2013 г. В соответствии с постановлением Высшего совета культурной революции именно эти организации отвечают за преподавание и распространение персидского языка и литературы за рубежом. Фонд, в частности, занимается разработкой и практическим применением методик обучения персидскому языку, оказанием помощи в проведении олимпиад по персидскому языку и организацией международного квалификационного экзамена АМФА. С этой целью за прошедшие с момента основания 10 лет Фондом были разработаны примерно 40 учебно-методических и научно-популярных книг и пособий, которые призваны пробудить интерес к изучению персидского языка и культуры Ирана, а также заинтересовать в посещении этой страны

Помимо ОКИС и Фонда Саади, разработкой соответствующей учебно-методической литературы и преподаванием персидского языка иностранцам занимается также ряд других высших учебных и специализированных учреждений, среди которых следует назвать в первую очередь Иранский лингвистический центр (*Kanun-e zaban-e Iran*). Центр, чей главный офис находится в Тегеране, имеет около 200 филиалов в 80 городах Ирана, в которых преподаются персидский язык для иностранцев, основные европейские языки (английский, французский, немецкий, испанский), а также арабский, китайский и русский. Автору статьи удалось ознакомиться с содержанием ряда учебников персидского язы-

ка этого центра и частично использовать ряд материалов в учебном процессе. Все учебники отличает продуманная система упражнений и тематика уроков, которая охватывает наиболее актуальные аспекты повседневной и общественной жизни. В них содержится существенный культурный контент: в оригинальных текстах, к которым прилагаются записанные носителями языка качественные аудиозаписи, дается информация о культуре Ирана, традициях и обычаях иранского народа [подробно см. 7].

Для реализации проектов в области культурной интеграции, по мнению иранских официальных лиц, целесообразно использовать различные формы, в том числе, прибегать к помощи народов и наций, которые одновременно проживают в разных странах. Например, для распространения знаний об иранской культуре в Пакистане можно использовать опыт и контакты иранских белуджей из провинции Систан и Белуджистан, находящейся на юго-востоке в приграничном с Афганистаном и Пакистаном районе, где также есть провинция Белуджистан [8, с. 22].

При изучении материалов о деятельности руководства Ирана и нового правительства страны в области культуры хотелось бы обратить внимание на один аспект, непосредственно связанный с преподаванием общественно-политического дискурса на персидском языке. Речь идет об общественно-политических реалиях, которые довольно широко представлены в этих материалах. Правильное понимание этих реалий, а главное — их адекватный перевод, очень важны (подробнее см. нашу статью на эту тему [5]). Здесь встречаются реалии, о которых мы уже писали. Например, «организация двурушников» (*sazman-e monavefeqin*), где слово *monafeq* ('лицемерный', 'двурушник') используется во множ. числе *monafeqin* и применяется в ИРИ для обозначения всех инакомыслящих и противников режима, проживающих за рубежом; *vezarat-e farhang va ershad-e eslami* ('министерство культуры и исламской ориентации'), часто называемое просто *vezarat-e ershad*, буквальный перевод которого, как 'министерство наставления (указания)', будет неправильным. Отмечаются и новые реалии, например, *fetne-ye 88* (букв. 'смута, мятеж 88'), которая упоминается, когда говорят о широких волнениях 1388 года

(по солнечному календарю), которые прошли летом 2009 года в знак протеста против результатов президентских выборов.

В целом, в качестве заключения, хотелось бы отметить, что правительство Ирана, продолжает проводить активную культурную дипломатию, направленную в первую очередь на страны региона, который, в понимании иранской стороны, включает в себя Ближний и Средний Восток, а также в Центральную и Южную Азию. Такой курс вполне соответствует провозглашенной новым правительством «политике добрососедства», которая в условиях продолжающихся антииранских санкций со стороны США и Запада предполагает значительный рост сотрудничества Ирана практически со всеми странами региона в различных областях, в том числе и в сфере культуры и искусства. Изменения и тенденции, которые происходят в этой сфере, должны быть учтены в ходе преподавания общественно-политического дискурса на персидском языке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Галимзянова А.К. Культурная дипломатия Китая//Восточный альманах. Выпуск 2. М.: Квант Медиа, 2018, С. 18—24.
2. Галимзянова А.К. «Мягкая сила» России в современной мировой политике//Язык. Культура. Общество. М.: Квант Медиа, 2018, С. 118—126.
3. Галимзянова А.К., Потапов Ю.Б. О сотрудничестве Ирана и Китая в области культуры//«NEW WORLD, NEW LANGUAGE, NEW THINKING». Сборник материалов пятой ежегодной международной научной конференции — М.: Дипломатическая академия, 2022.- С. 486—492 — https://www.elibrary.ru/download/elibrary_48422677_35821664.pdf (Дата обращения: 15.09.2022).
4. Каменева М.С. О трансформации понятия «культура» в Исламской Республике Иран//Россия и мусульманский мир. М.: ИВРАН, 2015. № 3. С. 144—152.
5. Потапов Ю.Б. О проблемах перевода реалий при обучении общественно-политическому дискурсу на персидском языке//«NEW WORLD, NEW LANGUAGE, NEW THINKING». Сборник материалов II международной практической конференции — М., 2019, С. 449—454 — <https://elibrary.ru/item.asp?id=38168985> (Дата обращения: 08.09.2022).
6. Потапов Ю.Б. Региональная политика Ирана в условиях санкций//Восточный альманах. Выпуск 4. М.: Квант Медиа, 2020, С. 41—49.

7. *Потапов Ю.Б.* Об иранских учебниках персидского языка для иностранцев (начальный этап обучения)//Язык. Культура. Общество. М.: Квант Медиа, 2020, С. 190—198.

8. *Потапов Ю.Б.* О деятельности нового правительства Ирана в области культуры//Филологический аспект: международный научно-практический журнал. Сер.: История, культура и искусство. 2021. № 02 (03), С. 16—24 <https://scipress.ru/fai/articles/o-deyatelnosti-novogo-pravitelstva-irana-v-oblasti-kultury.html> (Дата обращения: 08.09.2022)

9. *Соболева А.С., Карими Риabi Э.* Культурное наследие Ирана в арсенале «мягкой силы» ИРИ//Восток (Oriens). 2021. № 1. DOI: 10.31857/S086919080013586—1

10. *Хатами С.М.* В человеке сосредоточены душа Востока и разум Запада. М.: Гуманитарий, 2001.

11. Ayatollah Raisi dar bist-o-dovomin ejlas-e saran-e sazman-e hamkari-ye Shanghai. URL: <https://www.president.ir/fa/139493> (Дата обращения: 19.09.2022)

Семенов А.В., Огер О.В.
Semenov A. V., Oger O. V.

СЧАСТЬЕ В ПОНИМАНИИ ЕВРОПЫ, РОССИИ И КИТАЯ

EUROPEAN, RUSSIAN AND CHINESE VIEW ON HAPPINESS

Аннотация: В данной статье сделаны попытка дать сравнительную характеристику пониманию счастья европейцами, русскими и китайцами. Понятие «счастье» рассматривается как сложное историческое явление, имеющее объективную и субъективную стороны. Модальность «счастья» актуализируется через взаимосвязь случайности и необходимости. Понимание «счастья» связано с базовыми ценностями общества. Отношение людей к счастью демонстрирует уровень и стадию развития обществ и цивилизации в целом.

Ключевые слова: счастье; Китай; Европа; Россия

Abstract: This article deals with a comparative description of the understanding of happiness by Europeans, Russians and Chinese. The concept of "happiness" is considered as a complex historical phenomenon that has an objective and subjective side. The modality of "happiness" is actualized through the relationship of chance and necessity. The understanding of "happiness" is connected with the basic values of society. The attitude of people to happiness demonstrates the level and stage of development of societies and civilization as a whole.

Key words: happiness; China; Europe; Russia.

«Счастье» как комплексное и многомерное понятие можно рассматривать как доминанту социально-культурного развития общественного бытия.

Содержание понятия «счастья» включает объективно-субъективную категориальность, то есть предоставляет объективные идеальные модели бытия в конкретную историческую эпоху, которые отражаются в субъективных представлениях людей и побуждают их к реализации этих, часто утопических идеалов в реальной жизни.

Модальность «счастья» как способ его существования реализуется через взаимосвязь случайности и необходимости. В западной традиции счастье как «happiness» имеет корень «hap» (Old English), что означает «удача» или «шанс». Во французском языке «bonheur» означает «хороший час» в смысле временного и случайного счастья или удачи. В немецком языке слово «Gluck» также сегодня означает одновременно и счастье и шанс.

Понятие «счастье» проецируется на духовную и материальную жизнь. Недаром в западной науке рассматривают «счастье» как психологическое явление — ощущение радости и душевного удовлетворения жизнью и как экономический феномен — благоденствие, благосостояние, богатство (well-being — англосаксонской традиции).

При рассмотрении понятия «счастье» в социально-культурной динамике общество и индивид могут демонстрировать ориентацию интравертную, обращенную внутрь себя, и экстравертную, обращенную вовне.

Подходы к определению «счастья» можно найти еще у античных философов древней Греции.

Слово «счастье» выражалось разными близкими по значению терминами.

Во-первых, понятие «εὐτυχία» (eutykhía), которое можно перевести как «благоприятная судьба», «удачный случай». Иными словами, «счастье» по-гречески — это, с одной стороны, элемент случайности, а с другой, предопределенность и рок.

Во-вторых, понятие «ὀλβος» (ólvos), которое означает благоденствие и материальный достаток.

В-третьих, понятие «μακαρίότης» (makariótis), выражающее наивысшую степень блаженства и удовольствия. Это термин употреблялся в отношении богов и душ в загробном мире.

В-четвертых, понятие «εὐδαιμονία» (evdaimonía), которое часто интерпретируется как счастье и блаженство, но фактически означает судьбу человека, находящегося под покровительством богов. [5, с. 14]

Этимология термина «счастья» в греческом языке показывает зависимость жизни и целей человека того времени от внешних обстоятельств: случая, судьбы, — и от божественных сил, которые могли повлиять на эти обстоятельства.

Божественное покровительство смягчало психологическое воздействие неумолимой судьбы в жизни человека и в какой-то степени раскрывало возможность приложить личные усилия для достижения счастья.

В Средние века понятие «счастье» было связано с воплощением в Боге. Как термин «счастье» практически не встречается в Библейских книгах Ветхого и Нового завета. [5, с. 67] Вместе с тем, близкое по значению понятию «счастье» — слово «радость» широко используется в средневековых текстах.

«Радость» упоминается как мирское веселье, реакция на событие, которое доставило удовольствие. В этом смысле она близка к древнегреческому слову «удовлетворение». Термин «радость» также используется авторами в религиозной ипостаси, источник которой полагается в Боге. В этом случае она выражается значение «блаженство», которое у древних греков было связано с Богами.

В Средние века счастливая жизнь означала в первую очередь богоугодную жизнь, то есть скромное, умеренное существование с Богом в душе. Целостность античного человека была подвергнута разделению на духовную, божественную сторону и физическую, греховную сторону с акцентом на первой. «Счастье» было объявлено Высшим благом, которым является лишь Бог, а путь к счастью — это приближение к Богу.

В Средние века была решена проблема случайности счастья трансформацией модальности в необходимость, то есть объявлением его божественной преднамеренности.

Период Возрождения (XIV—XVI вв.) ознаменован снятием религиозной пелены и началом гуманизации жизни. Изме-

нилось и отношение к счастью, путь к которому был открыт в земной жизни. Возможность достижения счастья за счет собственных усилий и в мирской жизни явилась мощным импульсом в развитии индивидуальной и общественной жизни.

В Новое время произошел переход к капиталистическим отношениям. Движение Реформации нанесло мощный удар по католической церкви, а религиозный фактор перестал играть существенную роль в общественной жизни. Новый класс — буржуазии вступил в борьбу за политические права с целью ликвидации феодальных препятствий на пути развития производительных сил. Понятие «счастье» «спустилось с небес на землю» и актуализировалось в потреблении материальных благ. Удовольствие — в потреблении стало на долгое время доминантой жизни.

В русской традиции понятие «счастье» имеет две интерпретации. По одной версии его первоначальным значением является «хорошая часть» (доля, удел). Существует и другое объяснение как «со-частье» — «быть с частью», «быть причастным». В этом случае однокоренным словом является «причастие», которое является главным таинством Православной церкви.

В известном словаре русского языка В. Даля значение слова «счастье» в первую очередь передается как «случайность, желанная неожиданность, удача, успех...». Иными словами, удачное стечение обстоятельств, успех не по расчету.

На втором месте объяснение как «благоденствие, благополучие, покой и довольство». Фактически, речь идет о материальном достатке. [8]

В источниках также встречалось близкое к этимологическому значение «участь, доля, судьба», но в современном языке этот эквивалент «счастья» встречается на периферии значения слова.

В социально-культурном плане термин «счастье» в русском языке обладает большей религиозной нагрузкой, чем аналоги в западных языках. Религиозный компонент входит в основу слова и является «напоминанием» о божественной сути счастья. Достичь настоящего счастья можно было только во внеземной жизни.

Счастье на Руси воспринималось как случайное, неожиданное событие, и требовались большие усилия, чтобы его удержать в своих руках [6]. Поэтому счастье становилось сакральным, тайным. О счастье не делились с внешним миром, чтобы не вызвать зависть и не упустить его.

На отношение к счастью оказывают влияние и особенности русского менталитета, в частности бинарная оппозиция. [3] Это средство рационального описания мира, когда одновременно выделяются два противоположных понятия, одно из которых утверждает какое-либо качество, а другое — отрицает его. В русском языке содержится немало бинарных противоположностей: «победа или смерть», «либо пан, либо пропал», «правда-кривда», «счастье-несчастье». Обычно при оценке любого положения дел в русской традиции определять его или как положительное, или как отрицательное. Все промежуточные варианты приводят к неточностям, смысловой размытости, что не свойственно русскому характеру. Ярким примером, отраженным в литературе и широко практикуемым среди русского офицерства в XIX в., была игра в «русскую рулетку»¹ — пари не на жизнь, а на смерть.

Хотя отношение русской традиции к понятию «счастье» носит очень личный и сокровенный характер, передовые европейские идеи оказывали влияние на формирование в обществе представлений о лучшей, счастливой жизни народа.

В истории России вследствие территориально-географических, социально-экономических и политических особенностей развивалось общинное земледелие, при котором землей владела сельская община, где каждый год реализовывали передел земли с целью справедливого землепользования. Кроме того, в рамках общины осуществлялась взаимопомощь во время чрезвычайных ситуаций. Именно с сельской общиной связывали свои утопические проекты — добиться всенародного

¹ «Русская рулетка» - игра русских офицеров. По правилам игры, в пустой барабан револьвера заряжается один или несколько патронов с тем, чтобы остались свободные каморы, после чего барабан несколько раз проворачивается так, чтобы игроки не знали, где располагаются патроны, а где — пустые каморы. После этого игроки по очереди подносят ствол револьвера к собственной голове и нажимают на спусковой крючок.

счастья — представители революционной демократии XIX в. (Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов и др.).

Если общинный строй закладывал основы коллективистского сознания среди «низов», то в «верхах» существовали свои формы согласования разных интересов. В России такое взаимодействие получило название «соборность». На Православных Церковных поместных соборах решались важные религиозные и организационные вопросы, а с XVI в. стали собирать Земские соборы, которые представляли собрания высших сословий дворянства и духовенства, а также представителей разных групп населения. В Царской монархической России этот механизм сословного представительства выражал идею «соборности», то есть «единства во всем множественном разнообразии». [2, с. 26—27]

Устойчивая противоположность интересов «верхов» и «низов», их разное понимание и пути достижения счастливой жизни привели в конечном итоге к кризисному состоянию, не совместимому с дальнейшим развитием Царской России.

Смена общественной парадигмы и построение советского государства осуществили коренной поворот в общественном сознании. Понятие «соборность», потеряв множественность и разнообразие, превратилось в чистое «единство». Общинный коллективизм стал основной государственной социально-психологической установкой, указывающей приоритет общественного блага над личным. [2, с. 26—27]

Социально-культурный проект «счастье» получил сначала мировое измерение как «всемирное счастье», а затем сузился до границ СССР и был актуализирован в качестве «всеобщего счастья». Тем не менее, возможность осуществления данного проекта была недостаточно проработана.

В 1991 году в России была сломана командно-бюрократическая система и тем самым, казалось, что открылись широкие пути для процветания страны. Однако западные партнеры воспользовались временной слабостью страны и способствовали развитию только тех отраслей, которые были необходимы в их проекте «глобальной экономики». Все попытки проводить независимую политику встречают противодействие со стороны Запада.

Понятие «счастья» спустилось с небес «всеобщего счастья» и стало «личным», «индивидуальным», а поэтому разным для всех. В этой связи возможности для его достижения расширились. Однако влияние западной потребительской парадигмы сказалось на утрате определенных черт духовности, характерных для русской картины мира. Найти баланс между материальным и духовным в общественном и индивидуальном сознании и предстоит искать новой России в будущем.

Феномен «счастье» нашел свое отражение и в китайской культуре [7]. Значение слова «счастье» передается иероглифом 福 (фу). В древности этот иероглиф был связан с религиозным обрядом, когда шаман 巫师 (уши) преподносил духам хорошее вино и просил милости и защиты.

В современном китайском языке понятие «счастье» передается словом 幸福 (синфу), значение которого уходит корнями в период 甲骨文 (цзягувэнь), гадательных иероглифических надписей на костях и черепаших панцирях (XIV — XI вв. до н.э.). Уже тогда 幸福 означало пожелание благополучия предкам. Более того, иероглиф 幸 актуализировал милость императора: объявление амнистии перед смертью и возвращение к жизни, а иероглиф 福 означал милость Неба: здоровье и благоденствие вследствие покровительства духов. Поэтому уже в современном китайском языке отдельные части слова 幸福 передают значение: 幸运 (синъюнь) — счастливый случай и 福命 (фумин) — счастливая судьба.

В отличие от античного дуализма, при котором счастье предопределено богами, но и сам человек (гражданин) может испытать счастье в индивидуальной или общественной жизни, в древнем Китае счастливая жизнь в большей степени игра земного или небесного случая¹ — благоволение Неба или императора. Сочетание в одном явлении светского и религиозного позволяет побороться с судьбой, попытаться изменить судьбу.

В трактате «Шуцзин» главе Хунфань (IX—X вв. до н.э.) раскрывается понятие «счастья» 福 и объясняется, что считать полным счастьем, букв. пятью сторонами счастья (五福):: долголетие, богатство, здоровье и спокойствие, добродетель-

¹ Не здесь ли находятся корни любви китайцев к азартным играм

ные дела и естественная смерть (в преклонные годы). (尚书·洪范: »五福: 一曰壽, 二曰富, 三曰康寧, 四曰攸好德, 五曰考终命。)

Древние китайцы понимали счастье в рамках своей семьи как естественный и продолжительный процесс высоко нравственной жизни. Кончина на закате жизни являлась природным завершением добродетельного существования. Продолжение жизни заключено в потомках, которые будут посредством соответствующих ритуалов поддерживать связь с духами предков.

Любопытно, сравнить данное высказывание с античным представлением о совершенном счастье. У древнегреческого историка Геродота (484 г до н.э. — около 425 г до н.э.) есть рассказ о встрече Солона (VII—VI вв. до н.э.), афинского политика и одного из «семи мудрецов» Древней Греции и лидийского царя Крёза, известного своими несметными богатствами. На вопрос Крёза, кого он считает счастливейшим на свете? Лидийский царь надеялся, что Солон назовет его. Но греческий мудрец ответил, что самый счастливейший человек — это афинянин Телл, и этому есть несколько причин: Телл жил в родном городе во время расцвета этого города, сыновья его были прекрасны и добродетельны, у них также родились дети и при жизни его никто из них не умер, он питался плодами рук своих, был довольно зажиточен, и умер, сражаясь за родину — пал в сражении при Элевсине. Афиняне устроили ему погребение за счет государства и осыпали почестями. Рассматривая жизнь Телла как целое, Солон делает вывод о полном счастье античного гражданина: благоприятная судьба и обладание гражданскими и военными добродетелями. [5, с. 19]

Дуализм в отношении к всестороннему счастью роднит античные и древнекитайские воззрения в том, что надо прожить жизнь, и только после смерти можно судить насколько счастливо прожил человек свою жизнь.

Несмотря на наличие общих с западной концепцией «счастья» субъективно-психологических компонентов, китайский традиционный взгляд имел национальные особенности, которые опирались на иную культурно-философскую основу:

а) суть китайского миропонимания — это принцип «Великого Предела» (太极), предполагающий существование и взаимодействие противоположностей.

Отношению к счастью можно выразить словами великого Лао-цзы: «О несчастье! Оно является опорой счастья. О счастье! В нем заключено несчастье. Кто знает их границы? Они не имеют постоянства» [1, с. 132]. (祸兮福之所倚, 福兮祸之所伏. 孰知其极? 其无正也)

В соответствии с китайским мышлением проблему счастья нельзя отделить от понятия «несчастья». Эти две противоположности сосуществуют друг с другом, проникают друг в друга и находятся в постоянном движении.

В «Шаншу. главе Хунфань» приводятся 6 несчастий (六极), которые коррелируют с понятием 5 сторон счастья (五福): (ранняя смерть, неизлечимая болезнь, печаль (депрессивность), бедность, уродливая наружность и слабость характера)

(六极: 一曰凶、短、折, 二曰疾, 三曰忧, 四曰贫, 五曰恶, 六曰弱)

Если жизнь западного человека также включала несчастье как случайное или внешнее явление, по поводу которого необходимо было вымаливать прощение у Бога, то в китайской традиции «несчастье» было обратной стороной «счастья», и непосредственно от человека зависело, как поддерживать их правильный баланс. Правильное направление мог указать Учитель или совершенно-мудрый муж, но нравственные усилия человек должен был осуществлять сам.

Подсказками человеку в его стремлении к счастью были счастливые предзнаменования 吉兆 (цзичжао) и талисманы 吉祥物 (цзисяньгу), которые и защищали от ударов судьбы, и помогали удержать счастье в своих руках.

б) философские системы древности, распространенные в Китае, как конфуцианство, даосизм и буддизм закладывали культурный код счастья, отличный от западного.

Западные философы, начиная с древних греков, средневековых схоластов и до позитивистов нового времени, акцентировали внимание на отдельном индивиде и удовлетворении им чувственных наслаждений или интеллектуального познания, или духовного стремления к богу. Западный индивиду-

алист активен, экстравертен, настойчив в достижении своей цели, наконец, он готов осчастливить весь мир.

Восточные философские учения воспитывали человека быть в гармонии с обществом (конфуцианство), природой (даосизм) и самим собой (буддизм). Человек в китайской цивилизации социально-ориентирован, интравертен, настойчив в самосовершенствовании, склонен к активному духовному недеянию 无为 (увэй). Счастье для китайца всегда заключалось в адаптации к изменчивому потоку жизни, в ходе которой он путем упорного труда и самосовершенствования добивался благосостояния для своего узкого социума — семейного клана.

в) китайцам присущ холистический взгляд на мир. [4, с. 17] Их отличает целостный подход к ситуации. Им важно мнение окружающих, мнение со стороны. Именно поэтому писатель Мо Янь на вопрос журналиста о счастье ответил: «Не знаю». Кстати, далее он пояснил: «Счастье — это когда ни о чем не думаешь, можешь отложить все дела, чувствуешь себя здоровым и не испытываешь психологического давления, только тогда ты счастлив. А сейчас я весь на нервах, постоянно волнуюсь, могу ли я быть счастлив? Но если я скажу, что я несчастлив, вы скажете, что это слишком претенциозно: получить Нобелевскую премию — и быть несчастным!» [9] В этих словах великого писателя заключается китайский взгляд на счастье. Этот взгляд противоречив: с одной стороны, получить Нобелевскую премию — это достижение счастья — великой цели мирового признания, а с другой — психологическое давление и эмоциональные переживания не позволяют в полной мере ощутить полноту счастья.

Традиционный взгляд на счастье отражал сложную социально-культурную картину древнего и средневекового китайского общества. Счастье в Китае было понятием не столько индивидуально-психологическим, сколько социально-психологическим, так как рассматривалось и реализовывалось в рамках семейного клана. Счастливая жизнь представляла собой естественное существование, знание своего места в семье, выполнение законов семьи и участие в периодической смене поколений. Нравственная жизнь ученого мужа была идеалом, который поддерживался в обществе. Кроме процессуального счастья, присутствовало в жизни счастье-удача

(сдача чиновничьего экзамена, продвижение по службе), которое происходило не только вследствие удачной игры случая, но и упорного труда индивида. Модальность китайского счастья заключалась в долгой и неустанной работе по достижению цели, всесторонняя подготовка, рассмотрение всех взаимосвязей, чтобы избежать влияния неожиданных случайностей.

Если традиционный взгляд на счастье касался представлений китайского индивида, то поставить вопрос о счастливой жизни в рамках государства руководство КНР смогло лишь в 80—90 гг. XX в.

С начала политики реформ и открытости экономика Китая получила бурное развитие. В течение жизни одного поколения произошла глубокая модернизация социально-экономической жизни страны. Состоялся переход от доиндустриального уклада к индустриальному и далее к информационному. Экономическая модель экстенсивного роста с массовым производством, массовым потреблением и массовыми отходами стала трансформироваться в модель высококачественного развития с акцентом на эффективность, сбалансированность и устойчивость.

В социальной жизни также произошли коренные изменения. Ускоренными темпами стал решаться вопрос «благосостояния народа» 民生 (миньшэн), о котором мечтал еще великий китайский революционер Сунь Ятсен 孙中山. Руководство Китая в течение короткого исторического периода обеспечило народ едой и одеждой 温饱 (вэньбао), тем самым гарантировало первичные потребности людей. На следующем этапе было реализовано повышение благосостояния народа до уровня зажиточной жизни 富裕生活 (фуюй шэнху). Далее на повестку дня была выдвинута цель — построение прекрасной и счастливой жизни 幸福美好的生活 (синфу мэйхао дэ шэнху). Если на предыдущих двух этапах приходилось решать количественные задачи экономического порядка, то на третьем этапе — тема счастья оказалась комплексной проблемой качества жизни, которая включала политическую, экономическую, социальную, культурную и экологическую составляющие. Исторической основой темы счастья был китайский культурный код, который был заложен в древности, отражал

ся в китайской иероглифической письменности и проявился в национальном менталитете китайцев.

Первые подходы к изучению проблемы счастья и способам его измерения были осуществлены в начале 2000 г., в период руководства страной председателя Ху Цзиньтао. Предложенная в ходе его правления концепция счастья как «гармоничного общества» 和谐社会 (хэсе шэжуэй) и «ориентированности на человека» 以人为本 (и жэнь вэй бэнь) предполагала дальнейшую интеграцию в глобальный мир, конвергенцию в форме «гармоничного мира» и акцентировании внимания на интересах индивида. Такая постановка вопроса означала не столько отход от традиционного китайского культурного кода, сколько поиск и изучение тех западных смыслов, которые можно было перенять и гармонизировать в рамках своей цивилизационной модели.

После прихода к власти Си Цзиньпина китайских ученые провели дискуссию по проблеме «счастья», которая показала хорошее понимание темы обсуждения, глубокое знакомство с западными тенденциями в исследовании данной темы¹.

Китайские исследователи акцентировали внимание или на объективной стороне счастья — материальных условиях жизни, или на субъективной стороне счастья — психологизме и эмоциональной, кратковременной реакции на изменение условий существования. Они также обращали внимание на добродетельную жизнь во имя общества.

Тем не менее, китайские ученые мыслили в рамках западной парадигмы представлений о счастье и не дали ответа, в чем могут состоять национальные особенности китайского подхода к этой проблеме.

Страны Запада еще в Новое и Новейшее время перешли к капитализму, характерной чертой которого является последовательное формирование общества потребления. Культурно-философское направление модернизм с идеями разума и прогресса в середине XX в. сменился постмодернизмом — философией кризиса западных идей, которые касались первооснов — смерти Бога (Ницше), смерти автора (Барт), смерти человека (Фуко). Конец истории Ф. Фукуямы свидетельствовал о конце развития. Пространственно-временной континуум

Подробнее о дискуссии см. [6, с. 132-146]

эпохи сконцентрировался только в настоящем. Катастрофизм общественного сознания, стремление спрятаться от неразрешимых противоречий жизни приводили к безудержным наслаждениям, необузданному потреблению, культурной деградации. Именно такова философская основа взглядов западных авторов в отношении счастья.

Китайское общество, достигнув в кратчайшие сроки уровня общества потребления, в поисках дальнейшего пути развития перенимало мировой опыт, и в то же время как индивидуально, так и социально частично воспринимало отработанные стереотипы постмодернистского Запада.

Китайская наука также прилагала усилия для изучения передовых научных идей — многочисленных психологических субъективных теорий о счастье. Однако этот передовой край науки был занят мелкотемьем, исследованием нередко частных и несущественных случаев. В результате фиксировались количественные результаты, но так и не было сделано качественных прорывов в изучении проблемы, что представляет собой счастье в новую эпоху.

Современное китайское общество должно найти свой путь к счастью, которое должно интегрировать и традиционный и современный опыт. Для этого у Китая есть мудрое, национально ориентированное руководство, экономически развитое общество, в достаточной степени образованное население.

Социокультурные доминанты: Природа, Бог и Человек — развивались по шкале времени: прошлое, будущее и настоящее. В древности абсолютизировали прошлое (Природу), в средние века — будущее (Бога) и в новое и новейшее время — настоящее (Человека). [2, с. 2—6] Так на Западе пришли к индивидуальному счастью Человека.

В Китае есть все возможности и впервые в истории сформулировать и добиваться счастья для всего народа, где каждый человек будет чувствовать себя счастливым, и, не замыкаясь на настоящем прочертить путь в будущее. Это будет формула интегрированного счастья Китая.

Понимание счастья в разных цивилизациях в целом имеют общие черты и свои особенности.

Счастье — это комплексное историческое понятие, имеющее объективную и субъективную стороны и связанное с ос-

новными ценностями общества. Отношение людей к счастью демонстрирует уровень и стадию развития общества и цивилизации в целом.

Западные страны прошли долгий путь в поисках своего счастья и достигли его в настоящем в жизни индивидуально, растущего и безграничного потребления. Россия идет своим путем, стремясь к сочетанию духовного и материального, на которое оказывает влияние западные утопии и общий уровень жизни общества. Китай позже всех вступил на путь построения счастливой жизни. В отличие от России (СССР), где попытались достичь «счастья для всех», но по разным причинам не смогли дальше двигаться к этой цели и остановились на «индивидуальном счастье», в Китае с самого начала целевой установкой было построение «счастья для народа», но этот процесс был поставлен под контроль регулятора — КПК, которая руководит движением вперед и, в зависимости от конкретной ситуации, допускает развитие «индивидуального счастья», а при возникновении сложных кризисных явлений спланирует людей, делая акцент на общем, всенародном счастье.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах. Т. 1. Академия наук СССР Институт философии. М.: Издательство социально-экономической литературы «Мысль», 1972.
2. Задворнов А. Н. Генезис представлений о счастье в европейской и евразийской философии. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Научный журнал. Киров, 2015, № 1.
3. Лапухина М. В. Трактование счастье в русской культурной традиции // Аналитика культурологии. Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина. Научный журнал. Тамбов, 2004, № 2. С. 14—15.
4. Малявин Владимир. Китай управляемый. Старый добрый менеджмент. Серия: «Формы правления», М.: «Европа», 2007.
5. Петрова Л. А. Тема счастья и радости в античной культуре и христианской традиции. 09.00.13 — Философская антропология, философия культуры. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. Санкт-Петербург. 2016.
6. Русакова И. Б. Национально-культурные особенности концептов «счастье-несчастье» (на материале русских пословиц) // Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. Сб. материалов конференции. 2005. С. 90—95.

7. Семенов А. В. Дискуссия по проблеме счастья в современном Китае//Восточный альманах: сб. науч. ст. Вып. IV/Под общ. ред. М. Г. Троянского. – М.: Дипломатическая академия: Квант Медиа, 2020. – 174 с.

8. Толковый словарь живого великорусского языка. Владимира Даля//URL: <https://slovardalja.net/word.php?wordid=39717> (дата доступа: 25.09.2022)

9. Лу Гочэн. Мо Янь — Ни синфу ма? (Мо Янь: Ты счастлив?). Ибао. 15.02.2013//URL: <https://chs.ebaomonthly.com/ebao/readebao.php?a=20130212> (дата обращения: 23.09.2022)

Царькова Е. А.
Tsarkova E. A.

«ПОРТРЕТ» ПРЕПОДАВАТЕЛЯ КАК СУБЪЕКТА ЗАТРУДНЕННОГО ОБЩЕНИЯ

LECTURER'S PROFILE AS SUBJECT OF MISCOMMUNICATION

Аннотация: Статья посвящена исследованию портрета преподавателя как трудного партнера по общению. Целью данной статьи стало выявление характеристик преподавателя, которые, с точки зрения студентов, затрудняют общение между учащимися и педагогом, создают коммуникативный барьер и не соотносятся с понятием «оптимальное общение» между преподавателем и студентом.

Ключевые слова: педагогическое общение; затрудненное общение; оптимальное общение; коммуникативный барьер

Abstract: The article is dedicated to the application study of a lecturer's profile as a miscommunication partner. The aim of the article is to determine the characteristics of a lecturer which can hinder communication between students and lecturers, create communication barriers, and do not correlate with the concept of optimal communication in the process of pedagogical communication from the students' perspective.

Key words: pedagogical communication, miscommunication; optimal communication; communication barrier.

Педагогическое общение это — профессиональное общение педагога и учащегося, которое имеет характерные педагогические функции, направлено на создание целесообразной учебной атмосферы и специфично по своим социально-ролевым и функциональным позициям объектов общения [8].

Общение между педагогом и учащимся только в 1970-х гг. стало объектом педагогических и психологических исследо-

ваний отечественных ученых и исследователей. Среди них это направление развивали и развивают В. А. Кан-Калик, А. А. Леонтьев, В. М. Целуйко, Е. Н. Ильин и др. [3].

Сложность и многомерность самого такого феномена, как общение, определили ряд проблем педагогического общения, которое в понимании отечественных ученых, считается социально-психологическим процессом, неотъемлемо связанным с трудовой, учебной, игровой и другими видами деятельности [3].

Педагогическое общение, по мнению отечественных психологов и педагогов, формируется в совместной деятельности, является ее необходимым критерием, организует эту совместную деятельность. А содержание общения, цели, способы и средства обуславливаются целями и особенностями совместной деятельности людей, приобретая предметно-ориентированное значение [3].

Многие ученые при таком подходе отмечают, «личность с ее потребностями, мотивами, ценностями, рефлексией, самоуправлением, избирательностью, ответственностью остается большей частью вне психологического исследования» [3].

Однако благодаря совместным усилиям психотерапевтов, психологов, этнографов, социологов, культурологов, развивающих такое направление, как социальная психология, сам социально-психологический процесс общения, стал рассматриваться более глубоко, индивидуально. Стал изучаться феномен первого впечатления, процесс восприятия человеком человека, механизмы прогнозирования поведения, ситуативное общение, а также различные аспекты затрудненного общения [4].

Отечественные психологи (Е. В. Цуканова, В. Н. Куницына, А. А. Бодалев, Г. А. Ковалева, В. А. Лабунская и др.) при рассмотрении педагогического общения чаще всего обращаются к таким понятиям, как оптимальное общение и затрудненное общение [4].

Затрудненное и оптимальное общение — это очень многозначные понятия, имеющие множество трактовок из-за своей субъективной природы. Тем не менее, автор данной статьи, в рамках научной школы «Социальная психология общения и экспрессивного поведения» доктора психологических наук В. А. Лабунской, считает, что в качестве факторов, определя-

ющих развитие, изменение ситуации затрудненного взаимодействия между людьми (между педагогом и учащимся) выступает система отношений — базовая характеристика субъекта общения [4].

Оптимальное общение понимается как определенный набор личных качеств, навыков и умения, гарантирующих успешное, эффективное общение между студентом и преподавателем, а затрудненное общение представляет собой психологический феномен, включающий широкий спектр явлений, которые могут привести к дискомфортному, неэффективному, расстроенному общению, а в иных случаях и к конфликту [4].

Затрудненное общение — это «все виды и формы общения (от межличностного до межгруппового), приводящие к деструктивным изменениям поведения партнеров и общностей, к непрерывно — прерывным контактам между ними, вплоть до отказа от общения, к снижению уровня осознания причин трудностей в общении, к уменьшению, а в ряде случаев, к исчезновению попыток самостоятельного выхода из возникших затруднений, к формированию тревожного отношения к любой ситуации общения» [6].

Возникающие в общении трудности (причины затрудненного общения), по В. А. Лабунской, могут быть классифицированы по различным параметрам: 1) *объективные* — трудности коммуникативного характера, почти всегда очевидные и легко ликвидируются, и *субъективные* — неочевидные для партнера, связанные с поведенческими особенностями и чертами, свойственными характеру личности или группы; 2) *первичные* (история формирования, условия жизни) и *вторичные* — порожденные различными психогенными и социогенными воздействиями; 3) *осознаваемые* — реально присутствующие в ситуации общения и *неосознаваемые*, не переживаемые личностью и группой; *представленные в сознании личности, но реально несуществующие*; 4) *ситуативные* или *устойчивые*; 5) *межкультурные* и *культурно-специфические*; 6) *общевозрастные* и *тендерные* (маскулинность — фемининность), *половые*; 7) *индивидуально-психологические, личностные, социально-психологические*; 8) *когнитивно-эмоциональные* (представления, мнения, стереотипы, установки, настроения, преобладающие эмоциональные состояния, ценностные

ориентации и т. д.), *мотивационные* и *инструментальные* (навыки общения, правила этикета, нормы, ритуалы, принятые в группе способы обращения и т. д.); 9) *компоненты структуры общения* (социально-перцептивные, коммуникативные, интерактивные); 10) *вербальные* и *невербальные* [4].

В любом случае, какими бы ни были причины, вызывающие затрудненное общение, они свидетельствуют о наличии психологического коммуникативного барьера, который указывает на определенные трудности, связанные с общением [3].

По В. Н. Куницыной, «коммуникативный барьер — абсолютное или относительное препятствие эффективному общению, субъективно переживаемое или реально присутствующее в ситуациях общения, причинами которого являются мотивационно-операциональные, индивидуально-психологические, социально-психологические особенности общающихся» [8]. А. Б. Д. Парыгин отмечает, что социально-психологические барьеры консервируют резервы духовно-психического потенциала человека или тормозят их реализацию [9].

Феномен барьера общения по своей природе социален. Барьеры общения, так или иначе, связаны с личными особенностями партнеров по общению, а также с их системой кодификации и декодификации информации [1].

Субъект затрудненного общения, создающий коммуникативные барьеры, по мнению В. А. Лабунской, чаще всего имеет несбалансированную структуру личности, или, не был способен преодолеть нужные кризисы личности, или запутался в выборе стратегий межличностного общения, или выбрал такой стиль жизни, в котором общение стоит на последнем месте в списке приоритетов, или же избрал деструктивный стиль поведения, однако следует отметить, что человек, являющийся субъектом затрудненного общения, «не всегда сознательно, целенаправленно делает общение затрудненным или создает коммуникативные, социально-перцептивные, смысловые, интерактивные и другие барьеры, преследует цель вызвать состояние эмоционального напряжения, тревоги и т. д.» [4]. К тому же часто случается, что индивид становится субъектом затрудненного общения только в определенной коммуникативной ситуации из-за специфического сочетания

качеств и свойств. Но, так или иначе, субъект общения должен рассматриваться с точки зрения социальной, культурно-психологической нормы, которая обладает ядерным критерием — качеством преобразовательной активности личности в системе отношений «нормальность — аномальность», «созидание — разрушение» [4].

Именно созидательное, оптимальное педагогическое общение, как писал А.А. Леонтьев, необходимо для правильного формирования личности учащегося, побуждает к творчеству, раскрывает потенциал личности преподаватель и препятствует возникновению барьеров общения [5].

Ролевая позиция педагога является основным фактором появления затруднений в педагогическом общении. Она может проявляться в низком уровне развития навыков общения, в несдержанности, в негативном оттенке эмоционального реагирования на ту или иную ситуацию, в доминировании негативного отношения партнеру, в отсутствии критики к себе и т.д. [4].

Целью данного исследования стало определение индивидуальной и групповой чувствительности студентов к определенным сторонам общения с педагогом. Определение этой чувствительности помогли бы приблизиться к пониманию портрета оптимального и трудного партнера-педагога по общению.

Перед исследователем ставились следующие частные задачи:

- проанализировать имеющуюся литературу, разработки и исследования отечественных ученых, педагогов и психологов по исследуемым понятиям, и выбрать психометрически проверенный опросник для проведения исследования;
- преобразовать выбранный опросник В.А. Лабунской в электронный формат с использованием Google Forms и провести исследование;
- проанализировать полученные результаты исследования с учетом перспектив проведения дальнейших исследований.

Объектом настоящего исследования стал преподаватель в процессе педагогического общения, предметом исследова-

ния явились характеристики преподавателя, затрудняющие общение со студентами и создающие портрет преподавателя в качестве трудного партнера по коммуникации.

Для проведения исследования и выявления характеристик, присущих педагогу, как субъекту затрудненного общения, автором данной статьи была выбрана методика, разработанная отечественным автором, (следовательно, культурно-специфическая) В.А. Лабунской «Социальнопсихологические характеристики субъекта общения».

Респондентам был предложен онлайн опросник, состоящий из 68 позиций (с негативными и позитивными характеристиками) по пяти группам-факторам общения. Каждая позиция дополнительно ранжировалась от 0 до 5 по степени затруднения общения с преподавателем.

Первая группа (I) образует экспрессивно-речевые (ЭР) отличительные черты партнеров. К ней относятся суждения 1, 5, 9, 13, 17, 21, 25, 29, 33, 37, 41, 45, 49, 53, 57. Вторая группа (II) отражает социально-перцептивные (СП) черты. Это суждения 2, 6, 10, 14, 18, 22, 26, 30, 34, 38, 42, 46, 50, 54, 58. Третья группа (III) описывает суждения отношения-обращения (ОО) партнеров по общению. К ней принадлежат суждения 3, 7, 11, 15, 19, 23, 27, 31, 35, 39, 43, 47, 51, 55, 59. Четвертая группа (IV) раскрывает умения и навыки организации взаимодействия (НВ). Ее формируют пункты 4, 8, 12, 16, 20, 24, 28, 32, 36, 40, 44, 48, 52, 56, 60. В отдельной группе характеристик (V) учитывается влияние таких параметров, как интенсивность коммуникации, число партнеров, присутствие свидетелей общения, возраст и пол, а также статус (VO). В нее включены суждения 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68.

Студентам предлагалось отметить черты, которые в их понимании присущи образу преподавателя как трудного партнера по общению по шкале от 0 до 5, где 0 — совсем не затрудняет, 5 — очень затрудняет.

Выборку составили студенты 1—4 курсов Дипломатической академии МИД РФ в составе 43 человек. В группу участников исследования вошли 23,3% мужского пола и 76,7% женского пола. Средний возраст респондентов составил 20 лет.

Полученные данные были обработаны с помощью качественного и количественного анализов. Суждения, которые

участники оценили, как очень сильно (5) и сильно (4) вошли в «портрет» преподавателя, как субъекта трудного общения.

75—100% выборов одной и той же характеристики общения трактовались как характеристики, входящие в ядро представлений о трудном партнере общения, во второе ядро характеристик трудного партнера общения вошли характеристики, набравшие от 50% до 75%, третье ядро составили все оставшиеся характеристики с разной частотой выборов.

Таким образом, результаты исследования позволили сформулировать первое ядро характеристик педагога-трудного партнера по общению (75%-100%), суммировав выборы в процентах рангов 4 и 5. Им стала одна характеристика:

- № 11 — неприязненное (враждебное) отношение преподавателя к другим людям (ко мне) — 20,9% и 60,5%, суммарно 81,4%.

Если обратить внимание на характеристики, затрудняющие общение, которым студенты присвоили ранги 4 и 5, как сильно и очень сильно затрудняющие общение, то во второе ядро попали и такие пункты:

- № 3 — безразличное отношение преподавателя к другому человеку (ко мне) — 30,2% и 25,6%, суммарно 55,8%;
- № 7 — подозрительное отношение преподавателя к другим людям (ко мне) — 27,9% и 25,6%, суммарно 53,5%;
- № 8 — привычка перебивать разговор — 23,3% и 30,2%, суммарно 53,5%;
- № 15 — властное отношение преподавателя к другим людям (ко мне) — 14% и 39,5%, суммарно 53,5%;
- № 16 — неумение аргументировать свои замечания, предложения — 16,3% и 51,2% суммарно 67,5%;
- № 19 — высокомерное отношение преподавателя к другим людям (ко мне) — 14% и 60,5%, суммарно 74,5%;
- № 28 — желание навязать свою точку зрения — 23,3% и 34,9%, суммарно 58,2%;
- № 30 — привычка судить о человеке по внешности — 16,3% и 48,8%, суммарно 65,1%;

В третье ядро попали все остальные характеристики с разным числом выборов, которые скорее не так важны с точки зрения групповой взгляда на трудного партнера по общению, а скорее индивидуальны.

Пункты 3, 7, 11, 15, 19, которые относятся к категории отношения-обращения (ОО), студенты отмечали чаще всего. Для студентов важно, чтобы преподаватель не проявлял высокомерного, неприязненного, властного отношения в процессе педагогического общения, не выказывал безразличия и подозрения.

Характеристики под номерами 8, 16, 28 — это характеристики, связанные с умениями и навыками преподавателя организовывать взаимодействие (НВ). Преподаватель считается трудным партнером по общению, если он перебивает студентов, если он не умеет аргументировать свою позицию и свои замечания к студентам, если он навязывает свою точку зрения.

И наконец, пункт № 30 — привычка судить о человеке по внешности входит в группу социально-перцептивных особенностей партнера (СП), она тоже была выбрана как затрудняющая общение с преподавателем.

9 характеристик, попавшие в первое и второе ядра представлений о трудном партнере, можно считать основными причинами возникновения коммуникативного барьера между педагогом и учащимися.

Следует отметить интересный факт, что студенты, оценили некоторые характеристики как совершенно не затрудняющие общение с преподавателем (0). Ими стали те характеристики, которые часто вызывают затруднение [4]:

- № 17 — отсутствие внешней привлекательности. 60,5% считают, что непривлекательность совершенно не затрудняет общение;
- № 65 — возрастные различия между Вами и преподавателем — 69,8%;
- № 66 — половые различия между Вами и преподавателем — 88,4%;
- № 67 — должностные различия между Вами и преподавателем — 81,4%.

Пол, возраст, разница в должностях почти никаким образом не затрудняют общение преподавателя и учащегося.

Результаты данного исследования могут содействовать налаживанию педагогического общения, так как они являются базой для рефлексии и самоанализа преподавателя, могут послужить развитию коммуникативных умений, составляю-

щих основу мастерства педагога и характеризующих преподавателя как субъекта оптимального общения.

Однако необходимо проведение дополнительных исследований для определения гендерного, возрастного и этноролевого и других факторов, включенных в классификацию причин затрудненного общения, влияющих на представление студентов о преподавателе как о трудном партнере. Также для составления полной картины о причинах затрудненного общения в дальнейшем можно использовать более частные шкалы межличностных отношений: «шкалу принятия других», «шкалу враждебности», «шкалу манипулятивного отношения» и т. д.

Итоги настоящего исследования и выводы по нему будут донесены до преподавателей Дипломатической академии МИД РФ и студентов, принимавших в нем участие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева Г. М. Социальная психология: учебник для высш. учеб. заведений — 5 изд., испр. и доп. М.: «Аспект Пресс», 2004. 365 с.
2. Артемова И. Э. Какой преподаватель лучше? // New World. New Language. New Thinking. Сб. материалов конференции. Москва. 2020. С. 288—291.
3. Каминский Е. И., Коробова А. Э. Деятельностная модель педагогического общения // Психология образования в XXI веке: теория и практика, 2011.
4. Лабунская В. А. Психология затрудненного общения: Теория. Методы. Диагностика. Коррекция: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. А. Лабунская, Ю. А. Менджерицкая, Е. Д. Бреус. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 288 с.
5. Леонтьев А. А. Педагогическое общение / А. А. Леонтьев. М., 1979. С. 98.
6. Лупьян Я. А. Барьеры общения, конфликты, стресс. 2 — е изд., доп. Мн.: Выш. шк., 1988. 223 с.
7. Мирзоева Ф. Р. Имидж преподавателя иностранного языка: структура и содержание // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 2 (87). С. 71—73.
8. Орлова М. А. Психологические особенности общения как вида деятельности: педагогическое общение // Социосфера. 2010. № 1. С. 41—46.
9. Парыгин Б. Д. Социальная психология. Проблемы методологии, истории и теории. СПб.: ИГУП, 1999. 592 с.

Раздел 3. ГОСТЬ СБОРНИКА

Gholam reza Matali Parsa,

Associate Professor of Allameh Tabatabai University
Department of Persian Literature

HISTORY OF DEVELOPMENT OF THE STANDART PERSIAN LANGUAGE FROM THE BEGINNING TO THE PRESENT

Abstract: Language is the most effective medium of communication among human beings, and consists of spoken and written forms. The written form has been employed throughout history for recording thoughts, memories, and human knowledge. Different nations use a specific type of written language for the establishment of a comprehensive communication called standard language, which plays a unifying, distinguishing, and authoritarian role. The standard language is usually the official government language in each period of a nation's history.

In post-Islamic Iran, Dari has been used as the official language for historical, scientific, and literary compositions in different periods. It could be said that Dari has been the standard Persian language, and in every period it has experienced transformation in accordance with the scientific and literary currents.

In this article, we have tried to mark the causes of these transformations through the structural analysis of the standard language in different historical periods.

Key words: Persian language, Standard language, Official language, Linguistic roles, Linguistic transformation

Throughout history, human beings have examined various ways for communication and recording information, dreams, wishes and thoughts. These range from the carvings on cave walls to the most sophisticated communication technologies.

Without any doubt, language is the most comprehensive and effective medium and method for communication, which conveys thoughts, dreams, scientific discoveries, and socio-historical events to other people.

Every country is a conglomeration of connected lands which binds different people together through a unified government and language. People who live in different cities and villages employ various languages and dialects which, once used as

written language, limit the range of communication. Therefore, the intellectuals of these countries have come to the conclusion that it is necessary to choose one of these linguistic types for the purpose of recording their experience in order to render the national communication easier and more convenient. Usually, the language which is common in the capital of the country is chosen for this purpose. In Iran, historical findings indicate that Dari has been the language employed in the Sasanid court for writing and recording the events happening in the country. "Persian language, or Dari (meaning official), is the successor of the Zoroastrian Middle Persian language. It became the official language of Muslim Iranians from the time of Yaqub Layth Saffaari, and gradually replaced the other Iranian languages such as Soghdian, Scythian, Khwarizmi, and Balkhi, dominating a huge part of the world, from India to Europe and from the Aral Sea to the Persian Gulf" (Abolghassemi, 1385: 261).

The chosen linguistic type is called "the standard language." "Standard language is used to refer to that linguistic form which the people of a specific country — who probably employ different dialects and local languages — choose as the best and most effective medium of communication. It is often the same as the written language, and is used on radio, television, school books, newspapers, and formal relations" (Sadeghi, 1375: 29).

In order to clearly identify the standard language, it is more convenient to determine the elements which should not be in it, that is to say, we should mark those elements which weaken its standard nature if they find their way into it.

One of the disruptive factors of the standard language is the "introduction of obsolete and outdated linguistic elements" into it. These linguistic elements might belong to the phonetic, conjugal, grammatical, or semantic fields, or to lexical or grammatical morphemes.

Another element which distances language from its standard nature is the emphasis upon linguistic purity and de-Arabicization. Even if the elimination of Arabic elements from Persian language were possible, it would have no result other than weakening and enfeebling Persian language itself.

The other element which resists standardization of language is "the calque or loan translation from alien languages" which has become common due to clumsy translation.

"The use of local elements" also debilitates the standard language and sometimes creates a defect in communication.

Another aspect of the standard language is that we should not introduce exclusively literary and poetic elements into it without any necessity.

"Manneristic Arabism" (that is, using Arabic words and structures in a mannerist way) and "the introduction of jargons" also weaken the standard language. (Sami'ee, 1385: 51—55)

In every society, the standard language plays a number of significant roles: unifying, distinguishing, and authoritarian.

"By the unifying role it is meant that different regions, which use different dialects, gather and unify under the flag of a community with one standard language. Its distinguishing role consists of the fact that a specific society differentiates itself from its neighboring societies by means of employing it. The third role is effective in bestowing authority and credit on those who employ the standard language, and finally, the last role consists of giving language itself the authority to determine the correctness or incorrectness of linguistic uses and the comprehension and evaluation of poetry (literature)" (Sadeghi, *ibid*: 31).

Throughout its history, Persian language has gone through different stages to take its current form. As it was mentioned above, Dari is the continuation of the Zoroastrian Middle Persian. In order to trace the transformation of the written language, we focus on the tablet of Shapur II which is in Taq-e Bostan, and through the analysis of its sentence structures introduce the early stages of the Persian prose:

1. patkar ēn
2. mazdyasn bay
3. šāhpuhr šāhān
4. šāh ērān ut anērān kē
5. čior hač yazdān pus mazdyasn
6. bay ōhrmazd šāhān
7. šāh ērān ut anērān kē
8. čior hač yazdān nap bay
9. narsah šāhānšāh.

(Abolghassemi, *ibid*: 198)

Translation:

1. This is a statue

2. Of the Mazda Worshipping King
3. King of Kings, Shapur
4. King of Iran and Aniran
5. Of divine race, the son of the Mazda Worshipping King
6. King of Kings, Hormuz
7. King of Iran and Aniran
8. Of divine race, the grandson of the King
9. Nersi, the King of Kings

In the first line, the word *ēn* (meaning “this” in Dari) is a demonstrative adjective which in Dari precedes the noun, but in Middle Persian comes after it. “Bay” (bag), which means master, was used as an attribute for the king, and it was used with the same meaning in Dari as well. Borhani-e Neishaburi, the father of Amir Mo’ezzi, in a poem, which he composed before his death and in which he implored Sultan Sanjar to take care of his son, says:

Gone am I, yet of me a true successor you shall see in my son;
To God him I entrust, and to the King him I consign.

“Ut” in Middle Persian was the equivalent for the conjunction “and.” In the fourth line, the copula “is” does not precede the conjunction *kē*, meaning “that.” “Kē” was written in the same form from the fourth to the sixth centuries; however, from the sixth century onwards its spoken and written forms changed to its current form.

In the fourth and fifth lines, “*kē čər hač*” which means “from the divine race,” the third person pronoun is not mentioned, and the copula “is” is not employed. The same is the case with the seventh and the eighth lines.

As we know, the earliest post-Islamic works in Dari date back to the second half of the third century, that is, to the age of Ya’qub Layth Saffari. The poems of Muhammad ibn Vasif-e Sagzi are, according to the historians, the first poetic pieces written in Dari. The poetry of the age of Saffari is not structurally different from the fourth and fifth century poetry. For example, the following poem by Handhaleh Bad Gheisi:

Although my beloved sprinkles rue on the fire,
So that no harm would befall her from envious eyes,
Yet no rues nor any fire will do her any good,
Because of her fiery face and rue-like mole.

(Dabirsiaghi, 1370: 3)

The earliest remaining work of prose dates back to the opening years of the fourth century, a treatise on the Hanafi jurisprudence (*fiqh*) written by Hakim Abolghassem ibn Muhammad Samarghandi in about 315 Hijri. The following is an excerpt from this treatise:

The sign of loving God and the sign of its truth is to forsake disobedience, to follow the example of the Prophet, to be content with all His decrees, and to be kind with His creatures” (Daneshpajoo, 1383: 47).

Since this passage is taken from a religious text, the frequency of the Arabic words used in it is considerably higher in comparison with the other texts from the fourth and fifth centuries. The other characteristic features of this text is its employment of “ء” instead of “ى”, and its use of the present infinitive, of “نا” instead of “نه”, and repetition of the verb.

The translation of Tabari’s History and his Interpretation of Quran were carried out in the years following 350 Hijri. A survey of the works written during the fourth and fifth centuries shows that some these works share the same sentence structure and lexicon, and it was the continuation of this trend, in the sixth century and afterwards, that led to the establishment of a written type which became the basis of the standard written language. The other works of the same period are written mainly in the dialect of the author’s city of residence, for example, “Ghoran-e Ghods”, “Ghoran-e Paak” and “Tabaghaat al-Sufiyyah” all by Khajeh Abdullah-e Ansari.

Here, we quote some lines from Tarikh-e Bal’ami (the translation of Tairkh-e Tabari), a work which can mark the beginning of the standard prose:

“Thus, Adam (pbuh) every year departed from India and went to Mecca on pilgrimage and then returned to India. One year he went to Arafah and lingered there awhile” (Bal’ami, 1370: 64).

“Thus, the Prophet (pbuh) said: I swear to Him in Whose hands is my soul that if the Sun did not pass through the water, and if it came out of the water, it would burn everything on which its hot light would fall, everything including people, beasts, tress, fruit, and plants; and if the Moon did not come out of the water, all the creatures would worship it because of its fairness and beauty” (Bal’ami, 1370: 33).

In the first extract, “پس آدم را عليه السلام”, the word “را” is a subject indicator, which was used in the Middle Persian and fourth

century texts. The verbs “حج کردی”, “آمدی”, and “شدی” follow the archaic structure of the past progressive, in which the suffix “” was used instead of the prefix “”.

In the second excerpt, the word “را” has been employed to separate the words “آفتاب” and “گذر”, the modern form of which is “گذر آفتاب”. The verbs are in the archaic conditional form, and instead of the prefix “می” the suffix “ی” has been used. The verb “نگزیدی” is an denominative past tense verb derived from the present infinitive “گذشتن”, meaning “did not pass”. In the same way, the verb “بسوزیدی” is an denominative past tense verb meaning “did burn.” The verbs “نگذشتی” and “سجود نکردی” are past progressive tense verbs, meaning “did not pass” and “did not worship.” The phrase “به میان آب اندر” has double preposition.

The word “تَبَش” means “warmth” and “hotness,” and it is a gerund of the verb “تَبیدن” meaning “to light on.”

Although the following passages were translated from an Arabic text, the frequency of Arabic words is not very high.

In what follows, in order to show the difference between works, which from structural point of view are written in the common language and finally lead to the modern standard prose, and those written in dialect, we analyze a number of passages written in dialect and local languages. The first example is from “Ghoran-e Ghods” critically edited by Dr. Ravaghi. This work is a Persian translation of Quran, claimed to be the earliest translation into Persian. This book was identified in 1966, in the museum of Astan-e Ghods, and drew the attention of scholars to itself. It was revealed to be a historical translation of paramount importance, and was published in one volume in 1976, later being published in two volumes in 1985 with the critical edition of Dr. Ravaghi. It has been suggested as a hypothesis that this book was written between 250 and 350 Hijri. As its editor claims, this book is written in the Sistani dialect, most probably influenced by Baluchi dialect as its specific phonetics indicates. The translator remains unknown:

“Such is the Bounty from God: and sufficient is it that God knoweth all./O ye who believe! take your precautions and either go forth in parties or go forth all together./There are certainly among you men who would tarry behind: if a misfortune befalls you. They say: “God did favor us in that we were not present among them.”/But if good fortune comes to you from God they would be

sure to say as if there had never been ties of affection between you and them “Oh! I wish I had been with them; a fine thing should I then have made of it!”/Let those fight in the cause of God who sell the life of this world for the Hereafter to him who fighteth in the cause of God whether he is slain or gets victory soon shall We give him a reward of great (value).” (Ghoran-e Ghods, 1364: 37)

In this text, the archaic word “گوس” means enough; “انوز” signifies “soon” and “جهن” is the shortened form of “دست بردن” means to free oneself and achieve victory. The conjunction “که” is attached to the word which comes after it; the verb “بگرویستید” means to follow. In Middle Persian, the denominative tense was made either through adding the suffixes “ست” or “ید”. The former is no longer constructive in Dari, since it is not used for making new verbs; however, the latter has been employed for making denominative verbs.

The verb “شید” is the colloquial form of “شوید” which is still used nowadays in colloquial language. The verb “گهد” is an especial form of “گوید” in which the consonant “ه” is employed instead of “ی”, and it is also used in the word “گوهی”.

In the verb “شهد”, which means “شود”, the consonant “ه” is not pronounced.

“گرهه” is the shortened form of “کی”, “گروه” which means “کسی” is used twice; the word “ور” means “بر” and “وا” signifies “بازار”. In the text, the verbs are used at the beginning of the sentences, which must be due to the influence of Arabic. In “کاشکی من بودی وا ایشان” the optative mood is perceived.

The second passage is taken from the “Ancient Interpretation”, an image of which is taken by Mojtaba Minavi in Khosro Pasha Library in Turkey. Muhammad Roshan has published the images in the format of a book. The following is a part of the translation of Baqarah (the second Surah of Quran), which most probably has been penned down during the third or the fourth century:

“The Jew said: we are friends with God, and the eternal Paradise will be ours. Allah replied: Say, O Muhammad, “If the last Home with God be for you specially and not for anyone else then seek ye for death if ye are sincere.” (Roshan, 1382: 10)

“No, we shall not even believe in thy mounting until thou Send down to us a book That we could read, Or thou bring God And the

angels before (us) Face to face, so they can testify the truth of your claim.” (*ibid*, 16).

“A slave woman who believes is better than an unbelieving woman even though she allure you. Nor marry (your girls) to unbelievers until they believe” (*ibid*, 67).

The characteristic features of the above passages, which are written in dialect, are the following:

1. The use of “ف” instead of “ب” in words such as باز، بر، با، بی.
2. The employment of colloquial language in broken verbs such as “ناری” instead of “بمران”، “نیاری” instead of “بمیران” and “نایند” in the place of “نیایند”.

3. The independent pronoun “تو” has appeared in its colloquial form “ته”.

4. The word “پرستار” is used with the meaning of slave, which in Middle Persian and fourth and fifth century texts such as *the Shahn-ameh* has the same meaning.

5. In the clause “و زنان شما که مومن اید”، the verb “اید” with the same meaning as the copula “است” is a dialect which is also used in Abdullah-e Ansari’s “Tabaghat al-Sufiyyah”, and this shows that this text is probably written in one of the ancient dialects of Khorasan.

The Persian prose of the Samanid period, which is the pioneer of the Dari Persian prose, has the following features:

1. Brevity and concision, which is also perceived in Pahlavi prose. (Bahar, 1370: Vol II, p 54)

2. Repetition of words, sentences, and verbs. According to Bahar, such a repetition was not considered a defect in the Samanid period; in the later periods, however, synonyms and equivalent words, verbs and phrases were employed instead of repetition. (*ibid*, 55)

3. The shortness of sentences, also perceived in Pahlavi prose texts, which is a prerequisite for brevity. (*ibid*, 57)

4. Little use of Arabic words, which do not exceed 5 to 10 percent of the overall words. (*ibid*, 57)

5. Use of archaic prefixes before verbs, such as فرا، فراز، باز، فرو، بر، اندر، همی.

6. Use of archaic words which were common during the period.

7. Use of double prepositions such به خانه اندر

8. Use of the prefix “ب” before the past tense verbs such as برفت، بگفت

9. Use of “او” and “وی” in the place of the absent pronoun, referring to both animate and inanimate beings.

10. Pluralizing Arabic nouns with Persian plural making suffix “ان” such as گاهنان، عالمان، ملکان and adding Persian plural making suffixes to Arabic plural nouns, such as عجایبها و ملوکان (*ibid*, 59).

11. Using the demonstrative adjectives “this” and “that” in the same way as a determiner:

The mead turns a bad person into a nobleman;/Many arts can this mead perform. (Rudaki)

12. Use of bare infinitive in semi-auxiliary verbs, such as گفتن in the clause او را چیزی نتوانستند گفتن

13. Matching the adjective and the noun in singularity and plurality. For example: “جوانان کار نادیدگان” and “جهان دیدگان پر هنران”.

The works written from the fifth century onward can be classified into two major categories. The first category consists of works written by court officials and include official letters, court compositions, epistolary writings, and historical documents. The second category includes works written about different scientific, moral, and religious issues. The first group, who consisted of court teachers and instructors, had to gain mastery over Arabic language and literature, Arabic proverbs, adages, and poems, Quranic verses and Prophet’s sayings. Such a comprehensive knowledge, together with a tint of scholarly pretension, gradually led the way towards the creation of technical prose in Persian language. It should be noted, in passing, that this style was the standard prose employed in the court from the fifth to the seventh centuries.

Tarikh-e Bayhaqi could be considered the pioneer of this transformation, as a work written in an in-between prose. The style of this book is elevated and unique, to the extent that it stands unrivaled among its peers. 17 percent of the words in Tarikh-e Bayhaqi are of Arabic origin.

Bahar has highlighted the following issues in his analysis of Bayhaqi’s style:

1. Verbosity, which cannot be seen in the prose texts written before it.

2. Allegory. In previous writings, poetical allusions, referring to Quranic verses, and employing allegory is very rare; however, in

Tarikh-e Bayhaqi, narrative, poetry, and allegory have been used as evidence and proof.

3. Imitation of Arabic texts, which is carried out in three ways:

- a. Using a number of Arabic words alien to the Samanid prose.
- b. Using Arabic grammatical patterns in words such as عزیزاً، مکرماً، مغافضة

c. Using Arabic sentences as headings

d. Using sentence formations specific to Arabic language as in
و تاریخها دیده‌ام بسیار که بیش از من کرده‌اند پادشاهان گذشته را خدمتکاران
ایشان که اندر آن زیادت و نقصان کرده‌اند

4. The elliptical omission of verbs.

5. Using the realis mood instead of the subjunctive mood in verbs: “And he should also take this stance and he will reveal to us the core of his heart and will tell us the correct course of events”. In this sentence, “will reveal” is used instead of “should reveal” and “will tell” is used in the place of “should tell” (Danesh Pajoo, 1383: 111—112).

The second group, namely those works written about different scientific, moral, and religious (mystical) issues, include Daneshname-ye ‘Alaayi (Alaayi’s Encyclopedia), written by Ibn Sina (Avicenna) on wisdom and philosophy, Al-Tafhiim, written by Aby Reyhan-e Biruni on astronomy, Sharh-e T’arrof dar Tasawwuf by Mostamli-e Bukhari, Kashf al-Mahjoob by Hajwiri, Ghaboos Nameh, Siaasat Nameh, and Kimiay-e S’aadat by Imam Muhamad-e Ghazali.

The structure of the sentences in these books is generally simple and follows the lucid Persian prose, away from the sophistications and embellishments of technical prose, and from the fourth century onwards archaic words and verb structures gradually decrease and writing becomes more similar to the modern prose style. In order to clarify this issue, we should quote some passages from these books.

1. The following is taken from Biruni’s Al-Tafhiim which was written in 420 Hijri:

“What is Bahmanjane? It is the day of Bahman in the month of Bahman. In this day of the white month of Bahman, people drink pure milk and believe that it increases their memory and cures forgetfulness. In Khorasan, a feast is held around a huge pot in which there exists every sort of edible seed, and the meat of every halal beast and bird, and everything which could be

found at that moment in that region from vegetables and plants” (Biruni, 1353: 254).

2. From Kashf al-Mahjoob by Hajwiri, written in 470 Hijri:

“When I was sitting by the grave of Abu S’aid, just as I was used to, I beheld a white dove which came and slipped beneath the gown thrown on the grave. I wondered if it had escaped from someone, so I rose and overturned the gown, yet I saw nothing under it. This I saw for another day and for three other days, and was confounded with astonishment, until one night I saw Abu S’aid in a dream and asked him about the event. He answered: “That dove is the purity of behavior which everyday flies into the grave to scold and reproach me” (Hajwiri, 1382: 351).

In the first passage, the sentences are short and lucid, and Arabic words do not have a high frequency. Some of the sentences have an archaic form, such as “حفظ فزاید مردم را”, which means that it increases the memory. The word “فرا مشتی” is an archaic form of “فراموشی”. In it, literary features are not present. The sentences of the second passage are also short and lucid; there is a higher frequency of Arabic words compared to the text from Al-Tafhiim. The sentences, however, are used in a more modern way.

From the fifth century onwards, a specific kind of prose became popular and common in mystical writings and some translations of Quran which has come to be known as “rhythmic prose” (or, prose poem). Such works, including the writings of Khajeh Abdullah Ansari and Tafsir-e Nasafi (Nasafi’s Interpretation of Quran), have influenced the technical prose of the sixth and seventh centuries.

In the sixth century, due to the dominance of the style of court officials, technical prose flourished, some of the features of which are as follows:

1. Abundance of Arabic words
2. Using Quranic verses, Prophet’s sayings, proverbs, and Arabic poems.
3. Mixture of poetry and prose.
4. Poetic analysis (in the sense that they analyzed the purpose of the first couplet of odes in prose).
5. Verbosity (digression and obiter dictum)
6. Rhyme, parallelism, leonine verse, and symmetry.
7. Abundance of figurative speech and rhetorical devices.

8. Use of the metaphorical sense of verbs (to avoid repetition and excessive rhyme making)

9. Musicality of the speech.

10. More imaginative than informational. (which means that the sentence, instead of giving information, brims with various types of simile, metaphor and irony).

11. Description (to the extent that it overshadows information)

12. Extensive use of synonyms. (Shamisa, 1390: 92—93)

The first book written in this style was *Kalileh and Demneh*, written by Nasrollah Monshi in 539 Hijri. After that, *Maqamat-e Hamidi* was written by Ghazi Hamiduddin Mahmud ibn Umar-e Balkhi in 552, as an imitation of *Maqamat-e Hariri*, which was written in Arabic. Next, between 617 to 625 Hijri, S'aduddin-e Varavini translated into Persian technical prose *Marzban Nameh*, written by Marzban ibn Rustam in Tabari dialect. After that came *Nafhat al-Masdoor*, written by Zainuddin Muhammad Nasafi in 630 Hijri, and *Tarikh-e Jahangoshay-e Joveini*, written by 'Ata Malek Joveini in 658 Hijri, and *Tarikh-e Vassaf*, written by Shahabuddin Abdullah Shirazi in 711 Hijri. From the literary point of view, technical prose should be esteemed as "the pinnacle of prose writing" (Shamisa, *ibid*, 96).

What are the features of technical prose from the vantage of Persian language?

"From this viewpoint, it should first be mentioned that applying the term prose for this type of writing is figurative, because the purpose of prose is to communicate ideas and information, and in its primary meaning, it is the written form of speech, and no speaker of Persian could ever be found to have used the style of technical prose for speech. Our honorable fathers dealt the greatest strikes to the body of Persian language through the use of technical prose. They inserted whatever obsolete word and unknown Arabic poem they found here and there into Persian language, and made some of the grammatical structures and the history of Arabic literature a part of our literary knowledge. For instance, when in such writings the word "عشيق" is used in the sense of the beloved, it is as if we should learn that sometimes in Arabic, "فعليل" is used in the meaning of "مفعول" (Shamisa, *ibid*, 96).

However, with the advent of S'adi in the seventh century, Persian language found the path of moderation and temperance anew.

The poetry and prose of this unrivaled and peerless poet rescued the Persian language from sinking and fading into the quagmire of the technical prose, to the extent that today Persian language is closer than anything to the Language of S'adi.

"*Golestan* is the apex where the style of the rhythmic prose of Abdullah Ansari and that of Ghazi Hamiduudin mix and mingle. It is as if S'adi had analyzed the previous literary works and found out that these two styles had not actualized their potentials and thus were in need of someone to bring them to completion. On the other hand, S'adi was a poet and, therefore, by nature yearned for rhythm. As a result, many of the sentences in *Golestan* have prosodic rhythms... In *Golestan* the majority of the features peculiar to the Khorasani style (albeit with a change in frequency) are present, and features of the modern language are also discernible. What is of note in his language is that he lived in a period when the ancient style was in decline and a new style was rising" (Shamisa, *ibid*, 191; 193).

"In his choice of words, S'ad paid especial attention to rhetorical devices and figures of speech. However, unlike many of his contemporaries, he did not prioritize form over meaning and avoided the dominance of verbal relations. This he observed closely in composing poetry, and if we pay close attention we realize that the choice of words in *Golestan* is based on the same provisions as he regarded in his poetic works. In other words, in his prose writing, words which are representative of certain verbal techniques are precisely those which are necessitated by meaning, and his style of writing draws the attention of the reader first to understanding meaning and then to verbal relations" (Khatibi, 1366: 609—610).

One of the effects of the Mongolian invasion of Iran and the establishment of the Ilkhani dynasty on Persian language is the unprecedented introduction of Mongolian Turkish words in the works written during this period, such as *Tarikh-e Jahangoshay-e Joveini*. Another effect is the simplification of Persian prose due to the popularity of historiography among the Mongols.

"In the texts written during the seventh century, both simple prose and technical prose are employed. In order to keep abreast of his time, the author usually used technical prose in writing the introduction, and simple prose in writing the rest" (Shamisa, 1390: 199). Examples are *Almo'jam fi M'aayir Ash'aar al-'Ajam* by Shams-

e Gheys-e Razi in 631 Hijri, Lubab ul-Albab in 617 and Jawam'e ul-Hikaayat in 631 Hijri by Muhammad-e 'Ufi.

Those works of Khajeh Nassiruddin Tusi, written in Persian, which are of didactic nature, such as Asas ul-Iqtibas, M'eyar ul-Ash'aar, and Akhalq-e Nasser, are all written in simple prose.

The mystical books written in the seventh and eighth centuries also tend for simplicity. Such works include Mersad ul-'Ebad by Najmuddin Razi in 624 Hijri, Awrad ul-Ahbab and Fous ul-Aadab by Abu-l Mafakher Bakhrizi ca. 720 Hijri, Mana'ib ul-'Aarefin by Shamsuddin Aflaki ca. 718 Hijri, Misbah ul-Hidaya va Miftah ul-Kifaya by 'Ezuddin Mahmud Kashani ca. 730 Hijri.

The devastations wrought by the Mongolian attacks had not been improved when Iran once again, in the second half of the eighth century, became the target of Tamerlane's invasion, another Mongol who inflicted ruin, destruction, plunder, and murder on all the levels of life. Persian literary and scientific languages were not immune against these harms. "Therefore, we should perceive, from the ninth century onwards, the decline of literature and the wholesale separation from the old style which had begun as the aftermath of the Mongolian invasions" (Shamisa, 1390: 235).

In the age of Shah Rukh the Timurid, his son Baysunghur had established a scientific and literary center, together with a library. Shah Rukh himself was considerate of knowledgeable people; however, such a growth and flourishing was not fundamental. Superficial research works and imitative literature are weak and sapless" (Shamisa, 1390: 236).

Malek us-Sh'uaara Bahar comments on this issue: "However, literary decline did not stop. Persian poetry soared with Hafiz to the Heaven and never returned. Complex, sophisticated, and soulless style, which did not exceed the world of vulgarity, plunged poetry from the pinnacle of ode and lyric to the abyss of baseness... In prose also, verbal and spiritual decline rode towards its dire conclusion" (Bahar, 1369: vol. 3, p 185).

In order to become familiar with the style of the works written during the Timurid Dynasty, which amounted to the level of formal and standard written language of the period, we will analyze a quote from Matla'e S'adein va Majma'-e Bahrein penned down by Kamaluddin Abdulrazzaq Samarqandi (816—887 Hijri):

"Although Emir was on good terms with Khajeh (Rashiduddin Fazlullah), he had a simple heart which everyone controlled for his own benefit. To cut the story short, Emir was changed and this transformed the Sultan. The enemies said that Khajeh Rashid had planned to kill Sultan Uljaito, and Khajeh Ibrahim, his son, who was the cup bearer to the deceased Sultan, had given him poison to drink according to the teaching of his father. This claim they reported to the Sultan" (Kamaluddin, 1353: 31).

"Then, from all the lands which he conquered, he made the nobles, intellectuals, engineers, and other professionals, emigrate to the Transoxiana" (*ibid*, 118).

"Malek Ashraf, without spilling a drop of blood onto the ground, conquered a land, and without drawing a sword, put a country under control" (*ibid*, 178).

The structure of sentences in this book are mostly simple and short. In the first passage, participles have replaced the verbs. This is a feature common to the prose of this period and that of the Safavid dynasty, and finds a high frequency in this book and the other works of these periods.

In the third passage, the simple past tense verbs "ريخت" and "کشيد" in realis mood, are used instead of the subjunctive "بريزد" and "بکشد", which reveals the lack of knowledge about the structures of Persian language possessed by the authors of the period. Mongolian Turkish words are used abundantly in this book. Nonetheless, this simple writing style, albeit with some alterations received in later ages as to the use of some verbs and vocabulary, has turned into the modern Persian prose of today.

The Safavid period, from the linguistic point of view, is the continuation of the decline of Persian language already begun in the previous period. Here, Bahar's comment on this decline in Persian prose writing, from the stylistic viewpoint, is revealing: "We saw with what speed does prose hurry and haste towards decline and depravity; we saw how Arabic combinations and raw phrases replaced the delicate and elegant Persian expressions... The use of various verbs with different prefixes and of different persons, of perfect, simple, performative, conditional, and progressive moods, each with its specific prefixes and suffixes, was replaced by participles; adjective/noun correspondence was based on the Arabic example and lost its natural homogeneity; successive rhymes, cold

technicalities, consecutive synonyms, repetitive flatteries, clumsy poems usually composed by the authors themselves, and careless recording of historical data, all made the prose of this period a failure” (Bahar, *ibid*, 250).

Although during the Safavid dynasty, the territorial integrity and the centrality of Iran was revived and national unity was achieved, “during the same period, with the victory of uncultivated lowbrow swordsmen and the dominance of the shallow-minded, Iran’s intellectual, rational, and literary fall and decay was underway, which not only did not stop with the fall of the Safavids, but the effects and consequences of which remained for a long time” (Rastegar-e Fasayi, 1380: 507).

“Although Persian prose was common in Iran, India, and Ottoman lands during the Safavid dynasty, it did not experience any improvement and flourish. Also, in spite of the fact that during this period numerous works were written in different areas, lexical, literary and rhetorical standards were not properly observed and, therefore, it could be not considered a significant and distinguished period. Generally, the prose writings of the period are worthless and lack value, and though they tend towards simplicity, they are combined with vulgar words, expressions, and combinations, and once they yearn for technicality, they become aligned with tasteless sophistications. Thus, works such as ‘Aalam Aray-e ‘Abbasi, which observe harmony and balance, are very rare.

Generally, Safavid prose is more weak and feeble than the Timurid prose. Its sophisticated prose writings cannot even compete with the works written by the Timurid court officials, and they are so much filled with flattery and epithets, cold sophistications, and improper synonyms that they sometimes forget the main point to the extent of incomprehensibility” (*ibid*, 509).

To show the simple prose of the Safavid period, we quote and analyze the following extract from Tarikh-e ‘Aalam Aray-e ‘Abbasi:

“For this reason, he sent Kheiruddin Chavush in the mentioned manner together with Muhammad Bayg for his own content and satisfaction, while he himself was busy preparing for the journey in Osku, around Istanbul, and waiting for the arrival of the messengers. Then he received the news of the arrival of the Qizilbash to Erzurum, so he collected the armies of that region, who were responsible for his protection, and marched towards Erzurum. On the

way, as it was mentioned above, he met the messengers and made them his company, and moved towards this direction, and while his excellency directed his way from Gharagiugh in Maragheh toward Tabriz with his company, he ordered the high commanders to go to Gharachaman, and as the winter approached, to go towards Iraq, because there was no probability of the approaching of the Roman army. The commanders obeyed the orders, and while they were on their way towards Iraq, they received the news of the arrival of the king, so they returned to Tabriz. From there, the commanders and the victorious armies were sent to Marand, to do everything which is necessary for the benefit of the conquering government” (Iskandar Bayg, 1335: 821).

The main features of this passage are as follows:

1. The prose language is simple.
2. The frequency of Arabic words is high.
3. The frequency of the participle is high.
4. The compound conditional phrase “چنانچه” is used instead of “چنانکه”. This was a mistake which became common since the Timurid period.
5. Epithets, titles, and compliments are abundantly used in this text.
6. Use of vulgar combinations: حسب الفرموده
7. Adjective/noun correspondence in relation to number and kind: امراء عظام (great commanders).

The structure of the sentences in the works of this period is simple and almost without literary figures; information has priority over description; and the same simple writing style close to the colloquial language also continued in the next periods.

With the fall of the Safavid dynasty in the first half of the 12th century (i.e., 1133 Hijri), a period of chaos, sometimes continuous (until the end of the rule of Nader Shah) and sometimes discontinuous (as in the period of Karim Khan-e Zand) began, which continued until the establishment of the Qajar dynasty (1210 Hijri). “In the 12th century, the same principles were dominant in Persian prose. In formal letters, orders, and governmental decrees, as well as in historiography or other literary works, there existed a great exaggeration and overstatement in terms of metaphors, and even this was common in the letters sent to European kings and monarchs. Finally, such meticulousness and over-delicacies should

tire the Iranians, and make them loathe such unnatural styles full of sophistication and artificiality.

This significant movement became manifest in the concluding years of the 12th century, and its most important founder was Mirza Abulghassem Ghaem Magham-e Farahani. However, the result of this movement only became manifest in the next century, i. e., in the 13th century. "Ghaem Magham revived Persian prose in the Qajar period, and he must be taken as one the turning points in the history of Persian prose writing. In fact, if it was not for Ghaem Magham, Persian prose would not change the way it did during the Constitutional period, and it would not turn into the simple and correct prose of the modern period... In sum, it could be claimed that S'adi's prose was once again revived in the Qajar period... After Ghaem Magham, more attention was paid to simplicity of writing, and figures such as Farhad Mirza Mo'tamed ul-Dowleh, and Amir Nezam Garusi, followed this current" (Shamisa, *ibid*, 228).

The literary renaissance and the simplicity of prose and poetry in the Qajar period had several reasons: "One reason was the social welfare during the reign of Karim Khan in Shiraz, which gave literary figures an opportunity for progress and improvement. Another reason was the dissemination of the books plundered during the Safavid era among people, particularly the people of Shiraz, which raised the level of literary competency. Another reason was the confrontation of literary figures with a new audience, namely, the lower class of the society who were not acquainted with the language of court officials and authors and intellectual figures. Of course, this class, which was not familiar with the archaic writings and the sophisticated Arabic texts of the period, led to the rise of simplicity in writing and speech, because they demanded a language which would be comprehensible for them. Therefore, journalists, poets, and innovative authors and humorists of the period avoided esoteric and recondite writing in favor of a simple style understood by the people" (Farshidvard, 1387: 144).

Another reason for the transformation of Persian language during this period, apart from the advent of printing, prevalence of newspapers, and publication of different books was the acquaintance of the Iranian people with foreign languages and translation of works from these languages into Persian. This

familiarity led to a gradual introduction of foreign European words into the Persian language.

With the advent of the Constitutional Revolution at the concluding years of the Qajar dynasty and the circulation of newspapers, night letters, and the translation of scientific and literary books from European languages, Persian prose writing underwent a fundamental change. The nobility and the aristocracy were no longer the addressee and audience of these works; rather, they were published for the mass. Thus, it was necessary for these works to be understandable for all the people. "Prose of the Constitutional period is lucid, simple, non-esoteric, and full of new and modern thoughts and ideas... From the vantage of structure, form, and meaning, the following features of this prose could be highlighted:

1. The number of Arabic words was decreased considerably, and abstruse Arabic wordings and sentence structures were abandoned.

2. The number of participle phrases, the use of past participle instead of simple verbs, lack of correspondence between subject and verb, or noun and pronoun, and grammatical errors decreased. The tendency for simplicity in writing drew written language and composition closer to the spoken language, and as everyone habitually uses his mother tongue correctly, in the simple and familiar new prose, simplicity and lucidity became the center of attention.

3. From the Constitutional period onwards, the use of synonyms was abandoned in prose. This resulted in a careful employment of words in their own place and meaning, as well as an avoidance of verbosity" (Rastgar Fasayi, *ibid*, 565).

In the 14th century, Iran entered a new phase of acquaintance with European civilization, which led to the establishment of new schools and different universities and the publication of scientific and literary journals. Also, the scientific books required for schools and universities were composed and translated in a simple language, and the contemporary authors who were familiar with Western languages wrote and translated works which developed and flourished simple writing in Persian language. During the reign of the first and second Pahlavi kings, two academies of Persian language were established, whose aim was to standardize

the Persian language. However, when comparing the function of the academy with the pre-Constitutional simple writing movement, we should note: “The standardization of the language in the pre-Constitutional period had a completely natural and spontaneous form, with political, social, and cultural events of the time as its determining factors. On the other hand, in the post-Constitutional period, the attention paid to language was more conscious and deliberate. Unfortunately, although awareness of language and its standardization has led to the establishment of academies and other language centers, politicization of these organizations, the shortness of their lives, and lack of necessary proficiency in the standardization of language, have given organized and conscious activities little opportunity to manifest themselves. For this reason, we should consider the post-Constitutional standardization project a semi-conscious activity.

The pre-Constitutional standardization ultimately culminated in the stabilization of literary language, while the post-Constitutional standardization developed a standard language — in the sense understood by social linguistic — which replaced the mentioned literary language in many of its roles and functions.

Some aspects of the pre-Constitutional standardization of language took place outside Iran’s borders. However, in the post-Constitutional period, this project was completely nationalized.

In the pre-Constitutional standardization, word formation and the development of linguistic mechanism was carried out by authors and translators. However, in the modern period, this aspect of standardization is done by official authorities as well.

And finally, in the pre-Constitutional standardization, Dari was in war with Arabic for the improvement of its role. However, in the post-Constitutional standardization, the standard Persian at times engaged in a conflict with literary Persian, and nowadays it competes with international languages in scientific fields” (Sarli, 1387: 336).

WORKS CITED

1. Abolghassemi, Mohsen (1385). *The History of Persian Language*. Tehran: SAMT.
2. Iskandar Bayg Turkman (1335). *Tarikh-e Alam Aray-e Abbasi*. Edited by Iraj Afshar. Isfahan: Taeid.

3. Anvari, Hassan and Hassan Ahmadi Givi (1390). *Persian Grammar II*. Tehran: Fatemi.
4. Bahar, Muhammad Taghi (1369). *Stylistics* (three volumes). Tehran: Amir Kabir.
5. Bal’ami, Abu Ali (1374). *Tarikhnameh-ye Tabari*. Edited by Muhammad Roshan. Tehran: Soroush.
6. — (1382). *Bakhshi as Tafsiri Kohan*. Edited by Muhammad Roshan. Tehran: SAMT.
7. Khatibi, Hussein (1366). *Prose in Persian Literature*. Tehran: Zovvar.
8. Daneshpajoo, Manuchehr (1382). *A Selection of Persian Prose*. Tehran: Farzan.
9. Dabirsiaghi, Muhammad (1370). *Pioneers of Persian Poetry*. Tehran: Enqelab Eslami Publication.
10. Rastgar-e Fasayi, Mansur (1380). *Types of Persian Prose*. Tehran: SAMT.
11. Ravaghi, Ali (1364). *Ghoran-e Ghods*. Tehran.
12. Sarli, Nasser Gholi (1387). *The Standard Persian Language*. Tehran: Hermes.
13. Samarghandi, Kamaluddin Abdurrazzagah (1353). *Matl’ae S’adein va Majm’ae Bahrein*. Edited by Abdulhussein Navayi. Tehran: Tahuri.
14. Sami’ee Gilani, Ahmad (1385). *Composition and Editing*. Tehran: SAMT.
15. Shamisa, Sirus (1390). *The Stylistics of Prose*. Tehran: Mitra.
16. Sadeghi, Ali Ashraf (1375). “Standard Language”: *About Persian Language. Selected Articles of Nashr-e Danesh*. Tehran: University Publication Center.
17. Farshidvard, Khosro (1387). *A Brief History of Persian Language from the Beginning to the Present*. Tehran: Zovvar.
18. Nafisi, S’aid (1336). *Masterpieces of Contemporary Persian Prose* (two volumes). Tehran: Kanoon-e M’arefat.
19. Hajwiri, Ali (1384). *Kashful-Mahjoob*. Edited by Mahmood A’abedi. Tehran: Soroosh.

Научное издание

ЯЗЫК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

**Актуальные вопросы, методы исследования
и проблемы преподавания**

Сборник научных статей

Издано в авторской редакции.

Компьютерная верстка *В.Р. Хованской*
Дизайн обложки *В.Р. Хованской*

Подписано в печать 14.12.2022. Формат 60×90/16.
Гарнитура DroidSerif. Усл. печ. л. 15,375
Тираж 500 экз. (1-й з-д 55)

Издательство ООО «Квант Медиа»
125475, г. Москва, ул. Дыбенко, д. 26, корп. 3, к. 80
www.kvantmedia.ru